

PK 113

y45

308

КРАТКИЙ ПАСПОРТ КНИГИ

+

Инд. № ШЗ 445 Инв. № 2272034

Автор Украинские народ-

Название ные предания

Место, год издания л. 1847.

Кол-во стр. 92с.

- " - отд. листов _____

- " - иллюстраций _____

- " - карт _____

- " - схем _____

Том Кч. 1-8 часть _____ вып. _____

Коллекция _____

_____

_____

Примечание: 7.06.89

ТМБ

УКРАИНСКІЯ

сн

НАРОДНЫЯ ПРЭДАНІЯ.

УКРАИНСКІЯ НАРОДНЫЯ ПРЕДАНІЯ.

СОБРАЛЪ

П. КУЛЫШЪ.

Разговорный языкъ простаго народа, не читающаго иностранныхъ книгъ и, слава Богу, не искажающаго, какъ мы, своихъ мыслей на Французскомъ языкѣ, достоинъ также глубочайшихъ изслѣдованій.

Пушкинъ.

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1847.

Меморіал ордена Трудовоса
Червоного Прапора
Всерудіанська бібліотека
УРСР Імелі КІРС

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Изуная источники Исторіи Южно-Русскаго народа, я не разъ объѣзжалъ обитаемыя ими губерніи для собранія народныхъ пѣсень и преданій. Со временемъ надѣюсь представить любителямъ Исторіи и народной Поэзіи свой сборникъ пѣсень; теперь издаю только преданія. Предоставляя судить каждому объ ихъ исторической важности и поэтическихъ достоинствахъ, считаю долгомъ сказать только, что я записывалъ ихъ стенографически, какъ пѣсни, дорожа каждымъ оборотомъ и словомъ народной рѣчи. Я позволялъ себѣ исправлять нѣкоторыя фразы только въ тѣхъ преданіяхъ, которыя доставлены мнѣ моими пріятелями, но и объ этомъ жалѣю: гораздо лучше было бы напечатать ихъ въ такомъ видѣ, въ какомъ они были мнѣ доставлены.

И. К.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Преданія Историческія.

УКРАИНСКІЯ

НАРОДНЫЯ ПРІДАНІЯ.

ЗОЛОТЫЕ КІЕВСКІЕ ВОРОТА.

Якъ лыхолитье було, то прышовъ чужоземець, Татарынь, и ото вже на Вышгородъ бѣе, а дали вже й пидъ Кіевъ пидступае. А тутъ Михайлыкъ лыцарь бувъ, да якъ зыйшовъ на башту, да пустывъ зъ лука стрилу, то стрила и впала у мыску тому Татарыну. Той скоро сивъ коло скамьи обидаты, тилько що поблагословывсь исты, ажъ та стрила такъ и встромылась у печеню. „Э!—каже,—се жъ тутъ е сылный лыцарь!“—„Подайте мыни,—каже, до Кіянъ,—подайте мыни того, Михайлыка, то я одступлю!“ Отъ Кіяне шушу, шушу и радяцьця: „А що жъ? Оддаймо.“ А Михайлыкъ и каже: „Якъ оддасте вы мене, то въ останній разъ будете бачить Золотыи ворота.“ Да сившы на коня, обернувсь до ихъ, да й промовывъ:

„Ой Кіяне, Кіяне, панове громада!

Погана ваша рада!

Якъ бы вы Михайлыка не отдавали,

Поки свить сонця ворогы бѣ Кіева не достали!“

Да взявъ на ратыще ворота, такъ якъ отъ снпъ святого жыта визьмешъ, да й поихавъ у Цареградъ черезъ Татарське вѣйсько, а Татары ёго й не бачать. Отъ, якъ открывъ ворота, то чужоземци ввалылись у Кіевъ, да й пшлы потоптомъ.

А лыцарь Михайлыкъ и доси живе въ Царыгради; передъ нимъ стоять стаканчыкъ воды и проскура лежить, бильшь ничого не йсть. И Золотыи ворота стоять у Царегради, и буде, кажуть, колысь таке время, що Михайлыкъ вернедьця въ Кіевъ и поставить ворота на свое мисто.

И якъ идучы хто мимо скаже: „О Золотыи, Золотыи ворота! Стоять вамъ изновь тамъ, де стоялы!“ то золото такъ и засяе. А якъ же не скаже такъ, або подумае: „Ни, вже не быть вамъ у Кіевъ!“ то золото такъ и померхне.

(Розказывалъ одинъ старикъ нищій въ Кіевъ.)

ЖИДОВСКІЕ ОТКУПЫ.

Було колись такъ,—ще передъ Хмельныщиною,— що церковны ключи були въ Жыда. Якъ чого треба до церкви, то йды вже до Жыда, да торгуйся, що винъ вьзьме. То зъ того-то й лихо зачалося.

(Розказывалъ Клима Биликъ, съ Кумейнахъ, Кіев. губ.)

КОЗАКИ И ЖОЛНЕРЫ.

Бсть десь ричка Жовтенька. То по одну сторону на заходъ сонця стоялы жовниры, а протывъ сонця стоялы Запорозьци. Изьидуцьця було въ шинкѣ на дешеву горилку; то жовниры, а то Козаки; у ряду сыдять собі. Да якъ напыоцьця горилки, то й заведуцьця быцьця за грянью, да часомъ который которого й зарубае. А дали вже такъ завельсь, що стали й дуже быцьця, и проженуть бувало жовниривъ ажъ геть за слободу, а въ слободи позабырають усе, да й вериуцьця. То жовниры просылы Короля, щобъ поставлено имъ певну грянью. Отъ Король и каже Козакамъ: „Проженить тихъ жовниривъ ажъ у Варшаву“. Отъ вони якъ прыгналы, то Король и каже отаману: „Чымъ тебе наградыть? Отъ тоби награда: де побачышь Жыда, або багатого мужыка, то печы й деры“. Такъ оттоди-то бувъ Печай и Хмельныцькый.

(Розказывалъ Дмитро Поссрпый съ Веснигородь, Кіевск. губ.)

ХМЕЛЬНИЦКІЙ И БАРАБАШЪ.

Сталы Ляхы душе вже налетать на Козакнвъ; прышло ихъ у Запорожжа по два Ляхы на одного Козака. То Козаки слалы до Короля лысты, що „такы намъ збыты роблять, що не можно ни якъ прожыты.“ Такъ Король и давъ имъ права, а Барабашъ словавъ, да никому й не показавъ; отъ Ляхы Козакамъ й орудують. А Хмельныцькый бувъ пры Барабашеви за писара въ Чыгырыни; самъ у Суботы сыдывъ, а туды изывъ на писарство. Отъ якъ родыласъ у Хмельныцького дытына, то винъ кумомъ узывъ Гетьмана. Якъ же впоивъ Гетьмана добре, тоди вынявъ у ёго зъ кышени хустку, и перстень зъ руки знявъ, до й посылае до Чыгырына свою джуру: — „Два кони беры, да бижы въ Чыгырынь по права!“

Прыймае той джура до Гетьманшы: „Пани! Зайлысь изъ Гетьманомъ паны; порубасть; такъ дайте тыи права, що одъ Короля.“ — „Оттамъ же,—каже,—вони въ стани пидъ воритьмывъ глухимъ киньци,—де пятка*, — у пудерку въ земли.“

* Замѣчасть разсказникъ отъ себя.

Просыпаецца Гетьманъ: „Ой, куме!—каже,—куме! Була въ мене хустка въ кышени, а теперъ нема; бувъ у мене перстень щиро-золотый на руци, а теперъ нема!“

—„То,—каже,—мій хлопець роздягавъ тебе, якъ клавъ у лѣжку, то повыймавъ.“

А самъ усе позырае, въ вѣкно. Колы жъ гляне Гетьманъ, ажъ хлопець повивъ у станю коня такого, що тилько хахъ-ха-хха-хха! Тоди вже й постеригъ, що Хмельницькый посылавъ по права.

„Ой Хмелю,—каже,—Хмельку!

Вчпывъ еси ясу.

И помижъ панамы великую трусу.

Лучче було бъ тоби братъ сукна не мирячы,

А гроши не личачы,

Лучче бъ було тоби зъ панамы добре проживашы,

А нижъ теперъ по лугахъ Базалугахъ потыраты,

Комаривъ, якъ ведмидивъ, годоваты!“

Гетьманъ же иде до дому, а вони зъ хлопцемъ коней спдають, да идуть у Сичъ. Приіхалы, вдарыды въ котлы; зибралысь Козакы, винъ вычытавъ одинъ указъ, — не слухають; вычытавъ другый, — не слухають; да вже якъ третій прочытавъ, тоди вси й стали на баталію.

(*Розказывалъ Климъ Бѣликъ, въ Кумейкахъ, Пѣвск. губ.*)

ХМЕЛЬНИЦКІЙ ВЪ ЗАПОРОЖСКОЙ СѢЧИ.

..... Да й поіхавъ у Сичъ тымъ бокомъ* Днѣпра. Прыхавъ до Сичи, ажъ тамъ стоить жовнирство, и бере одъ Козакивъ десятю рыбу. Отъ, Хмельницькый, показавшы тайно Запорозьцямъ Королевскый листь, усовитовавъ имъ, якъ збуты жовниривъ: — Я, — каже, — выйду на майданъ, да й зачну крычаты: „У Раду! въ Раду! въ Раду!“ а вы визьмите пидъ полу по дрючку, и якъ жовниры прыйдуть безъ шабель у Раду, то вы на ихъ зъ дрючкамы, да всихъ и перебийте.

Такъ и сталося. Да потимъ якъ пишовъ воѣвати Хмельницькый, то розбывъ Ляхивъ и на Жовтій Водѣ и коло Корсуна, да загнавъ ажъ за Случъ, да й сказавъ: „Знай, Лаше, по Случъ наше!“

(*Розказывалъ Омелько Котлаухий, въ Суботовѣ, Кіевск. губ.*)

* Лѣвымъ берегомъ.

ПЛАТА ХМЕЛЬНИЦКАГО ЗА ПЛѢН- НЫХЪ.

Якъ воёвавъ Хмельницькій зъ Ляхами, то всякому, хто піймае, Ляха, обіщавъ давати за кожного по рублю, а за ксѣндза по три копы. То якъ піймае було Козакъ Ляха, то выголыть ёму на голови лысыну, да й скаже:—„Гляды жъ ты маци, вражий Ляше! Тільки скажешъ, що ты не ксѣнзъ, то заразы духъ зъ тебе вонъ!“

Отъ, и приведе до Хмельницького.

— „Хто ты такий?“

— „Ксѣнзъ.“

То Хмельницькій выме зъ кишени три копы, да й дасть.

(Опъ же.)

ХМЕЛЬНИЦКІЙ НАДЪ СЛУЧЬЮ.

Якъ ставъ Хмельницькій надъ Случчу, на гори, то обобравъ свое вѣйсько такъ, що не осталось у Козакивъ грошей ни въ кишени, ни зашытыхъ.

(Розказывалъ одинъ старикъ въ Гирсути, Кіевск. губ.)

ВОЙНЫ ХМЕЛЬНИЦКАГО.

Хмельницькій первый піднявъ гайдамакъ. Написавъ такий листь, що: „Гей! Хто до мене пристане?“ да й назбравъ Козакивъ. Якъ на-збиравъ, то й почавъ ризаты Ляхивъ и Жидову; а якъ побачить було яку хорошу пани, або Жидивку, то змилуецця да й перехрыстыть у свою виру, и панивъ перехрыщувавъ. Отъ, якъ ставъ воёвати, якъ ставъ воёвати, то повоёвавъ Ляхивъ ажъ по Случъ, да загнавшы ихъ за Случъ, одиславъ вѣйсько до дому, а надъ Случчу поставивъ витрянии барабаны. Що подме витерь, то Ляхы думаютъ, що у Козацькому вѣйську въ трубы грають, да й бояцця пты за Случъ. А Хмельницькій тымъ часомъ бачить, що багацько лыха наробивъ, да взявъ, да й полизъ до Короля прохаты мылосты. А Король нарядивъ одынадцять кативъ у королевське платъте, а самъ дванадцятый ставъ. Якъ прылизе Хмельницькій до якого ката, заразы ёму голову одтять. Отъ же Хмельницькій не полизъ й до одного ката, да прямо до Короля. Прылизъ до ёго рачкы и впавъ у ноги. То Король піднявъ ёго за голову, да й сказавъ: „Ой ты, сваволныку! Багацько ты невинныхъ душъ занастывъ!“

А Хмельныцькый ёму: „Найяснійшыи Королю! Я хотивъ бы добре робить, але Козаки мене не слухають; я такъ хочу, а вони такъ, да й сваволять и всякыи пакосты роблять.“

То король ёго и одпустывъ.

Одъ того-то Хмельныцького пишла й Гайдамаччына. То була Хмельнычына, а описья настала Гайдамаччына.

Хмельныцькый той бувъ такый, що зъ Туркомъ знавсь. Пидъ-йде було до Турка, да й продасть одынъ, другой городъ, або село. То Турки вже тии села розорялы и ясырь бралы. Медвидовку и Ташлыкъ два разы продававъ. А коло Смилон, кажуть, мимо саму греблю Турки йшлы, але Смилон не займалы, бо не була продана. Есть и писья зъ того часу:

„Бодай Хмеля Хмельныцького перва кули не мынула,
Що веливъ браты дивкы. й парубкы, й молодыи молодыци!
Парубкы йдутъ стреляючи, а дивчата спиваючи,
А молодыи молодыци старого Хмеля проклинаючи.“

А далже не знаю якъ.

(*Разказывалъ Кондратъ Тарануха, въ Смьлой, Кіевск. губ.*)

ЮРІЙ ХМЕЛЬНИЦКІЙ.

Хмельныченко побусурманывшесь збывъ пушкою зъ горы Валка (въ 2 верстахъ отъ Суботова) верхъ зъ батькивськой церкви, хотячы довидатись батькивськыхъ грошей, що, кажуть, булы замурованы на горыщи на церкви. Винъ бы то прыйшовъ за ными й до Суботова, але боявсь, бо тутъ стояло вйсько; то вже зъ злосты хотивъ розбыть церкву.

Хмельныченко живе ще й доси. Нашы старыи чумаки розказувалы, що бачылы ёго въ горахъ на свои очи, и самъ винъ нмъ казавъ, що „Я сынъ Хмельныцького“. Ёго ссе гадына и винъ страшно мучыцца и буде мучытись и блукаты понижь горами ажъ до Страшного Суду; а тогда вже Господь ёго простыть, що побусурманывсь и хотивъ розбыть батькивську церкву.

(*Разказывалъ Омелько Каплагый, въ Суботствъ.*)

ЦАРЬ ПЕТРЪ И ПАЛІЙ.

Бувъ-то такый Мазепа, такый-то Гетьманъ, що й Царь ёго батюшкою звавъ. А Кочубей да Искра довидалысь, що винъ хоче зъ Шведомъ быть на Восточнаго Царя, да й пишлы до Царя до Восточнаго: „Эй,—кажуть,—Царю Восточный! Хоче Мазепа на тебе быть.“ А Царь, не понявъ виры: „Чы можна,—каже,—щобъ винъ на мене бывъ?“

Отъ же и въ письнн спиваютъ:

„А Царь, — каже, — впры не понавъ,
Да назадъ ихъ одиславъ.“

Тилькы що вони одишли, ажъ бижить гонецъ до Царя: „Ста новицьця, — каже, — на баталію, а то Мазепа бытыме на вась!“

То Царь тоди зумывся: „Бижи жь, — каже, — чы не наженешь ихъ; бижи якъ можна, щобъ винь ихъ не потратывъ.“

Колы жь прыбижить, ажъ имъ уже й головы одято.

Ото якъ ставъ бытъ Мазепа на Царя, то Богъ знав, що й робить. Ажъ на роздиль на церкву постагувавъ у Батурыни пушкы, да бывъ. Такъ избывъ, що вже, каже Козакъ³, такъ наше військо завертилося, що пропадать да й тилько!

— Царь бидкавцьця: „Чы нема — каже, — въ нашому царстві тако-го человека, щобъ знавъ, якъ одолитъ Мазепу? Нехай обзываетьця, — каже, — буду жаловать ёго.“

А одынъ старый Запорожець осмильвсь, да й каже: „Пйду я до Царя, да й скажу, що есть такый, Палій Семень (а первый Императоръ такый жорстокый бувъ, що тилько збрешы, то й голову зниме), да й пишовъ.

„А чого ты, — каже* — „Козаче, прышовъ?“

— „Прышовъ, — каже, — я, Царю, порадыть тебе, що есть у насъ такый чоловікъ, Семень Палій. Винь одоліе Мазепу.“

А Царь каже: „Нема Палія, страчений.“

— „Ни, Царю, живъ, тилько на Сыбири.“

Отто послали по ёго пошту таку огненну, що й птыця не злетыть. Примчали до Царя: „Эй, — каже, — Палію, Палію, Семене! Отъ царство втратымъ!“

А винь каже: „Не бійсь, колы я зайду, то ще буде по нашому.“

Ото заразы ёму исты.

„Ни, — каже, — нехай задзвонять до службы Божон.

Теперь, — каже, — давайте мыни коня!“

Пишовъ по стани, такъ не добере соби коня: струсне за гриву, то такъ и впаде. „Ни, — каже, — Царю, нема въ тебе такого коня.“

А Царь розгнпвась: „Якъ - то нема? Я Царь, да нема въ мене коня для тебе?“

„Нема, — каже, — Пустить мене въ Козацьке військо, то я соби выберу коня. Пйшовъ у Козацьке війско; глане, ажъ ёго конемъ воду везуть. Винь ажъ заплакавъ: „Я, — каже, — въ неволи, и кинь мій у неволи!“

Сивъ на коня, то кинь пидъ нымъ такъ якъ орель! „Теперь, — каже, — пойдьмо, Царю, у Мазепине військо, то почувешъ, що про тебе говорятъ.“

А Палій такый лыцарь бувъ, що не вольшебствомъ, а Ангельскимъ чыномъ воёвавъ, такый, що издыть по чужому війську, ниhto

* Отъ котораго слышаль это преданіе рассказчикъ.

** Царь.

ѣго и не бачыць; а якъ гляне кому въ вѣщи, то зроду не выдержыць.

Пойхалы, ажъ сыдять у намети трое: Мазепа, Шведъ и Турецкій баша, да й кажуть: „Оце забьёмъ усе ѣго вѣйсько, да й царство ѣго на троѣ раздѣлимъ.“

— „Бачь,—каже, Царю, що говорятъ!“

Мазепа жь и Турецкій баша не вбачылы Царя зъ Паліемъ, а Шведъ постеригъ, що се щось не певне, да й выстрелывъ на Палія зъ рушвыци. Такъ Палій обернувь до Царя, да й каже: „Якъ бы не стара шкура, то бь, може, й пробывъ бы! Вражый сынъ и се добрый!“

Идутъ звидты уже, а Запорожьци сыдять, да въ карты гуляють, а Палій каже: „Здоровы, паны молодци! Чы будемъ быцьця, чы будемъ мырыцьця?“

А одынь Запорожець каже: „Се Палій пойхавъ!“

„Де тоби, кажуть, у чорта той Палій тутъ буде!“

Колы жь вѣщъ уйхавъ у свое вѣйсько, да й клейноды свои выставывъ, такъ воны й похолонули.

А Мазепа одъ Палія бувъ и навченъ*. Такъ Царь каже: „Що жь, Палію! Ты ѣму ничего не зробишь, бо й вѣщъ одъ тебе навченъ.“

— „Ни,—каже,—Царю, хочъ вѣщъ и навченъ одъ мене, да я ѣму не сказавъ усѣи правды.“

Отъ и взявъ заряжать пушкы навхрестъ: та туды, а та туды; та туды, а та туды. „Теперь,—каже,—стрелайте, то не багато зостанецьця“. Якъ ударылы жь, то такъ якъ былына на пожарыщи зостанецьця, то такъ зъ того вѣйська зосталось. Отъ и погналы Мазепу....

Такъ хотивъ Царь за Мазепу усю Гетьманщину выгубыть, да ото й каже Палію, якъ уже побылы Мазепу: „Ну, теперь, Палію Семене, чого ты одъ мене хочешъ? Чы великого панства, чы злата, чы що“?

А вѣщъ каже: „Що жь, Царю! Я буду просыть тебе объ одну ричь, подаруй мыци!“

„Що таке? Кажы!“

„Не плюндруй,—каже, Гетьманщины.“

„Ну,—каже,—добре, для тебе дарую.“

(Разсказывалъ Клима Бляк въ Кумейкахъ.)

МАЗЕПА И ПАЛІЙ.

Мазепа боявся Палія, щобъ вѣщъ ѣго не звоѣвавъ, да взявъ ѣго да й замуrowавъ у стовбь, у такый, що тилько маленьке оконце, а то ввесь замуrowаный, и якъ хто подасть у те виконце шматокъ

* Народъ каждому своему *лыцарю* приписываетъ *Характерство*, т. е., чародѣйскую науку воевать. Въ словѣ *навченъ* здѣсь разумѣется научень хартерству.

хлиба, то тилько винь и живь. Отъ, замурававшы Палія, п ставь Мазепа воёвать зъ Царемь. А тогда ще Московської земли бувъ тилько одинь рукавь, да й годц; а се вже теперь такъ Государь розжився: давъ Господь милосердній, що позавоёвувавъ соби и городивъ, и земля. А тогда Московської земли було тилько такъ якъ на рукавь. Отъ, зовсімъ уже Мазепа одолывае Царя. А Царь якъ дочувсь, що въ такымъ и въ такымъ мистечку замураванъ у стовбъ Палій, заразъ пославъ такихъ, що розруйновали геть чисто той стовбъ. Отъ, якъ выпустилы Палія, то винь ажъ тремтыть увесь, такъ ослабъ. То Царь мусивъ прохаты у Мазепы на дванадцять день згоды, покы одхаявъ Палія; а якъ одхаявъ, то Палій сивъ на коня, да обйхавъ кругомъ Мазепино вйсько, да якъ поставивъ оттакъ (показывая рукою) ратыще, то имъ здалось, що лисъ стоить. Отъ вони и почалы йхаты черезъ той лисъ, зхыляючысь, а Паліевы Козаки давай рубать имъ головы. А Мазепа постеригъ, що лихо, да якъ ударить у тарабаны: „Гей, братци, втикайте, бо ще старій собака живь!“

(*Розказывалъ Кондратъ Тарануха, въ Смильой, Кіевск. губ.*)

СТЕПАНЪ ПЛАХА *.

Ни, Панычу, не такъ вы розказуете; а се ось якъ було. У Мазепы родывся сынъ. Царь Петро бувъ кумомъ. Отъ якъ уже булы на подпытку, то Петро и призвавъ до себе Козака *Степана Плаху*. А той Степанъ Плаха такій бувъ чоловікъ, що знавъ усе, що буде напередъ за сто лѣтъ.—„Скажи,—каже,—Степане Плахо, що зо мною буде?“

—„А отъ що зъ тобою буде, Царю,—каже Плаха: черезъ тридцять рикъ твій крыщеникъ вовватиме на тебе.“

—„Брешешъ, Степане,—каже Петро: Чы то можна, щобъ мое дытя пидняло на мене руки?“

Да й зведивъ забыть Плаху въ кайданы и посадить у темницю, не подавать ёму ни пыты, ни исти, тилько рижокъ зъ табакою положиты била ёго:—„Отъ же,—каже,—тоби, Степане, рижокъ табаки. Колы твоя правда, то ты въ темници будешъ жить тридцять литъ одною табакою; а колы брехня, то згынешъ.“

Посадывъ, да й байдуже описья на того Плаху. А Мазепенко тимъ часомъ росте, и скоро сповнылось ёму тридцять литъ, заразъ зибравъ свою ватагу, гайда въ степъ, да й забушовавъ!

* Это тотъ же самый Семень Палій, перименованный цародомъ, видно, по ошибкѣ.

Мазепа является здѣсь Мазепникомъ.

„Гей, каже, Царю, давай на погуляньє!“

Петро жажнувся. Знавъ, що ни якою сылою не одоліє.

Мазепенко бо сей такій бувъ ломусъ, що поставивъ пушку на долони, да якъ стрельвѣ изъ Быкова*, то досягнувъ ажъ у Остеръ и розбывъ у Остри церкву. И доси стоить та церква розбита.

Узялы Цара Петра думкы, да гадкы; сумув на столыци, не може жаднои рады прыложыты. Коды жъ, де взявсь старый салдаты:— „А що,—каже,—Царю! Бачъ теперъ, що правду казавъ Степанъ Плаха.“

— „Якій Степанъ Плаха?“

— „Якій! А забудь хрыстыны въ Мазепы? Тамъ Степанъ Плаха тоби сказавъ, якъ у око влипывъ, що твій хрыщеникъ черезъ тридцять рикъ воєватыме на тебе.“

То Петро ажъ за голову вхопывъ. — „Заразъ, заразъ выпустить ёго зъ темницы!“

Прышлы до Степана Царьскыи слугы, да якъ глянулы на ёго, то ажъ за серце ихъ закодупыло. На тому Степану Пласи вже тилько кожа да кости, увесь ажъ мохомъ обрисъ, и борода до пояса. Била ёго рожокъ, але въ рижку вже пусто. Якъ бы ще днемъ, або двома, Петро опизнывся, то тилько бъ и бачылы Степана Плаху!

Отто заразъ розбылы на ёму кайданы, понесли на носылкахъ до Петра, бо куды вже ёму самому иты! Прынесли до Цара, то Царъ ажъ слёзаны вмывся. — „Просты.—каже,— мене, Степане, за твою обыду! Прышлось и мѣни теперъ круто. Мазепенко гасав по стѣну, да зове на погуляньє.“

То Плаха тогда: „Все забуваю, да ще й зъ бѣды тебе вызволю. Дай тилько мѣни выгуляцця на волѣ!“

Отъ и нишовъ гулять. Пѣе день, пѣе другый, пѣе третій. И якъ выгулявся, то бере зъ собою одинадцять Козакивъ, а самъ дванадцятый, да й гайда въ степъ. Скоро забачывъ Мазепенкову ватагу, заразъ узавъ, да й обыхавъ ии кругомъ. Якъ обыхавъ, то Козакы Мазепенковы мовъ подурцлы и стали одинъ одного кодоть да рубать. А Мазепенко навтикача, а Степанъ Плаха зъ Козакамы за нымъ: скоро настыгъ, заразъ ёго и проколовъ спысомъ. Але то бисова тварь! Изожравъ одинъ спысь, изожравъ другый, изожравъ третій, и такъ уси одинадцять спыснѣвъ поивъ, да вже якъ ударывъ ёго Плаха своимъ дванадцятымъ, тогда вже ёму и капуть. А потимъ узавъ Степанъ Плаха Мазепенка, зпалывъ, да й понель по стѣну розвѣивъ. То оце въ памнять тому Пласи и ярмарокъ у насъ на Остапѣ

Отъ за того-то вражого Мазепенка розгнпався дуже Царъ Петро на Украинну. Заразъ шле указъ, щобъ рубылы въ пень увесь народъ.

Уже й шаблы повыймалы, щобъ рубать.

* Мѣстечко въ Перелславск. уѣздѣ.

А тутъ усюды у трубы, да въ шоломійки смутно, да жалбно выграваютъ, а по церквахъ молебни правлятъ, щобъ одвернувъ Господь гнѣвъ Царьскій.

Ажъ ось шае Петро другій указъ: велеть всиѣмъ головы здѣй-
мать.

То вже й шабли поодпускалы, але ще такы голыѣ не здѣй-
мають. А тутъ усюды у трубы, да у шоломійки смутно, да жалбно
выграваютъ, а по церквахъ молебни правлятъ, щобъ помыловавъ Го-
сподь невыныи души.

Колы жъ шае Петро третій указъ: прощае весьѣ народь.
Тогди вже усюды спокоѣ да музыкы. Звеселыся весьѣ людъ Хрыстіанскій.

*(Доставилъ П. Е. Чуйковичъ, а ему рассказывалъ поселянинъ на степу, около
новой Басани, въ Переласкомъ уездѣ.)*

Примѣчаніе. Въ XVIII столѣтіи Польское государство простиралось на востокъ до западныхъ, означенныхъ теченіемъ Днѣпра, границъ Черниговской и Полтавской губерній и до рѣкъ: Тяснина, Выси, Козыма и Спюхи. Вся погранич-
ныя земли отъ Каменца Подольскаго до Крылова на Днѣпрѣ правительство Поль-
ское раздало во владѣніе вельможамъ, или ихъ родственникамъ за истинныя, или
мнимыя заслуги, съ условіемъ, чтобъ владѣльцы помѣстьевъ содержали на свой
счетъ отряды кавалеріи или пѣхоты для защиты границъ. И такъ всякій по-
мѣщикъ, сообразно съ своею мѣгоуцествомъ, имѣлъ всегда въ своемъ имѣніи
полкъ, сотню, или хоть десяткъ Козаковъ, набранныхъ изъ крестьянъ. Козаки
эти назывались *надворными* или *городовыми* и составляли гарнизоны въ
укрѣпленныхъ замкахъ, подъ присмотромъ, однако жъ, Польской шляхты. Не
смотря на то, что Украинцы въ XVII вѣкѣ выгнали изъ Украины Католиковъ,
въ XVIII вѣкѣ Католики опять были господствующимъ классомъ народа въ этой
странѣ, ибо Россія не могла удержать за собою всѣхъ земель, отвоеванныхъ у
Польшы Козаками, и уступила Полякамъ всю Украину праваго берега Днѣпра,
удержавъ за собою только Кіевъ. Долго усиливался гетманъ Дорошенко воссо-
единить обѣ стороны Днѣпра въ одну гетманщину, и хотя онъ палъ въ борьбѣ
съ неблагопріятствовавшими ему обстоятельствами, хотя западная Украина нѣ-
сколько разъ признана была Польскою провинціею, однако жъ Запорожцы ни-
когда не оставляли своей идеи, идеи противодѣйствія господству пановъ и Ка-
толичества въ Украинѣ. По этому, не смотря на трактаты между Россіею и Польшою,
всякой *ватажокъ* Запорожскій считалъ добрымъ дѣломъ пробраться въ
Польскую Украину, напасть на дворецъ какого-нибудь пана, вырѣзать все Поль-
ское, Католическое и Жидовское и награбить при этомъ всякаго добра, чтобъ,
возратясь въ свои степы, погулять на славу съ Козаками. Такъ какъ паны от-
давали свои села въ аренду Жиламъ и мелкой Шляхтѣ, старавшимся всѣми мѣ-
рами выжать изъ крестьянъ побольше доходу, или же управляли своими имѣ-
ніями посредствомъ губернаторовъ (управителей), экономовъ, дѣспичихъ и т. п.,
все Шляхтичей, позволявшихъ себѣ всякія наглости съ крестьянами для своего
обогащенія, то господство ихъ поселяло къ нимъ глубокою вражду въ Украин-
цахъ. Къ этому присоединялось еще насильственное введеніе Поляками въ Украинѣ
Уніи. И потому Запорожскіе выходцы, извѣстные вообще подъ именемъ *Гай-
дамакъ*, всегда имѣли межъ крестьянами своихъ сторонниковъ, а иногда при-
соединялись къ Гайдамакамъ и надворные или городские Козаки. Наѣзды Гай-
дамакъ продолжались отъ конца XVII почти до конца XVIII вѣка въ большомъ
или меньшемъ объемѣ. Часто дѣлая поколѣнія пановъ Католиковъ погибали подъ
ихъ ударами въ одну ночь, а дворы ихъ превращались въ кучу пепла. Но са-
мая кровавая драма разыграна была Гайдамаками въ западной Украинѣ 1768

года. Она-то называется *Жолівициною*, и къ ней относится значительная часть помѣщенныхъ въ этой книжкѣ преданій. Только похощь, поданная Польшею противъ Гайдамакъ Россією, спасла тогда Поляковъ отъ совершеннаго истребленія ихъ во всѣхъ провинціяхъ, населенныхъ Южнорусскимъ народомъ.

ЧУПРЫНА И ЧОРТОУСЬ.

(Вольный переводъ съ Польскаго рукописнаго мемуара.)

Початокъ Гайдамаччины, зъ якихъ часивъ вона ведецьця, Богъ, святыи знае. Чувавъ я, що нище п за батькивъ, п за дидивъ нашихъ завжди показувались на Вкраини, да й на Подолю, Гайдамакы. А брались вони усе зъ Сичы! Знаете, на Сичъ утикае було всяка погань: хто або прошпетыцьця въ чомъ небудь, або вбѣе кого, да боицьця, щобъ и самому на лобъ очей не оставылы, то все тев бигло на Запорожьжи. А знаочы уси входы п выходы, уси стежки, а часомъ п мстючысь на якого пана, прыде туды, да: „Ходимо, брацьця, на Вкраину! Я вамъ покажу, де зимують рикы.“

Ну, а тѣмъ до сего торгу и пишки. Заразь зберецьця ихъ десяткѣвъ або и сотенъ скільки, выберуть соби ватажку, характерныка такого, що вже ёго хыба срибна куля визьме, да такъ якъ вовкы пидъ село, такъ вони було тыхо пидберуцьця на Вкраину. Де байракъ глухий такый, що ни звирь, ни птыця не знае, де хуторокъ або пасника стоить на одшыби, тамъ вони переднюють, а въ ночи якъ смыкнутъ, то миль десятка якъ не було. Эге!

А вѣйска, знаете, тогда у Ляхивъ на Вкраини не дуже товсто було: де-негде команда та паршыва дере крупы, да латае чоботы по замочкамъ. То вони похозяйствуютъ у паншѣ, да въ Жыдивѣ якъ у себе въ господи, навьючать усякимъ добромъ батовню коней, да й гайда назадъ! Покажуцьця п зслазнуть такъ живо, якъ нибы во снѣ прысмылось: тилько й знаку, що въ Ляхивъ, да въ Жыдовы скрыни пустыи, да въ иншого души въ тили нема. Отакѣмъ-то були тѣ затязьця!

Ридко, ридко колы удавалось жовнирству застукаты ихъ саме на хазайствѣ, хыба здрадою. А то було прыблжить корогва гусарѣн, чы р-йтарь на чутку, що *Гайд-макы деруть*, да полпчыть тилько слиды одъ пидкивъ на шляху, да зъ тымъ п вернецьця, Але вже якъ п застукують, то и имъ, сердечнымъ, добре було достаецьця.

Довелось п мыни быть разивъ зо два у тѣй справѣ. Ото разъ стоялы мы въ Полоннимъ, замку у князя Любомырського. Ажъ ось, саме увъ обидню годину, якъ мы, выпившы по чарци, тилько що взылысь за ложки, летыть гонецъ. Кинь пидъ нимъ ажъ хытаецьця, а низдры роздуло ёму якъ рижокъ. Заразь ёго, такъ якъ бувъ, у грядзи п въ шлыу, передъ Князя.

— „Що таке?“

— „Гайдамаки на Подолію. Просить лиментарь Подольскій посылку, бо самы нічого не вдіють.“

— „А багацько жь ихъ?“

— „Сто кпальканадцять чоловіка.“

— „Добре. Завтра самъ зь військомъ рушу.“

Заразь ёму другого коня и выправылы назадъ.

Отъ, мы вже тогда годи вылежуватысь на сонці, а давай лагодытысь у походы: перечыщать самопалы, споряжать кульбаки, патронташы, уюки. Назавтра, скоро свить, зайграно въ трубы, и рушылы зь замку. Нихоту й гарматы везлы подводамы. Третёго дня стали й коло Ялтушковъ, де Гайдамаки обсыкылы у лису. Ото стали въ ряды. Пань лиментарь прїихавъ, подывывсь. — Шу, теперь оддыхайте, да будьте готовы ва ничъ. Треба добре пылноваты, а то выскочать зь рукъ, якъ мыло въ воду.

Ото одпочывшы, якъ наставъ вечеръ, пылнуемо мы. Кругомъ лису поставлено мужыкывъ килько тысячъ зь ципами, а декоторы и зь рушыщамы; а за пымы, одступывшы ступеней сто, чы бильшь, стало військо: те, що прышло зь самымъ лиментаремъ, своимъ чередомъ, а наше своимъ чередомъ, а було всихъ тысячъ зо дви, и гусары, и панцирныкы, и пихота, —чого тамъ не було! И вси на ту жменю тыхъ гольтипакъ.

Сыдымы мы, огни скрызъ розложылы, балакаемъ де-що, але все тыхо, бо заказано було одъ старшыны, щобъ, Боже бороны, якого гвалту, а щобъ добре чувалы. Я ще тогда бувъ молодой, не знавъ нище, що то за Гайдамакы; то дивно мыни стало, що таке військо на нихъ зобрано. Отъ и пытаю у одного старого гусарына, що вже ёму усы рослы, рослы, да ажъ за ухо закрутылысь. — Що оце, дядюшка, — кажу, — за дыво таке си Гайдамакы, що ось на нихъ успи ко ровгы стягылыся?“

— „Эге, — каже, — а ты, хлогку, ще не знаєшь, що то за звирята? Колы бь у жадного зь насъ було по десять рукъ, то ще на ихъ мало, бо тїи галганы обороняюцьця мовъ скаженыи. Вони знаютъ, що вже имъ помидованїя не буде; то кыдаюцьця на людей, якъ пруды, и часомъ пробьюцьця скрызъ цилый повкъ, не то самы, а и зь усїєю добычю. Ось завтра побачышь, якъ вони повбираны. Се въ насъ такъ спорядылысь, бо зь Сичы попрыходылы въ одныхъ лобвыхъ сорочкахъ, да въ телячыхъ шгровахахъ.“

— „А якый же, — кажу, — ватажко теперь имы доводитьъ?“

Каже: — „Иванъ Чупрына. Пятнадцять разъ уже выходыть вниъ на добычу; разивъ скылько пробывавсь скрызъ нашихъ жовницривъ, да вже теперь, здавцьця, дямо мы ёму перцю.“

Отакъ мынула и ничъ. Стало на зорю займатысь. Колы жь по той бикъ лису, де стояла пихота, самоналы — пукъ! пукъ! перше зридка, а дали разъ по разъ. А тутъ зь гарматы — гу! пишла грукотня по лису. Дерево трещыть, да падае. Крынь, гамъ! Гарматы ревуть, а луна по ранній роси такъ и розлягавцьця.

Наша зараза на коней, а мужыкы злякавшысь навтикача. А мы тилько рушылы ихъ перейматы, ажъ тутъ изъ лису душъ сорокъ Гайдамакъ, вси въ кармазыни, да въ блаватасахъ, такыи гетьманы выскочылы, що ажъ очыма на ихъ не зглянешь, и коней навьюченыхъ зъ двадцатеро зъ собою ведутъ. Выскочылы, да якъ ударять зразу на чотыри корошвы Волосыкыи, що стоялы спереду, такъ ихъ и розидралы на дви часты. И отъ якъ бачышь, часомъ блыскавка зъ грому впаде на дуба, або на густу да стару сосну. да якъ розчахне ии одъ верху до низу, то одно гилье на сей бикъ, а друге на той бикъ важко впаде и затрещыть: оттакъ ти Гайдамакы розвалылы велику купу Волохивъ, а самы, якъ весною огонь по сухымъ очеретамъ, такъ и понеслысь, такъ и понеслысь по полю, ажъ поле закрасылы. А Волохы якъ сунулысь на компутовыхъ, а тутъ ще и мужыкы побиглы, куды хто втрапывъ, то все такъ змишалось, якъ каша, що вже чортъ бы и найшовъ свою лаву; вертысья кругомъ, язъ коза въ череди, да и годи. Описыля вже декоторыи опамняталысь и побиглы за нымы, але *въ пустой слидъ, хочъ тупыцею* Гайдамакы вже за селомъ, а село за нымы до неба палае.

Але тимъ, що булы на другимъ киньци лису, выпала инаша доля. Ще, кажуть, зъ вечора ватажко Иванъ Чупрына, гріючысь коло багаття, постеригъ, що вся нужда зъ сорочки зибралась ёму до ковнира, да и каже: — „Отеперь же, панове, буде намъ лихо зъ вражымы Ляхымы! Бачыте, якъ уся нужда зибралась мыни до ковнира!“

То вже Гайдамакы, почувшы сев, повисылы носы и запысалы соби пропало. Але Запорожець не такъ пропадае, якъ простый человикъ. У нихъ вочва натура: уміе добре шарпаты, уміе жъ и вмерты, не скиглычы дармо. Отаманъ и каже: „Роздильномъ же, панове, на тры батовы; то кому-небудъ да поможе Господъ выскочыть зъ западни, а въ купцъ вси пропадаемо. Чекайте, каже, мого гасла зъ пистолета. А якъ почувте гасло, зараза два разы зъ янчарокъ на Ляхивъ грувныть, да и зъ Богомъ на проломъ!“

Отъ, якъ стало займацьця на зорю, то вниъ и полпзъ рачкы на край лису, щобъ подывытысь, що Ляхы роблять. А зъ нымъ порачковало зъ десятокъ молодцывъ, и зачепысь одынъ лизучы рушныцею за голялочку! Рушныця—бехъ! а на те хвальшые гасло по лису трахъ! трахъ! пишла гуркотня! Пыхота наша зараза до лису, да зъ самопалывъ и затопыла. Чупрына лигъ, кажуть, одъ первой кули, а Гайдамакы ще не вспылы впасть на коней и потрапыть до ладу, а тутъ ще и ватажка немае! Збылысь воны зовсимъ зъ пантелыку! Одиаче жваво вражы сыны боронылысь: убылы пидповковныка Ляцького, скылькось охыщерывъ и зъ сотню рейтаръ. Але и имъ добре було: разъ то, що стрельба кругомъ, а тутъ зъ гарматы що ревнуть, то дерево по поламъ, або и все въ скипкы розскощыцьця и падае на нихъ. Жарко було дуже сиромахамъ. Выбыто ихъ мало не всихъ, а рещту пораненыхъ и постріляныхъ забрато въ плинъ. Найшылы самого Чупрыну мертвого. Здорова да гладка шельма! Лежыть выверывышысь, якъ быкъ, що довго рывъ пидъ ризныцькою довбнею и завдававъ усимъ страху, а дали тагы, хочъ якый дужый бувъ, упавъ, сер-

дечный, и землю глыбоко вдавивъ; лежить, якъ гора, и на мертвого ще страшно дывытысь. Оттакъ же й той Чупрына, великый да страшный, лежавъ у пышныхъ кармазынахъ рядомъ зъ старымъ дубомъ, що звалено гарматою. А бронь пры ёму, и на кони збруя така, що не-счисленны грошы коштуе: Срибло да золото, да робота, робота жъ така, що ажъ очы бере! На обохъ рукахъ у ёго дорогыхъ перстнивь, по кышенямъ золотыхъ дзыгаркивь скилько, и грошей, то и злчыты не можна. Да и на всихъ Гайдамакахъ, и коло самыхъ, и коло коней, знайдено срибла, золота и всякихъ дорогыхъ матерій на великыи ты-сячи. Усе те подылылы мижъ собою жовниры и лейстровы Козаки. Доставсь и мыни ригъ зъ порохомъ у срибній оправѣ, да ладовныця подь срибною бляхою. Але все те якъ прышло, такъ и пышло: про-пало въ Уманську руину. Ого подылывшысь добыччу, раненыхъ оди-слалы у Каменецъ на зтрату, а мертвыхъ закопалы въ Ялтушовському такы лиси, надь шляхомъ, и могылу надь нымы насыпалы високу.

Ого була перва моя справа зъ Гайдамаками. А зновъ рокывъ черезъ два пышла по Вкраини поголоска, що зза Сыноухы ричкы вышла добра куна Гайдамакъ зъ ватажкою *Чортову соль*, да прошла ажъ на Подыляя, награбовала срибла, золота и всякого добра скиль-ко уюковыи кони знесуть, и повертае назадь лисамы да байракамы. Але нихто не знавь, де саме вони теперь и въ якому мисьци выт-кнущця на степу изъ лису.

Тревога зробылась усюды така, що Боже твоя воля! Не було нишон розмовы, якъ про Гайдамакъ Оце сёгодня почувешъ, що тамъ и тамъ спалылы пана зъ панією и зъ диткамы, а завтра, що напалы на кляшторъ и всихъ ченцивь Кательцьныхъ выризалы. Той каже, що бачывъ людей якыхсь чудныхъ; а той, що въ одномъ шынку на-ткнувсь на самого Чортовуса: сыдыть за столомъ въ червонымъ жу-панѣ, руки по локоть закачаны, по кармазыновымъ рукавамъ чорна кровь Жыдивська стикае; кружае видромъ горилку и никого не бо-ицьця, бо вміе такъ робить, що оце е, а схоче, то й нема. Що день, то все страшнійшыи слухы: сёгодня скажуть, що въ ёго тры сотни молодцивь, а завтра тры тысячи. По дорогахъ знай товчецьця Жы-дова зъ усимъ збожемъ; утикають то до замочкивь, то до мистечокъ. Выславъ Князь Любомырський зъ Полонного двохъ, чы трёхъ, Жыдавъ на розвидыны, обещавъ велику плату, але Жыдова такъ боялась Гай-дамацькихъ лапъ, що повертылась трохы поза мистечкомъ, да й вер-нулась ни зъ чымъ. Тогда прызывае Князь мене, да Ласуна, да Глад-кого, да ще Лободу. — „А що, — каже, — Козаки! Чы послужите вы мыни по вири й по правди?“

— „Послужимъ, — кажемо, — мылостывый Князю и батьку.“

— „Отъ же, — каже, — вамъ по десять червинцивь на дорогу. Идыте и привезите мыни певну звистку, де Гайдамаки и скилько ихъ.“

Взялы мы, поклонылысь и поехали вси четверо иншымы шля-хамы. Довго бывся я по пущахъ и бездорожьжяхъ, ажъ покы пры-бывсь до одного хутора. Лисъ кругомъ густый такый, що тилько не-бо да землю выдно, а хатынка стоить однимъ одна, и на бикъ уже

похыллалась, и въ землю вросла, а солома на іѣ уся одъ моху, да одъ бурьяну ажъ зазеленила. Ни дороги, ни стежки до тіѣ хаткы нема; тилько поузь самый прычилокъ тече навельчкый ривчакъ. Думаю соби: выдно жъ тутъ нема никого! Колы жъ дывлюсь, ажъ пидъ повиткою за хатою сыдыть дидъ, сывый, сывый! Бровы ёму понавысалы ажъ на очи, а борода до пояса. Сыдыть и струже стругомъ держано на ратыще, а биля ёго пидъ повиткою стоить зъ десятокъ ратовыщъ зовснмъ готовыхъ. Отъ я, злизшы зъ коня, прышовъ до ёго; а винъ мене и не бачыть, що я йду: струже соби, да бурчыть щось. Я прышовъ такы близенько, да и ставъ: послухаю, що винъ бурчыть. Колы жъ чую, що то винъ псёню старосвицьку хоче спиваты, да вже голосъ ёму дрыжыть и не выведе, тилько муркоче:

„Перебійнисъ просыть немного, трохъ Козаченькывъ за собою,

Рубае мечемъ головы зъ плечей, а решту топыть водою:

Ой пийте, Ляхы, воды калюжы болотяныш,

А що пывалы по тіѣ Украины меды, да вина сытныш!“

— „Здоровъ,—кажу,—дидусю!“

— „Здоровъ,—каже,—здоровъ, дытя мое!“ да й не дывыцьця такы на мене.

Я думаю соби, якъ бы тутъ зъ нимъ заговорыты, да й мовчу. А винъ тогди пиднявъ свои важки билыи бровы, да глядъ на мене: — „Э,—каже! — А що ты за чоловікъ?“

— „Оттакъ,—кажу,—якъ бачъ, чоловікъ хрыщений, волочусь безъ талану.

— „А чы наша вира?“

— „Наша“—кажу.“

— „Чого жъ тобі, сынку, треба?“

— „Треба,—кажу,—мыни напередъ усёго попонсты.“

— „Правда,—каже,—сынку, правда. Попереду треба нагодовать чоловіпка, а тогди вже й распытуй.“

Заразъ пиншовъ, несе мыни хлиба, сала, меду, бо и пасичка въ ёго тутъ невеличка загорожена. Попоншы, я кажу ёму, що хотилы иibly мене Ляхы повисыты за те, що я згубывъ несый дзыгарокъ, а я втикъ, да хочу пристать до Гайдамакъ, тилько горе мое, що не знаю, де ихъ знайти.

Винъ тогди мыни и каже: — „Добре, сынку. йдъ же отуды и туды, мимо такого й такого дуба, то тамъ ихъ и знайдешъ на урочыщи *Обозовыщи*.

А самъ зновъ сивъ, да й почавъ стругать ратыще.

Понхавъ я, ажъ такъ: у яру попидъ густымы дубамы кони ходять и жупаны червопюють де-не-где. Прыпхавъ я ближе, ажъ стоить пидъ дубомъ Козакъ зъ ратыщемъ на вартѣ. Я заразъ по Запорозыйкѣ: — „Пугу!“

А винъ мыни: — „Пугу, пугу!“

А я знову: — „Козакъ зъ Лугу!“

— „А де той Козакъ зъ Лугу?“ крикнувъ хтось товсто изъ лису: — „А йдъ лышень сюды!“

Я й іду. Дивлюсь, аж супротив мене іде здоровенний Запоріжець з усима, що я ще з роду не бачив: чорны, чорны, да довгы, да роскошны такы, що аж выльскуюцьця. Жупань на ёму шовковий червоный, аж свитыцьця, як огонь; шапка червона схылста, пояс золотый, за поясомъ пистолеты, пры боку шабля, кульбака; и стремена все те въ шыримъ золоты, аж горыть. А кинь пидь нымъ пречудовнои уроды: бпльий якъ лебедь, такъ и одбивав одь зеленого лису и травы, ты бь сказавъ, що й земли не доторкаецьця. Знявъ я шапку и поклонивсь аж до киньскои гривы; забувъ, що то й Гайдамака; такъ бы, здаецьця, взявъ, да й пидославъ ёму душу пидь ноги: стою передь нымъ, якъ передь гетьманомъ, або передь королемъ.

— „А що,—каже,—brate! Чы наша вира?“

„Наша,—кажу,—вельможный панс.“

— „А ну, перекрестысь!“

Перехрыстывсь.

— „Ну, ідь же,—каже,—соби до куреня!“

Прийхавъ я, ажъ той курень увесь обсыпанъ валомъ. Виущено мене черезъ ривъ у ворота. Якъ уихавъ я, да якъ глянуп, то въ мене й въ очахъ зарябло. Повно Козакнвъ, да вси жь то повбираны такъ, що й не розказаты: кармазынь коло кармазына, срибло коло срибла, золото коло золота. Такъ якъ отъ, часомъ, зимою зайдешъ у вынныцю, да присядешъ коло печи погрицьця, да подивысься, що тамъ у тій печи робыцьця того жару: и красне, и жовте, и сыне, горыть, ходыть, мыгыть и мріє, ажъ нибы ворушыцьця все: такъ у тымъ табори ходылы одынъ поузь одного Гайдамакы; той у червоному, той у жовтому, той у блакытному; а золото на нхъ якъ огонь сяє, що й очыма не зглянешь. На сылу я трохы освоивсь, що вже не такъ дыко мып мпжъ ными стало. Поставивъ свого коня до ясель. Пнхто въ мене не пытає, що я за чоловикъ. Слоняюсь я помпжъ ными якъ дома. Дивлюсь, ажъ Ласунъ уже тутъ. Ходыть, заложывшы руки за поясъ, тилько вылѣтамы помахув. Зъ старшыною вже за панибрата, а мене буцымъ и не бачыть; тилько поглядывъ уса, да бровою моргнувъ, подывышыся на мене зъ убоча.

Колы жь на другый день прийжжав и Лобода зъ Гладкымъ. Попрыбиралысь мужыкамы и привелы нибы-то коней продавать. Ласунъ самъ и торговавъ у пхъ и могорычъ изъ ными пывъ, да нышкомъ и сказавъ, що Чортовусъ жде, покы постягаюцьця ёго чаты, бо теперь ще тилько дви чаты зійшлось, а ще дви злучацьця зъ нымъ у *Мазепный Могыли*, що завтра мы туды рушымъ, то щобъ Князь бувъ готовъ и державъ ногу въ стремена а зъ насъ або Ласунъ, або я, дамо дропака и Князю дорогу покажемъ.

Выправылы тыхъ коноводивъ, а самы другого дня пншлы у Мазепыну Могылу. А та Мазепына Могыла да єсть то островъ увесь у бору, а кругомъ таке грузьке багно, що ни чоловикъ, ни кинь,

ни собака не перебрыде. И на той островъ черезъ багна высыпано три гребли.

• Не заборомъ надійшла ще одна чата зъ великою добыччу. Отъ , якъ зробивсь пидъ той часъ галась и кружатына въ табори , то я улучывъ счаслыву годьну, да на коня, да драла. Прибигъ о пивночи у Полонне пидъ замокъ, пидъ *Кіевську* браму , стукнувъ , — не пускають мене, бо не призналы: жупанъ на мыни перловый , гудзыкы рубыновы, поясъ лытый , шапка соболёва , да насылу вже впустилы. Заразь мене до Князя. Такъ и такъ, мыдостьюый Князю; ще тилько одныи чаты дочекаюцьця, да й рушать пидъ Константыновъ бо чуоцьця на сылахъ. Треба поспришаты , щобъ не выпустыть ихъ пзь того острова.

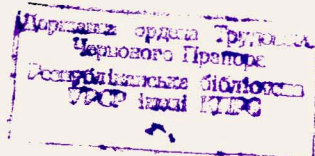
Зазаръ усе вйсько на коней , а пихота на пидводы, забралы гарматы й порохы, поихалы. А и конемъ попереду, дорогу показую. Було то полёванье на страшного звиря, що и очы, и уши, и чутье добре мае, а ще луччыи кихти. Заказано пидъ великою карою, щобъ ниhto не говорывъ и люльки не курывъ.

Звернули зъ шляху, цотягнулысь лисомъ, мовчки, тихо, тилько колы-неколы колесо гарматне чы возове стукне, найхавшы на корень, або трисне суха гольюка. Ишли день и ничъ зъ малымъ одпочынкомъ, а дали влизлы у таку гущину, у таку трущобы, вертены и выбои, що ледви, ледви вытягали возы и гарматы зъ того ковтуна. А тутъ ничъ темна така, що тилько навманы вгадуешъ дорогу. Але такы, благодарыть Бога, вышлы безъ прыгоды зъ тй гущыны и выбралысь на ридкый биръ. Я злизъ зъ коня, да зъ радости ажъ землю поциловавъ.

Ото жъ скоро вже дійшли мы й до того пасичныка, що ратыща струже. Обскочылы ёго кругомъ и взяли въ свои руки. А винъ тилько подывывсь, пиднавшы вгору бровы, да сказавъ: „Отъ же вражы Ляхы такы проноухалы, а потпмъ зновъ насупывсь, да й байдуже: знае вже, що такъ не сёгодня, такъ завтра смерть. Але такый же старый да сывый бувъ той пасичныкъ, що ниhto ёго не бывъ и не даявъ. Посадылы ёго на визъ, ще й сина пидмостилы, да й поихалы до Мазепыной Могылы.

Переночовалы въ невеличкымъ сельци. А враньци позганялы мужыкывъ пзь околицъ зъ раламы и зъ сокырамы. Було ихъ душъ, мабутъ, зъ тысячю. Рушылы далше и въ ночи пришылы до якогось урочыща. Тамъ , видно , була колысь давно таборщына , бо лису на килько гоней вырубано и позоставалысь валы и ровы. Усовитовавъ тутъ одынъ Козакъ перегадыть , ажъ помы на неби зайдутъ Козаре. А небо було чысте якъ хустка и скрызъ зорямы заискрено. Але Князь боявсь , щобъ Гайдамакы тымъ часомъ насъ не довидалысь.—„Не бййтесь,—каже,—ниhto сюды не прыйде, бо кажуть, що се мисъце закляте; тутъ , кажуть , по ночамъ видьмы да упыры выгравають свои штукуы, зъ того-то воно и зовецься *Куцога чорта слобода*.“

Ото якъ переждали годынъ зо тры, то почалы зныкаты зъ неба зори, а на неби красныи плямы одъ багатьтя, що горило въ Гай-

дамацькимъ табори. Рушылы мы тихо и прышедшы до самыхъ гребель, порозставлялы передъ кожною греблею по шесты гарматы, и ровы передъ гарматамы новыкопувалы, а округы гарматы пихота стала. Мужыкнвѣ зъ сокырамы розставлено кругомъ понадъ соснамы, и скоро гвнуть по разу гарматы, заразыщобъ рубалы сосны. А решту пихоты порозставлялы зъ рушныцямы понадъ багномъ, щобъ стрелять хто выткнеця зъ лису.

Почало вже сирить. Сердечны гулякы сылять соби, и не сныця имъ, що вже ихъ поймано въ матню. Ажъ ось, заразыщобъ изъ самои большои гребли шить гарматы бубухъ! а зъ другои гребли увъ одвить—гу! а зъ третей зновъ—гу! Затрещалы и загулы, по лису сосны; а тутъ въ разъ застукало тысяча сокырѣ объ дерево. Ой не весело жѣ було Сичовымъ молодцямъ просыпатысь пидъ такой гукѣ и трескотѣ! Утыхлы гарматы, давшы по два разы огню; пересталы й сокыры. Я взявъ морську трубу и закрычавъ: „Здайтесь на ласку панську, бо обгорнуты кругомъ!“

Жадного одвиту. Тихо, тилько дымъ курить понадъ багнамы, пидіймаючысь въ гору! Ажъ ось на гребли затупоталы кони и крыкъ: „Гоны! Ловы! Постой, Кырыло!“ и покы пихота дала огню, якъ ось, летить бисомъ щось на кони и прямо помижъ гарматы! Тилько тогди позналы Ласуна. Погоня Гайдамацька завернула, бо жарко повіяла пихота съ самопадивъ; чоловікъ зъ десятокъ покотылось зъ кульбакъ.

Отъ, и день развиднывся. Окрыкнуувъ я три разы ихъ, щобъ здавалысь. Ажъ за третимъ разомъ гукнулы зъ лису, добре потчующы и насъ и нашыхъ матерокъ. Зновъ загуркоталы гарматы, затрещавъ лисѣ, застукалы сокыры. Годынъ за три поробылы кругомъ багна засикы, а соснамы завалылы кругомъ Гайдамацькій таборѣ и самыхъ надушылы гибель. Пробовалы сердегы одстрелюватысь, повилазышы на сосны, а наша пихота соби брала ихъ на циль; але багно було дуже шыроке, то не багато вони намъ шкодылы.

Отакъ и день цилый пройшовъ. Стукъ да гримъ, да курива понадъ лисомъ. А якъ стемнило, усовитовавъ Ласунъ поробыть тайно на гребляхъ завалы зъ гильюкѣ, пенъкнвѣ, килья и хворосту, щобъ кино черезъ ныхъ перебраться нельзя; бо запевне знавъ, що Гайдамакы пйдуть проломомъ. Здався намъ на добро ёго совить, бо справди Чортовусъ, роздильшы свою ватагу на три купы, слыивъ ударить разомъ трома греблямы и прочыстыть соби дорогу.

Чатовалы мы всю ничъ пидъ оружемъ, прислухалысь до всякого шелесту. Якъ ось о пивночи затупотилы кони, перше глухо, а дали все чутнійшъ, якъ стали пидходить до гребли, а нарешти загула гребля одъ чвалу копыть, а Гайдамакы загукалы: „Нуте, брацьця, або добуты, або дома не буты!“ и прыпустылы на взаводы. Дана имъ зблызытысь, щобъ зтягнуть усихъ на греблю, а потимъ гу! заревлы гарматы. Огогди вже зробылось правдыве пекло. Що мнута, то й гукнуть гарматы не зъ того, такъ зъ того боку. А поранены крычатъ, кони иржуть да бвюця помижъ понавалюванымъ

гильямъ , дерево скризь трещить да падае , а по бору луна такъ и розлягаецца . А ничъ же то темна , темна ! Тилько разъ по разъ сле красный огонь зъ гармать . Сайне , окаже кругомъ людей , коней , блискучу зброю и рудый дымъ клубамы зверху , да зновъ и погасне , тилько реве да стогне кругомъ у темноти . Правдыве було некло ! Цилю ничъ стрелялы пушкари , мовъ завязавши очи ; тилько чулы , що на гребли ворочаецца все и кыпыть якъ у казани . А якъ розвыднило , тогда тилько побачылы , яке лыхо сталося Гайдамакамъ . Думалы пробыцца , сиромыхы , черезъ греблю и , позабывавшысь въ завалы , пропалы тамъ якъ бжолы въ боцци пидъ пасичною двбешкою . Якъ бжолы карабкаюцца , тонуть и вязнуть у густій лятоци , колы насичныкъ выверие въ бочку важкын да повныи забощни , такъ воны , сердегы , вязлы помижъ гильямъ и тонулы въ багнахъ . Лежало ихъ гибель . Ажъ жаль було дывыцца . Народъ усе здоровый да роскошный , и кони добры ; да все жъ то те пороздырано картечамы и покривавлено . Лежать , бидахы , повывертавшысь , густо , якъ снопы на хорошій ныви . Якъ молотныкы , вставшы зрана , стануть у два ряды на довгому току , и спирно бьютъ дубовымы щипамы снопъ за снопомъ , ажъ покы разлетыцца увесь соломою : такъ ихъ порозбывано картечамы , пороздырано чугуннымы кулямы на шматкы и перемишано зъ потроченымы гильюкамы и колодамы . На великій гребли , у завали , знайшлы й самого Чертовуса на колоди . Ныць лежавъ , сердечный , головою на колоди , роскыдавши крыжемъ руки ; а усы , мовъ дви чорныи гадыны , ростиглысь по колоди , у крови усы , дай позасыхалы . Картеча вдарыла сиромыху саме въ груды и выскочыла въ спыну , роспоровшы дышый кармазынь . Кровь изъ раны потекла и по всёму жупану , и по золотому поясу , залыла й дорогого билого коня , що лежавъ пидъ нымъ забытый . Шаблю пры Чертовусу и оруже найшлы пречудовне , але ни хто бъ не зхотивъ ёго носыты , бо Чертовусъ бувъ , кажуть , чаривныкъ и все те наговорено чарамы да примхою . Одынь Князь Любомырскый не боявся ни якихъ чаръ и взявъ соби ту шаблю и зброю . Пораненыхъ душъ тридцать забралы и повезлы до Полонного на зтрату , добычу подпылы помижъ вйськомъ , а трупы четвертовалы и розставлялы на паляхъ по селахъ и шляхахъ , але зъ того бильинъ було людамъ обрыдлывости ни жъ постраху .

Ого и друга наша сирава . Се діялось куды ще до Коливщины!

ШЕДЕСТЬ , ЛУСКОНИГЪ , ГНЫДА И ЗАЛИЗНЯКЪ .

Росказуе було покійный нашъ Гладкый , що Гайдамакъ зъ самого початку прышло изъ Сичи въ Мотренинь монастырь тилько тры , нибы то на поклоненіе . И такъ соби нибы навчениый народъ ,

вахлан такыи; ходять було схылышысь. Одынь же пишовъ у Лебедынськый монастырь. Звався *Демьякъ Гыда*. А другый, на прозвыще *Лускошигъ*, пишовъ у Моженськый монастырь; а третій, *Шелестъ*, zostався тутъ у Мотрениному за послушныка. Жыве, каже, годивъ зо два и все робыть ратыща, скуповуе жупаны, шаровары, шапки, чоботы. То якъ хто спытае: „На що се, брате?“ — „Се, — каже, — подамъ у Сичъ гостыньця, бо тамъ усе тее дороге, а народъ знай прыбувае, то трудно на одѣжу.“

Мы жъ тому й вирымъ, думаемъ, що справды то винъ хоче податы у Сичъ гостыньця. Коли жъ иду, каже, я разъ до церкви у Мотренинъ монастыри, ажъ винъ, той Шелестъ, стоить на стезьци, саме на *Спасовимъ Яру*, и вже въ жупани. Бо перше було ходыть у невірненькый свитоцьци, а теперъ вже, — каже, — ему жупанъ, сини штаны, шапка добра, шабля прыпасана, за пояомъ пистолеты, — есть все чысто. „Заоровъ, — каже, — брате Антоне!“

— „Заоровъ!“

— „Прыставай, — каже, — у Козаки.“

А я кажу: — „Що жъ? У мене й батько, й маты, й браты есть, то будутъ мене лаять.“

— „Да прыставай — каже — у насъ буде добре, въ насъ такъ буде, въ насъ такъ буде. Мы, покы вику, Козаки Козаками будемо.“

„А мнии страшно; я й кажу: — „Шамъ и такъ добре.“

— „Да прыставай!“

Я ще такы боюсь.

А винъ: — „Иды лышень до воза!“

Иду, ажъ и возокъ за деревомъ стоить. А коло визка Жыдь и Ляхъ лежать повязаныи. Я якъ подывывсь на ныхъ: — „Э, се жъ уже щось не добре, колы вяжуть!“ да й страхъ мене ще більший узавъ.

А винъ тягне зъ визка баклагу: — „Пый, — каже, — горилку!“

А я кажу: — „Що жъ, брате; ще рано; ще тилько до церквѣ задзвонили.“

— „Да пый, — каже, — брате. Одынь тому часъ, що неivistка въ плахти.“

Якъ узавъ, якъ узавъ коло мене впадать. Я, ничего робыть, напывсь трохы.

— „Пый ище.“

Я ще напывсь.

— „Прыставай, — каже, — брате!“

Але я все такы боюсь.

Тогди винъ насыпавъ на додоню пороху, да розтеръ, ростеръ зъ горилкою, да якъ помазавъ мене по выду, то така заразы охота взяла, що тилько дай спысь у руки, то, здаецьца бѣ, пишовъ, да й дущывъ бы всякого.

Винъ заразы мнии жупанъ, шаблю, пистолеты прыпасавъ, убравъ мене зовсимъ по Козацькый, и ратыще давъ. — „Ходимо жъ, — каже, — за клена, да тамъ и стій, да хто бѣ ни йшовъ, хто бѣ ни йхавъ, беры, й вяжы!“

Пишовъ, каже, я за клена; колы жь дывлюсь, ажь усюды вже Козаки й стоять поза деревами. А винь-то хотивъ, щобъ нихто не давъ звистки у Жаботынь команди. Поставивъ мене: — „Гляды жь, добре пылнуй, щобъ нихто не пройшовъ, не проихавъ.“

Отъ, я постоявъ тамъ трохи, погы той чадъ пройшовъ, да по-тимъ якъ одумаюсь, якъ схоплюсь за ратыще, да якъ пушцусь додому! Прыбигъ, а батько: — „Де се ты бувъ?“

— „Біда, кажу,—тату! Шелестъ Козакивъ уже збирає.“

Отъ батько полаявъ мене трохи, да й каже: — „Ховайся жь, вражий сыну! А то буде тобі одъ ёго лыхо!“

То якъ пишовъ я ховацьця, то ховавъсь ажъ три годы.

А Шелестъ якъ почувъ, що вже команда про ёго знає и пішла на Ведмедовку на *Пис.решку Гать*, то зобравъ, саме на Святу Неділью, двисти Козакивъ, да прямо у манастырь. Да чудно, що де тыи Козаки удругъ узялись, де воны и коней набрали и усёго. А народъ тидько ще зъ церкви почавъ виходить, ажъ сіп назустрпчъ; то народъ такъ и шарахнувъ зъ манастыра; „Э, се жь Гайдамакы!“ А Шелестъ и почавъ гулять зъ Козакамы: музыкы, писньи, танци!

А манахы ничого имъ; сыдять соби по келіяхъ, бо давно ще про теъ знали. Ще скоро Шелестъ прыйшовъ у Мотренинськый лисъ, а тамъ тогда булы велыкыи труппы, гуцьина непроходима, и живъ тамъ улису. одынъ чернецъ, — ще й досы келійка стоить: то винъ и сказавъ заразы тому ченцеви: — „Иды.—каже,— соби звидси, отче, тутъ тобі не жить, бо тутъ Козаки будуть, тутъ буде таке, тутъ буде таке!“ То чернецъ и зойшовъ зъ того мисьця и выкопавъ соби у другимъ мисти пещеру, такъ, може, якъ до того плетня поидь землю, муръ стоить.

Отъ же, погулявши-то тамъ Шелестъ зъ Козакамы, и повпвъ ихъ у лисъ на *Сичъ*. А тамъ есть таке мисто у Мотренинському лису, що и звидси байракъ, и звидты байракъ, а посередини такъ, якъ шпыль стоить. То воны на тимъ шпылыку обрубались и жыды годивъ зо три. Оце було поиде ихъ чоловікъ десять, патнадцять, да попадуть якого чоловіка, и давай мучить, щобъ казавъ, у кого є грошы, або хороша одежа, да прыдуть у ночи, да й деруть. Такъ що всяку ничъ було люде выбираюцьця спать у бурьянъ, але часомъ и въ бурьяни знаходылы. А команда до ихъ не прыходыла, бо и сама бо-ялась. Да що тамъ тіви и команды було!

Отто якъ зобралось ихъ у кожному манастыри по трыста чоловікы, то и *Зализнякъ* зъ Запорожьжя прыхавъ, да зобравшысь до купы, усихъ девять сотъ чоловікы, и рушылы въ Польшу. Прышлы въ Талне, а тамъ ярмарокъ; то ярмарокъ такъ и сунувъ! А Зализнякъ пославъ завертаты: „Не бійтесь, люде добры, не бійтесь: мы васъ не зачепымъ; гуляйте соби и базаруйте!“

А зъ Талного пішлы до Уманя. И тамъ тежъ ярмарокъ. Да якъ побачылы, що йде Зализнякъ, то ярмарокъ у замокъ и заперсь. А воны замокъ узялы, да й выризали усихъ Ляхивъ и Жы-

дивь. То казавъ мыни Лопата,—а той Лопата да бувъ три годы чурою при Зализняку; то казавъ, що оттакъ изъ замку кровь бигда (показывая за косточку ноги).

Отъ, якъ опановалы Умань, то й поставылы усюды свій карауль. Колы жь идуть два Доны: одынь нбы-то старшый, а другый простый. Зализнякъ прынявъ ихъ за гостей, угощае такъ, що куды! Ажъ ось, трохы згодомъ, иде зновъ три Доны. Винь п тихъ прынявъ. Колы жь иде чоловика уже пять Гусарь. Тогда винь п постеригъ уже, що бида буде, да й зове Лопату, свого чурю, — а се самъ Лопата й розказувавъ мыни.

„Иване!“ каже.

А я, каже, а я кажу: — „Чого, батьку?“

— „Иды лышь, каже, уже сюды!“

Я, каже, й пишовъ, такъ изза грубы въ гранськихъ домахъ.

Винь узявъ, розщепнувъ каптанокъ, розщепнувъ чересь коло себе, такъ якъ кычка набытый червинцями:— „На, каже, тоби сей чересь; якъ вывезешъ, то будешъ мене згадувать.“

— „А вы жь, батьку?“

— „Э, мы, — каже, — тутъ пропадсмо.“

Уже постеригъ, сердечный. Кажу: — „Якъ же я звидси выйду?“

Каже: — „Визьмы мого коня, да веди до воды. Якъ стануть тебе пытать: „Куды идешъ?“ то ты скажы, що поведу батькового коня наповать; то воны й пустять.“

Колы жь я выгляну зъ хаты, ажъ уже вяжуть Гайдамакъ, п оце звяжуть двоухъ за руки спынамы одынь до одного, да й мишокъ земли на рукахъ положить; то воны бидныи й стоять такъ по двое вкупы. А я взявъ коня, да й веду. А вже всюды Московська сторожа стоять, п пытають мене: — „Куды идешъ?“

— „Поведу,—кажу, - батькового коня наповать.“

То воны й пустылы.

Отъ я наповивъ коня, п вже бь то треба мыни втыкати, да такъ мыни стало ёго (Зализняка) жаль! Думаю собі: вернусь!

Только що выбривъ зъ воды, ажъ бижить зъ миста Козакъ, уже на Жыдивськимъ кони:— „Куды?“

--- „Поведу батькови коня.“

— „Уже, - каже, - батька чортъ узявъ п тебе визьме.“

Да рвоне въ мене зъ рукъ того коня, а мыни кынувъ Жыдивського: — „Пумъ, — каже, втыкаты!“

Кынулысь мы втыкаты, а зч намы два Доны; то гналысь за намы одъ пивдня до самой ночи, да вже ажъ коло Талного згубылы насъ у лису. А мы ихалы до дому двое сутокъ, блукалы все по закуткамъ, п ничогиспнцько не йлы. А всюды вже стоять сторожа: ловлять Гайдамакъ. Прихалы ниччу до *Калыхъ Болотъ* (мѣстечко между Шполою п Талнымъ), а Козакъ п каже: — „Ось, потривай лышь, я тутъ бродъ знаю (черезъ рѣчку Гвилый Тыкичъ).“

Стали брысты, а коні въ водѣ якъ захлопостали, то тутъ за нами: — „Ловы! Ловы!“

Мы по коняхъ! А Козакъ хотивъ ратыще поправить, да якъ пидперъ мене пидъ чересь, такъ и переризавъ: чересь у воду тилько брязъ! Пропали грошы!

А мы якъ ускочили въ лисъ, то полягали на коней, да тилько ногами поганяемъ: несы, куды хочъ! Да якъ приехали до дому, то ще довго ховалысь, помы усовитовалы батьку люде пійты до Губернатора, да сказать, що я на тымъ боці (Днѣпра) жыто перевивавъ. То ще мусывъ батько издыты на той бикъ за свидѣтельствомъ одъ громады, да напоившы громаду, й привизъ мыни тее свидѣтельство. То вже тогда я мижъ люде показавъсь.

Отакъ — то колысь діялось! Лопата вже той давно вмеръ и слухъ затыхъ объ Гайдамакахъ. Да бувъ я разъ у Манастырыщи (?), а за Манастырыщемъ есть ямы глыбокы, то я ставъ, да й дывлюсь: що бъ се за ямы булы? Колы жъ иде старый чоловикъ: — „Дидусю! — кажу, — що оце за ямы такы?“

— „А ты, — каже, — хыба не тутешній?“

— „Ни, — кажу, — я здалека, ажъ изъ Чыгыриньского повиту.“

— „Оце жъ, — каже, — вашы Чыгыриньскыи Гайдамаки лежать! Тутъ ихъ порубано ажъ девять сотъ, и якъ навалылы землею, то кровь зъ ямъ сцяла вгору заввышкы зъ чоловика. А чы бачышь три хресты, гень-гень стоять? Ото лежать ихъ ватажкы. Тамъ порозстрелювалы Шелеста, Лусконога и Гныду.“

(Розказывалъ Иванъ Бурдунъ, въ Александровкѣ, Кіевск. губ.)

МАКСИМЪ ШЫЛО.

.....Почувшы Губернаторъ (Черкасскый) Росковськый, що Гайдамаки деруть одного чоловика, Шрама, — а той Шрамъ державъ у ёго на оренди корчму у Руській Поляни, — то винъ, почувшы, що Шрама деруть, поихавъ ёго обороняты. А одинъ Гайдамака изъ викна, недопустывшы ёго до оренды, и вбывъ зъ рушныци. То вони самы скололы того Гайдамаку: — „О, вражый сынъ, — кажутъ, — доброго пана стратывъ!“ да взялы да й скололы. И доси хрестъ стоить надъ тымъ Губернаторомъ у Руській Поляни.

А потимъ бувъ Губернаторомъ панъ Сельскый. То за сёго вже Губернатора прихавъ отаманъ Шыло зъ ватагою, душъ, мсже, зъ сотню. Мене ще тогда на свити не було, а росказувавъ те все покійныкъ батько. Приехали, каже, вони пидъ браму (Черкаскаго замка), да й крычать, щобъ одчынылы. А Губернаторъ злякавсь, да й звеливъ одчыныты, хочъ у замку було не безъ народу. А я, каже, бувъ

на той часъ дома. Прыбигаю до замку, ажъ уже мене не пускають. Я до частоколу. Дывлюсь скризъ щылыну, ажъ Губернаторъ стоить на колинахъ передъ Максимомъ Шыломъ, а той сѣдыть на кони, якъ разъ проты мене, и читае ёму указъ нибы — то одъ Царыци, щобъ ризать усихъ Ляхивъ и Жыдивъ, щобъ и на свити ихъ не було. А я соби думаю: „Ось постой лышь, я тоби дамъ не такого указу!“ да просунувшы въ щылыну рушныцю, тилько що хочу стрелыть прямо ёму въ груди, а кинь махне головою, то й нельзя влучыть. Я зновъ пережду покы кинь понурыцьця, да щохочу зновъ стрелыть, то вить знову и махне головою. А литне, знаєте, время, саме передъ Троицею; то мухы коня кусають.

Колы жъ прыбигае, то жъ изъ миста, повковникъ замковый, Пацына Францышекъ: — „Бога бійся, Омельку! Не стреляй. Ходимѣ перше роспытаемось.“

Пошлы, стали стучать. Впущено насъ у башту.

Отъ, батько пиднявъ пидъ руки Губернатора и каже: — „Устань, пане! Що ты передъ ледащомъ оце робышь? Да вы ихъ не слухайте! Се Гайдамаки. Выстреляймо ихъ, вражыхъ сынпв!“

Губернаторъ й вставъ. А Максимъ и каже батькови: — „Хто ты за чоловікъ?“

А батько каже: — „А кого тоби треба?“

— „Ты, видно, Омелько Судденко.“

— Такъ, Омелько Судденко.“

А батько да бувъ первый на всю губернію стрелець. То вже Максиму сказано: — „Стережысь, Максиме, Омелька Судденка, бо той чоловікъ тебе зъ свиту зжене.“

То Максимъ и каже батькови: — „Не стреляй же, брате, сѣго хлопця свынцѣвою пулею, а стреляй срибною!“

А батько каже: — „Молы Бога за пана повковника, а то доси и одъ свынцѣвой ты на кони не сядивъ бы, да ще, що кинь головою махавъ. „Выколимъ, каже, ихъ, панове!“

Отъ наши й заходылись коло Гайдамакъ. А Максимъ и каже: — „Що жъ, панове? Що зъ того, що вы насъ выколете? Насъ е багацько, то выколють и васъ. Я не по своей воли прыхавъ; мене послано, а посланого не вбывають.“

Нашы пораховалы, пораховалы, да й выпустили ихъ. Гайдамакы стали на кватыри у Андрійця, коло Троицы. А опсьля прысылае Максимъ Козака зъ запыскою до замку: просить Губернатора выйти за хвиртку на тайну розмову. Губернаторъ выйшовъ безъ оружья, а батько зъ нымъ пры пистолѣтахъ; и Максимъ выйшовъ самъ безъ оружья, а Козакъ зъ нымъ пры пистолѣтахъ. — „Не знаю, — каже, — що мыни и говорыть своему старшому. Зыдь, — каже, — зъ Черкасъ, а я скажу, що дома не заставъ.“

Губернаторъ послухавъ, да и зыхавъ. А Гайдамакы порозбывады зъ горилкою бочки, пограбылы богатыхъ людей, да й потягнулы зъ Черкасъ.

(Розказывалъ Василь Судденко въ Черкасахъ.)

ГАЙДАМАКИ ВЪ ЧЕРКАСАХЪ.

Гайдамаки приходили въ Черкасы разивъ, може, зъ пять, иноди въ день, а иноди въ ночи, иноди въ великій, а часомъ въ не-великій, купи. Разъ ѡхавъ Тышко Гарасыменко зъ хлопцемъ изъ ярмарку. Колы жъ глядь, ажъ по Медведовському шляху йдутъ на коняхъ. Ажъ ось прыбига до воза Козакъ: — „Що за люде?“

— „Изъ Черкасъ. Булы на ярмарку.“

Козакъ вернувь до отамана и одвистывъ. Тогда отаманъ прыславъ двоухъ уже Гайдамакъ.

Отъ, каже (Гарасыменко) мене взяли, да й звязали поясомъ, а хлопеви звелилы поганять коней; йдемъ зъ нымы ажъ до города.

Прийавшы близенько, стали. Отаманъ заразь:—„Зъ коней!“

Уси й позлазылы зъ коней.

— „Прыпадайте до земли!“

Попрыпадады уси ныць, и хлопецъ излизъ зъ воза, да й соби прыпавъ до земли. А я лежу звязаный на вози, да й дылюсь. А винъ щось тамъ соби мымрыть, мымрыть, — се вже, бачъ, винъ вороживъ, чы буде вдача, а дали:—„Вставайте!“

Устали, посадали на коней, да й поихалы поза городомъ. Коней zostавылы за царыною, а самы пишлы въ городъ, и мене везуть у вози. А хлопецъ, ще за городомъ, уставъ зъ воза, нобы про себе, да й пишовъ соби. А воны й байдуже за хлопцемъ.

Йдемъ, каже, прямо до Дрыгы. А Дрыга живъ напротывъ того двора, де теперь Городнычий. Визъ zostавылы за воритьмы, а самы до брамы. Одынъ заразь перескочывъ черезъ частоколь, да й одчынивъ браму. А я, каже, лежу у, вози, да все те мина й выдно. Отъ, каже, Гайдамаки выкресалы багатьтя. А одинъ злизъ на прычилокъ, да перелизъ черезъ хату, да й одчынивъ двери. А я, каже, давай зсовувать зъ себе поясъ, да й розвязавсь, да вже покынувшы и коней зъ возомъ, добигъ до дзвинеци, да едарывшы разивъ зо тры въ дзвона, да зъ дзвинеци. Бижу поузь дядькивъ двиръ. А дядько на той часъ згодывся на двори: — „Хто то такый? Чы се ты Тышко?“

— „Я“ кажу.

— „Чого се ты бижышь?“

— „Ховайтесь, — кажу:—Гайдамаки Дрыгу деруть.“

Отъ, дядько порозбужувавъ своихъ, да запершы ворота, и ходять по двору на варти. А до Дрыгы бояцьця йты: такый бувъ страхъ!

А Гайдамаки положиы Дрыгу доли, да, насыпавшы ёму на голу спыну пороху, запалылы и дралы гребломъ, щобъ прызнавсь, де тыи червиньци, що колысь ганявъ у Шлёнське волы, да заробывъ? А мижъ нымы да бувъ наймытъ Дрыгы; такъ той усе й выказавъ. И поты дралы, покы стара не внесла въ хату горшка зъ червиньцями.

Гайдамаки не займали замкових Козаківъ, и Козаки ихъ не займали. Тилько ото Росковський угнався бувъ за ними въ Руську Поляну, то ёго и вбылы. Се було ось якъ. Гайдамаки напали на двирь Олексійця у Бѣлазери, а самого ёго не заскочали. А винь, прытаившысь пидъ повиткою, и чувъ, що ще хочуть ити въ Руську Поляну до Шрама. То винь звидты, да до пана, да й розказавъ, що така й така ричъ. Оттогда - то Росковський и вгнався за ними въ Руську Поляну.

(Розказывалъ Харко Цехмыстеръ, въ Черкаскаѣ.)

НАЙМЫТЬ ГАЙДАМАКА.

Почувшы, що Гайдамаки ободрали Дрыгу, да ще й на другихъ людей похваляющьця, утикавъ черезъ Днипръ у дуби Сутула Гарасько, зъ жинкою и зъ дытиною, - бувъ у ёго сынокъ Андрійко. То се вже той Андрій Сутуленко розказувавъ, що, каже, треба було намъ переиздыть черезъ Днипръ у човни, а батько й коня на поводи за човномъ вивъ. То я боявсь, щобъ кинь не перевернувъ човна, да й ставъ плакать. То батько й покынувъ мене на берези: „Пронадай же, — каже, — вража дытино!“ А знае, що дытя не де динецьца! бо Гайдамаки дитей не займали. Отъ я, каже, переночовавъ у садку, а потимъ ппшовъ до бабы. Баба мене нагодовала. Я й гуляю собі. Колы жъ дывлюсь, иде наймытъ нашъ, що прыставъ у Гайдамакы. Уже собі и жупанъ добувъ: — „Здоровъ, — каже — Адрію!“

— „Здоровъ!“

— „А батько де?“

— „Отамъ и тамъ, — кажу, — а я въ бабы.“

А баба вбога була, то й не ховалась одъ Гайдамакъ.

— „На жъ, — каже, — тоби грошей, да не давай никому, а несы до бабы!“

Да й почавъ мини кыдать у пазуху пятакы зъ обонхъ кышемъ. Повну пазуху, каже, мини насыпавъ.

(Розказывалъ Василь Судденко, въ Черкаскаѣ.)

ВОВЧОКЪ.

Гайдамаки дралы Смилу разивъ тры, чы що. У первый разъ якъ прышлы, то пани заховалась у лѣху, а панна у груби; але панну такы знайшлы и замокъ розграбылы, а потимъ узялы панну и

хлопца, Хведирку, да вывели ажъ до *Курьловои* могылы, а тамъ ватажко змыловавъсь, да й каже:— „Иды жь, панно, да молы за мене Бога, а то бь ты на сій могылы полягла!“

И хлопца, Хведирку, пустылы. А се було зимою. Панна жь такы хочъ у черевычкахъ бигла по снигу, а Хведирка босый.

А въ другый разъ приходывъ ватажко, *Вовчокъ*, да й ставъ коло *Костянтинова*, у *Шолудьковимъ* садку, душъ ихъ десятокъ тилько. Стоить винъ тамъ, а повкъ *Полякивъ*, почувшы, що тутъ *Гайдамакы* зібралысь, прытягнувъ ажъ изъ *Билои Церкви*, да й наткнувъсь на той садокъ, а *Вовчокъ* якъ выскочыть звидты, то жовниры назадь! А *Вовчокъ* той и самъ невеличкый, тилько плечыстый шельма, и на невеличкому коньку, да якъ узавъ ихъ гнать, то такъ ратыщемъ и на той, и на той бикъ ихъ и кладе. А на ёму бувъ кажанокъ (родъ куртки или полукафтанья изъ кожи), то зпидъ того кажанка кровь такъ и льецца, що по ратышу бижить у рукавъ. Да якъ догнавъ до *Смилянскои* гребли и воны вскочылы въ *Смилу*, тогда вернувъсь, да й каже: — „О такъ *Вовчокъ*! Жене *Ляхивъ* новчокъ!“

(*Розказываеъ Кондрать Тарануха, въ Смьлой.*)

ГАЙДАМАКА И ПАСИЧНЫКЪ.

Розказывавъ мины одынь дидъ, що, каже, сыжу я въ пасици, колы жь чортъ несе бурлаку, увесь обшарпанный: — „Здоровъ, диду!“

— „Здоровъ!“

— „А що будемо робыты? Давай на сорочки миняцьця!“

Я вже злякавъсь:— „Давай, кажу.“

Оддавъ ёму сорочку. Винъ скынувъ тев рямь, надивъ сорочку: — „Давай и штаны!“

Оддавъ я й штаны.

— „Давай, диду, меду!“

Я, каже, ажъ тремчу весь зъ переляку. Пишовъ, одризавъ ёму забочень такого вже гарного гречаного.

Винъ напвъсь, да й каже: — „Чы ты, диду, знаешъ *Вовчу Гать*? (Въ *Черкаскомъ* уездѣ, около с. *Дубіёвки*.)

— „Знаю.“

— „Отъ же, каже, тамъ е пенёкъ дубовый, обшморганый колесамы. То ты завтра встань до зходъ соньця, да пійды туды, да одличы тры ступни, и выкопавшь тамъ гроши. Ото тоби за те, що ты мене прыодивъ и нагодовавъ.“

Пишовъ я на другый день, ажъ справди повнисянький улей самыхъ пятакивъ.

(*Разсказывалъ прѣтель Тарлунули, бондаръ въ Смильои.*)

МЕСТЬ ЗА ИМЯ ЖИДА.

Якъ стоялы Гайдамаки въ Мотренинському лиси, то одинъ отаманъ назвавъ за щось Козака Жыдомъ:— „Эхъ ты, каже, Жыдь!“

А той Козакъ:— „Такъ я Жыдь? такъ я Жыдь? да зъ пистоле-томъ, до ёго.

А отаманъ бувъ характерныкъ:— „А що жъ—каже,—ты мене будешъ стреляты?“

Да и груди розхриставъ:— „Стреляй, колы хочешъ!“

— „А тожъ не стрелю? Може, думаешъ, не визьме?“

Да бахъ!—той и вывернувся. Отъ, Козаки до ёго зъ дубынами за те, що застрельвъ отамана. А винъ:— „Потривайте,—каже—панове! Слушайте лышь, що тутъ мижъ нами було за дило! Де жъ выдано, щобъ Козака зъ Жыдомъ ривняты? То и вси вы Жыды, колы я Жыдь?“

То Козаки, розпытавши и выслужавшы всю прычину, сказа-лы:— „Правда, правда! *Ледачому ледачи й смерть.*“

(*Разсказывали въ Мотренинскомъ монастырѣ.*)

ГАЙДАМАКИ ВЪ МОТРЕНИНСКОМЪ МОНАСТЫРѢ.

Якъ зибралысь Гайдамаки у Мотренинському лису, то зробылы собі Сичь. Выбрали таке мисто, ще зъ трѣхъ бокивъ байраки, а зъ четвертого поставылы башту. Кругомъ обрубалысь лисомъ. По середни насыпали купу грошей и ныткою перекрестылы, да й прыбылы ин колочкамы у чотырѣхъ мистахъ. И Козакъ кругомъ ходыть. Оце жъ у одному байраци Сичь, а въ другому, на Бойковій Луци—*Склыкъ*. А склыккомъ звався качанъ, що высивъ на дули и коло ёго довбня. А то для того, що скоро яка тревога, або що, заразы прыбыжыть Козакъ, да довбнею й почавъ валать, а казанъ на весь лисъ реве: то вже, де бь который Козакъ не бувъ, скорійшь збигаюцьця до купы. Да тутъ же заразы коло Склыка бувъ у дуброви *Значокъ*, таке-то,

бачь, означене кругомъ мисце, де ихъ кони паслысь. А одь значка, верстовъ тры, якъ Жаботыну, було *Гульбыще*, на высокій могыли, такъ що якъ зійдешь туды, то весь Жаботынь якъ на долони. Позходять, було, на ту могылу, балакають, у карты грають, спивають писень усякихъ. Рідко було який день выберецьця, щобъ тамъ никого не було.

— „А де жь, паноче, живъ описья той чернець, що Шелестъ выпроводывъ его зъ Сичи (спрашиваю я.)?“

— „Есть отамъ, може, зъ пивверствы отъ монастыра, заразы за валомъ, шпылыкъ, такъ нибы гора; то оттамъ-то, пидъ горою, вниъ соби вырывъ пещеру и хатку збудовавъ. И доси стоить хатка, и садочокъ есть. Зовемо мы те мисто *Скыткомъ*.“

Ото Ляхы, якъ почулы, що въ лису зибралысь Гайдамы, то прышлы, душъ ихъ сотня, на коняхъ и зъ оружьжемъ, пидъ браму у монастырь. Ченчыкы вышлы до ихъ зъ хлибомъ и зъ сильлю.

— „А де Гайдамакы, сизматыкы вы пшекленты?“

Ченчыкы бидныи трусяцьця.

— „Не знаемо, вельможныи паны!“

— „Не знаете, галганы! Охъ, вы галганы не знаете, пшекленты хлопы.“

И давай шукать по монастыру, и въ церкви шукалы всюды, заглядувалы и за иконостасъ, — Нема! Такыи — то навиженыи Ляхы! Ото бь дурныи булы Запорозьци, щобъ ховалысь за иконостасомъ! Имъ у лису пайдлучча схованка.

Шукають Ляхы Гайдамакъ, а отаманъ, скоро вчувъ про се, заразы и пославъ двоухъ Козакывъ у Замятныцю. Тыи, прыбигшы туды, давай колоть орандара и всихъ Жыдивъ. А мужыкы прышлы до корчмы, да й пытаюцьця:

— „А що, панове? чы наша вира?“

— „Аже жь бачь, що ваша: не кололы бь Ляхивъ да Жыдивъ.“

То мужыкы ихъ и не займають, а ще до ихъ прыстають.

А Ляхы тымъ часомъ пораюцьця все ще въ монастыри. Якъ ось прыбигъ зъ Замятныци вистовый: — „Панове! Гайдамакы Замятныцю выризалы!“

Ляхы драла! да до Жаботына. А отаманъ пишовъ за нымы, да й порозставлявъ кругомъ Жаботына Козакывъ. То оце выскочить изъ лису Козакъ, повертыцьця, повертыцьця на кони передъ Жаботыномъ, да зновъ й поиде въ лисъ. Тожъ Ляхы думаютъ:

— „Оце жь кругомъ Жаботына вже стаять по лису Гайдамакы!“

Да покынувшы Жаботынь, да въ Смиду. Команда жь рушыла въ Смиду, а намисныкъ, зъ Козакомъ Лопатою, що бувъ описья чурою у Залызяка, такъ намисныкъ изъ симъ-то самымъ Лопатою у Камьянку, бо тамъ вниъ живъ и була тамъ у его сотня лейстровыхъ Козакывъ. Отъ и пытаецця намисныкъ у отамана тихъ Козакывъ: „А що, отамане, чы можна стать протывъ Гайдамакъ?“

„Можна, батьку, тилько що ихъ куля не бере.“

То намисныкъ якъ почувъ сев, то побиливъ якъ хустка, да й каже: — Куля не бере? Куля не бере? Такъ ихъ, ты кажешъ, куля не бере?“

Да вже боицьця и отамана, и одъ ёго одходить, да все тилько: — „Куля не бере! Куля не бере... Гмъ! куля не бере! Такъ ты кажешъ, отамане, що ихъ куля не бере?“

— „А не бере, батьку.“

— „Эге! Куля не бере... эге, эге!“

Да сившы на коней зъ Лопатою, да въ Смилу. Лопата жъ попереду бижить зъ спысомъ, а намисныкъ за нимъ. Колы жъ, не доиждаючы корчмы Сумською, наганяе ихъ гонецъ: — „Пане Намисныку! Гайдамакы Камнянку рижуть!“

Намисныкъ кынувсь, якъ опареный, въ Смилу, а Лопата зъ тымъ гонцемъ изоставсь.

А Гайдамакы, стоячы коло Камнянки, послали до лейстровыхъ, вызываючы отамана до порады. Отаманъ лейстровый вышовъ до Гайдамацького отамана. То сей и каже:—„Що вы, будете зъ нами быцьця, чы ни? Мы не по свой воли прышлы. Глядитъ, щобъ не було й вамъ такого лыха, якъ Ляхамъ!“

И показавъ лейстровому отаману бумагу. Якъ показавъ, то й Каменьская сотня прыстала до Гайдамакъ.

(*Разказывали въ Мотрешинскомъ монастырь.*)

МАКСЫШЪ ЗАЛИЗНЯКЪ.

.....Саме у Петрівку, у первый день, у понедилокъ, пришло чоловикъ дванадцять затязьчивъ на розвидыны. Повстричали Андрійця, да й розпытують:—„Де тутъ отакый-то вийтъ?“

— „Я,“ каже Андріецъ.

— „Веды жъ насъ до себе на кватыру!“

Зазвавъ ихъ до себе на кватыру. Послали до пана Сельского въ замокъ, щобъ давъ напыткивъ. Той имъ заразъ й прыславъ, бо вси боллысь Гайдамакивъ. Отъ, вони пьютъ да й кажутъ:

— „Нехай вражый Ляхъ дае, а писъли звяжемъ ёго, да й веземъ да коша.“

А Андріецъ, почувшы сев, да въ замокъ:—„Бережысь,— каже,— пане: отака й така ричъ!“

То панъ Сельский заперсь у замку. А Гайдамакы повертились попиць частоколомъ, да й вернулись до коша. А кошемъ вони стоялы тогда цилыи суткы у *Велькихъ Курганивъ*.

А такій бувъ народъ шаленый, тыи затызці, що оце йде по улыци, да вбачыть у двори чоловика, то выме пистолеть, да й крычыть: — „У хату, мурею! а то запалю!“

То чоловикъ схылыцьця, да падъ повитку.

.... На другый день у Петривку рознеслась по Черкасамъ чутка, що йде якесь вйсько. А мы тогда булы ще хлопцями. То люде бояцьця, а намъ байдуже: сказано диты. — „Побижымъ, побижымъ! що тамъ за вйсько!“ Побиглы за Билазерську царыну, ажъ справди йде вйсько такы настояще. Попереду йде отаманъ на буланымъ кони, у кармазыни, шапка на ёму сыва, чоботы сапьянъци, поясъ шалевый, за поясомъ пистолеть, а пры боку шабля. Ото жъ бувъ самъ Максимъ Зализнякъ. Не старый ище чоловикъ, литъ, може, сорока, а може й бильшь, на выду повный, кругловыдый, уродою хороший, на взрость невеликый, але плечыстый, усы русявы невеличкы, за ухомъ оселедець. А за нымъ усе по два, усе по два зъ ратыщамы, и у переднихъ паръ, може у трѣхъ, ратыща зъ короговкамы двойчатымы, такъ що оце половина буде била, а половина красна, азнову половина жовта, а половина чорна, або червона, або сыня. А по самому заду иде чоловикъ зъ десятокъ пишо безъ ратищъ и базъ усѣго, а тилько колкы позасмалювалы, да и йдутъ. То вже вынныкы, то, що попрыставалы у Гайдамакы.

Отъ, мы й стали коло шляху, по праву руку, и шапкы познималы. А винъ, поровнявшысь зъ намы, да й каже:—Здоровы, сучакы!“

А мы кажемо: — „Здоровъ, пане!“

— „А що вы, не орете?“

— „Ни, пане.“

— „А мы жъ оце почалы ораты!“

Да й поихавъ у городъ черезъ ту улыцю, де теперь старый базаръ, да поза Пацыною, де теперь живе Ищенко, що служыть у суди, и прыхалы воны прямо до замку черезъ мистъ. Башта була одчынена. Я вже не бачывъ, хто ии одчынивъ. Уихалы въ замокъ, самы стали въ ряды, а ратыща въ козла поставылы. А Зализнякъ крыкне: — „Зъ коней!“

Отъ, воны позлизалы и попрывязувалы коней коло конюшни у коновазей. А отаманъ, зъ десятъма, може, чоловикамы, пишовъ прямо до покоивъ. А назустрічь ёму вышло зъ покоивъ чоловика тежъ изъ десятъ, зъ отаманомъ Бузькомъ, зъ Цесарськои Слободы. Познималы передъ нымъ шапкы. И винъ, прыйшовшы до ныхъ блыжче, знявъ шапку, да заразы и надивъ, а воны уси передъ нымъ безъ шапокъ:

— „А здоровы, каже, Козацтво!“

— „Здоровъ, отамане батьку!“

— „А де вашъ отаманъ?“

Отъ, отаманъ до ёго й выскочывъ зъ купы, безъ шапкы. А винъ и соби шапку знявъ. Обнялысь, поццловалысь: — „Ну, просить же на кватыру!“

Пишли въ покон.

А паны вже давно убрались на той бикъ Днипра, пше, якъ почулы одъ Андрийця, що Гайдамакы похваляюцьця ихъ перевязать. Одбылы шпыклиржъ сокырою. Шукають, чого имъ треба. А чоловікы изъ симъ затызьчивъ пишли до оренды. А мы, хлопята:—„Ходимъ, ходимъ за ными!“

Отъ, одынъ попавъ десь сокыру, да по замку торохъ! Замокъ такъ и розпався. Тогда давай рубать у бочкахъ обручи. Горилка такъ и потекла зъ комиръ по косогору. А жинкы згрибають писокъ, да спыняють ту горилку, да берутъ прыгорщамы, да въ горщыкы й збырають скризъ намитку. А Гайдамакы жинокъ не займають, и вбогыхъ людей не займають, тилько багатыхъ грабылы, а Ляхивъ и Жы дову ризалы. То вси Жыды повтикалы зъ города и паны. А панивъ тогда у насъ було тры: панъ Сельскій, губернаторъ, Пацына, повковныкъ, и Жуковскый, лиснычий.

Отъ, я, подывывшысь на се чудо, прышовъ до дому, ажъ панотець поихавъ у лись зъ двома наймытамы, а дома зосталась паниматка, да парубокъ, Сидоголовка. Прыхожу въ хату, ажъ маты плаче. — „А де батько?“

— „И вже, сынку, поихалы!“

Колы жъ батько, не знаю вже чого, чы роздумавсь, чы що, вернувся ажъ изпидъ горы одъ церкви. Тилько що выпрягають коней, ажъ ось иде лейстровый городскый Козакъ, Головка, веде у двиръ двоухъ Гайдамакъ, да й каже:—„Кажуть, цехмыстре, що въ васъ в чоботы сапьянцы, що вы робылы панамъ.“

— „Ни, каже, нема: я робывъ, да давно.“

Отъ, ёго й повелы у замокъ до самого Зализняка. Панотець описья вже розказувавъ, що, каже, скоро ввійшылы въ будынокъ, то я, каже, и вбачывъ, що Бузько атаманъ заховавсь у кимнату. А Зализнякъ и каже:—„Ты цехмыстеръ шевскый?“

А я кажу:—„Я, пане.“

— „У тебе есть чоботы сапьянцы, що ты робывъ панамъ.“

— „Робывъ, отамане, да давно, а теперь нема.“

А Бузько скризъ щылыну зъ кимнаты й шепче щось, а Зализнякъ и ухо прыложывъ, да й каже:—„Не знаю, хто бреше: чы той, чы той. Ну, ступай собі!“

Батько до дому, да за коней, да скорийшъ зъ двора! Поихалы зъ двома парубкамы въ лись и тамъ дралы дубьбе, ажъ покы Гайдамакы повіялысь зъ Черкась.

Якъ поихавъ панотець, то я хожу по хати, а парубокъ, Сидоголовка Яковъ, шывъ чоботы протывъ окна, а паниматка тежъ поралась у хати. Колы жъ Гайдамака, идучы мимо окна: „Пугу!“

А парубокъ бувъ колысь на Запорожьжи, то й одвитывъ ёму: „Козакъ зъ Лугу!“

Ажъ ось и йдутъ у хату два затызъци изъ Головкинъ Иваномъ, да одынь на порози у хату зъ пистолета—бехъ! Паниматка такъ и загрусилась. А другой Гайдамака й каже:—„О, вражый сыну, злякавъ молодыцю!“

— „А ну, кажуть, одчынай, нене, комору, бо Бузько казавъ, що именно в сапьянцы!“

Одчынылы.

— „Одмыкай скрину!“

Одымкнулы.

Копалысь, копалысь, нычого, не взяли; знайшли чобить, да й пишылы собі.

Якъ пишылы, то парубокъ, Сидоговолко, зновъ сивъ, да й ставъ кончатъ чоботы. Колы жъ прыходить ще одынь, у Жыдивському каптанку, на грудяхъ и не сходыцьца, и въ постолыкахъ саморибкахъ:— „Кому се ты чоботы шыенгъ?“

— „Соби.“

„Ну лышь, каже, дошывай!“

Да и сивъ на лави и ждавъ, ажъ покы Сидоголовко дошывъ.

— „А що, дошывъ?“

— „Дошывъ.“

— „Ну, на жъ тобі оци постолыкы, а я надину твои чоботы; а ты собі пошыенгъ.“

Надивъ и пишовъ собі.

(Розказывалъ Харко Целмыстръ, см. стр. 37.)

БѢГСТВО ГАЙДАМАКЪ.

Гайдамаки наробылы багато шкоды въ Умани. А вже якъ ставъ пысать Король до Матушки: „Велькы свить Матушка! Що оце робыцьця въ Польци, що якысь бурлаки розбывають народъ?“ То вона якъ послала повкъ легкоконный, а другой Донцивъ, то Гайдамаки й поризнылыся.

Стоялы вони въ Розсошыньцахъ, а Дону туды прышлы, да й кажутъ: „Прымите й насъ! Мы до васъ прыстанемо“. Ти и прыняли. А Дону ихъ половылы, да й повязалы. То Донський повковныйк пыше до Матушки: „Що зъ ными робыть?“ А вона ёму одпысала: „Кому школу зробылы, тому и въ руки отдайте!“

То вже якъ вони утикалы на Нызь, то чоловікъ десять ихъ плыло по Днипру, да и прыстали дубомъ коло Черкасъ, и прышлы на базаръ, да взявшы перехрыста пысара (?), що бувъ пры панахъ,

повели черезъ ричку Солоньцю до Днипра, да руки ёму поясомъ звязали, очи завязали билимъ платкомъ, и сказали ёму стать навколѣшки. Винъ ставъ, а одинъ зайшовъ ззаду, да бѣхъ ёго зъ рушники въ спыну! винъ такъ и впавъ навзнакъ. А самы силы въ дуба, да й поплылы. А люде зійшлыся, захоvalы того перехрыста и хрестъ поставылы. И довго той хрестъ стоявъ, да вже водою вымыло, бо Днипръ розливаецьця ажъ пидъ самый городъ.

(Онъ же.)

Примѣчаніе. Въ 1768 году нѣсколько выходцевъ изъ Запорожья вадумали освободить Западную Украину отъ владычества Польскихъ пановъ и уничтожить въ ней Католиковъ, Уніатовъ и Жидовъ. Съ помощію, такъ называемой, *Золотой грамоты*, присланной, будто бы, имъ отъ Императрицы Екатерины II, они склонили на свою сторону городовыхъ Козаковъ и множество простолюдиновъ Украинскихъ, и какъ эта толпа не имѣла правильного воинскаго устройства, то, разсѣявшись по Украинѣ, обижала даже и своихъ единовѣрцевъ; почему народъ вспоминаетъ о событіяхъ 1768 года съ негодованіемъ. Козаки тогдашніе, избѣгавше помянутой *Гайдамаки*, вооружены были пиками, которыми кололи Католиковъ и Жидовъ. Отъ этого и вся трагедія 1768 года назвалась *Жолтивищиною*.

ЗОЛОТАЯ ГРАМОТА.

Ляхы взялыся гнать на Благочестіе. „Чого вони, кажуть, на нашій земли живуть, а Благочестывого Государа поминають?“ и давай головки лупыть Благочестывымъ. Ото спалылы першъ тытара въ Млієви, а дали й хуторки чернечы Мотренынськы попалылы. А въ тому монастыри бувъ гумень, охъ, забудь же я якъ ёго звалы! Бачыте, що лыхо Ляхы роблять, полуплять головы Благочестывымъ; а пысакъ добрый бувъ, да якъ удравъ *Золоту Грамоту!* А Максимъ Зализнякъ прыихавъ на поклоненне, а винъ ёму й пиднись: „Велькъ свить Государыня велыть ризать Жыда й Ляха до ногы, щобъ и не смердиди на Украини.“ Якъ гукнувъ Зализнякъ на охотныка, такъ такъ и повалывъ народъ, уся Смилянщина й Чыгырынщина. Якъ пшылы вынныкы, то що, то вже тоди *велила маты й вилы браты.*

(Розказывалъ одинъ старикъ въ Кірсунѣ.)

ГАЙДАМАКИ ВЪ КАНЕВѢ.

Що то, диду, за Гайдамащина була *? — Проклята була! Самовольци такы булы, що.... Невирне такъ було прославылось! Якъ поцьецьця, то ёму не кажы ни злого, ни доброго, така собача юха!

* Спрашиваю я.

Булы мы зь батькомъ у ярмарку падъ Мошнамы, на Святу Педлю, то ихъ и наткнувъ хтось, що въ Билыка кинь добрый есть. А мого батька й торкнулы: „Утикай, Дмытре, ото буде тоби лихо!“

То батько якъ рушивъ зь ярмарку. Добигае до сѣго хреста, що падъ лисомъ стоить, оглянецъця, ажъ винь летыть изъ узвозу такъ, якъ ворона, и до села не допустывъ, нагнавъ. А тутъ череда ходыть, то батько выкывувъ коня, да й пустывъ у череду.

Ганявсь винь, ганявсь за тымъ конемъ, ганявсь, ганявсь, не піймавъ, да ажъ до хаты прышовъ до батька:— „Иды, сыну вражий, да коня мыни дай!“

То батько мусывъ самъ ловыть коня и отдавъ ёму.

— „Ну, прыдешъ же у Каневъ, то тамъ Нежывый тоби запла-
тыть.“

— „Прышовъ батько въ Каневъ, ажъ Каневъ уже спадень. А тамъ-то паны зробылы соби замочокъ, да ажъ у тры ряды паламы обгородылы, и заперлысь тамъ. А Гайдамакы давай содому возыгъ, да якъ западылы, то все тамъ и зь панамы и зо всьмъ такъ огнемъ и взялось.“

У якогось пана кинь бувъ огыръ такый, що пятьсотъ рублей вартъ, а сидло самѣ пятьсотъ рублей варто було; такъ завелы того коня ажъ у острова у лугъ, а Гайдамакы й тамъ найшлы.

Такъ ото прыходыть батько въ Каневъ, а Гайдамакы посадылы дваняццать Жыдивокъ урядъ, да зайде зь боку, да й бѣе зь пистоля. Усихъ выбылы; а до однёи тры разы прымеръ робылы, такъ не спалыть, да й годи. Отъ и пишлы до отамана: — „Що тутъ робыты, пане отамане? Тры разы робылы прымеръ зь пистоля до Жыдивкы, не спалыты?“

— „А що жъ, може вона зхоче выхрыстыцьця?“

— „Хочешъ выхрыстыцьця?“

— „Хочу,—каже: я вже и Вирую во единого Бога знаю.“

Отъ и почалы затязьци збирать хрыстыны. Де молодыцю попалы:—„Иды кумою,“ а самы кумамы. А послыли якъ стали даровать свой хрыщеницы, то поскыдалы самыхъ денежокъ стилько, що й конемъ не повезешъ.

И добра молодыця зь тыеи Жыдивкы вышла, виру нашу описья хороме держала, и така була богомпла. Було тилько задзвонять до церкви, то й йде. Такъ ото батько й прыступывъ до тыхъ затязьцивъ. А воны у Нетеребци вырвалы казань:—„На жъ тоби,—кажуть,—оцеи казань!“ Батько взявъ казань, а Нетеребци описья прышлы, да й узялы. Таке-то прокляте було, та Гайдамащына! Багато накопила лыха, а описья ще паны, да Жыды народъ дерлы. Прыде: „Се тоби Гайдамакы далы, або ты самъ гайдамачывъ,“ да й бере, що уздрыть. Таке-то!

(Розказывае въ Кумейкахъ Климъ Бѣликъ.)

ШВАЧКА.

Гайдамаки дерлы народъ рокивъ , може , зъ десять , ажъ поки Мандебурія стала. Тогда *стійчыки*, що замку стерегли, й застукали ихъ отуть (показывая рукою), у лозахъ. А коліямъ ничымъ стрелять, куль нема, то оце выриже зъ лозы, да й хрестыкъ нариже, да й стреляв. Єсть про ёго й письня; колы хочете, то й заспиваю :

„Ой на Козаченькивъ , ой на Запорозьцивъ, да прыгодонька стала,

Ой у середу, да й у обидній часъ, ихъ Москва забрала.
 Крыкнувъ Швачка да на осаулу: „Изъ коней додолу!
 Охъ й не даймося, панове молодьци, мы Москалямъ у неволю!“
 Москалыки умны, Москали розумны, розуму добралы,
 Ой напередъ Швачку изъ осаулою до купы звязалы.
 Охъ извязалы, й попаровалы, й на возы поклалы,
 Изъ Богуславья до Билои Церкви ихъ у неволю забралы.
 Охъ, де жъ вашы, панове молодьци, вороныи кони?
 Ой нашыи кони въ пана на прыпони, а самы мы въ неволи!
 Охъ, а де жъ вашы, панове молодьци, а срибныи узды?
 Ой нашыи узды въ коняхъ на занузди, а самы мы у нужди!
 Охъ, а дежъ вашы, панове молодьци, ясенькыи спысы?
 Ой нашыи спысы вже въ пана у стриси, а самы мы у лиси!
 Охъ, а де жъ вашы, панове молодьци, громкыи рушныци?
 Ой нашыи рушныци въ пана на скамныци, а самы мы въ темныци!
 Охъ, а де жъ вашы, панове молодьци, голубыи жупаны?
 Охъ нашы жупаны поносилы паны, а самы мы пропалы!
 Охъ, а де жъ вашы, панове молодьци, чоботы сапьянъци?
 Ой нашы сапьянъци позабиралы райци у недиленьку враньци!
 Охъ пошлимо галку, охъ пошлимо чорну, а до Сичы рыбы исты,
 Охъ, нехай донесе, охъ нехай донесе до Кошового висты.
 Охъ уже жъ галци, охъ уже чорній, да назадъ не вертацьця,
 Ой уже же намъ, панове молодьци, изъ Кошовымъ не выдацьця!

— Ну, скажы, будь ласкавъ—Гайдамаки якъ идуть було, то й письни спивають?“ *

— „Ни, Гайдамака йде тыхо. А се вже вони тогда спивалы, якъ у неволи сидилы.“

(Розказывалъ Кондратъ Тарануха)

* Вопросъ мой.

ГАЙДАМАКИ ВЪ ЖАБОТЫНЬ.

Въ Жаботыни Жыдъ поналичувавъ на дюдѣй стидько довгу, що стало вже не въ моготу й выплатыцьця: може въ десятеро бильшь, нижь воны булы выноваты. То Козаки Жаботынськы не хотили платить; кажуть: „Присягни!“ А винь, невира, взявъ, да й присягнувъ; о тогда вже платы якъ хочъ! Отъ, пять Козакивъ поробылы соби маленьки спысы, щобъ пидъ полу можно взять, да й прышлы до ёго ввечери, якъ видъ саме сивъ вечеряты. А Жыдивка надила дорогой очипокъ, що воны проклятыи носятъ. Отъ одынъ Козакъ узявъ да спысомъ пидъ той очипокъ и суне. А Жыдъ: — „Що ты! Що ты! шельма ты! Якъ ты смієшь?“

А винь ёго якъ порне спысомъ! Тогда й Жыдивку, й Жыденать переколды.

(Разказывали Въ Мотренинскомъ монастырѣ, Кіевск. г.)

ГАЙДАМАКИ ВЪ УМАНІ.

Якъ узялы Гайдамаки Умань, то силы на столыцяхъ середъ города, да й звелилы позвать паноцьцивъ. Отъ и привелы до ихъ Базылянь. То отаманъ и каже:—„А що, паноцьци! Мы васъ завсегда слушаемъ; послушайте жъ вы насъ хочъ разъ, а мы васъ наградымо.“

Тии бидныи трусяцьця, кажуть: — „Що звелыте, вельможныи паны?“

— „Отъ що: визьमितъ вы хресты, да пройдитъ по улыцямъ и одправте похоронь.“

Базыляне побралы хресты, ходять по улыцямъ, правлять пахороны. А народъ плаче по всѣму городу, и самы Базыляне правять, да й плачуть.

Якъ кончылы, отаманъ наградывъ ихъ червиньцями, да й каже своимъ: — „А що, хлопци, бачте, паны у якыхъ хорошихъ жупаныхъ ходять. А вы, бидахы, часомъ и сорочки не маєте! А путе, лышень, беритесь за дило!“

Отъ, тутъ уже и пишла ризья.

(Разказывали въ Мотренинскомъ монастырѣ.)

НЕЖЫВЫЙ.

Нежывый робывъ колысь горшкы у Артема Ганчара, и все було каже: „Я хочъ на одынъ день, а буду паномъ.“ Потимъ винь бувъ у Мотренинському лису, а звидты пишовъ на Каневъ, и выризавшы

тамъ Ляхивъ и Жыдивъ, повернувъ на кватеры до Чыгрына. А въ Галаганивци да жывъ панъ Щерба, оттой-то й запросивъ ёго до себе въ гости. Нежывый зъ усныи Козаками своимы пишовъ до Галагановкы, Козакивъ же оставивъ по сей бикъ гребли, а самъ зъ дванадцятьма отаманамы пишовъ пишо до Щербы. Отъ Щерба, обачившы, що винъ у двори безъ війська, заразы якъ крыкне своимъ: „Берить ёго!“ Тутъ ёго и зпапалы. А військо, почувшы, що отаманивъ позабырано, заразы усе порозбижалось.

(Розказывалъ Омелько Киплаухій, въ Субботу.)

ЩЕХМЫСТЕРЪ.

У Мыколаи бувъ священникъ, Остапъ Каряка. Поляки давай ёго пидбывать, щобъ поихавъ у Польщу, да высвятывся на Унію: „Пойдь, пойдь, Остапе, тоби лѣпѣй бендзѣ.“ Винъ и поихавъ, высвятывсь и вернувся вже Уніятюмъ. Отъ, у Тройци Благочестіе, а въ насъ Унія, рокивъ, може, й скильки. То якъ пійдемъ було у який ма-настыръ говить, то ченци насъ навучують: „Избунтуйтесь,—кажуть,—да до Преосвященного добыйтєся, то буде и въ васъ Благочестіе!“

А ся епархія тягнула тогди до Переяслова. А въ Переяслови Преосвященный бувъ Гервасій. Отъ, батько мій и поихавъ туды изъ парубкомъ, Шпакомъ:—„Ваше Преосвященство! Мы прыхалы просыты, нехай и въ насъ буде Благочестіе, якъ и въ людей! А то у насъ Унія, що мы ии й терпимы не можемо.“

А Преосвященный и каже:—„Диткы! Просите Каряку, нехай до мене прыиде, то я ёго поблагословлю на Благочестіе!“

А панотець каже:—„Святый Владыко! Мы всією громадою просылы, а винъ не йме виры. „Тогди,—каже,—буде у васъ Благочестіе, якъ у мене поросте на долони волосься.“

То Преосвященный и каже:—„Люде добры! Обождитъ же; винъ скаменецца, да не въ пору; Идьте, — каже, — диткы, до дому, а священникъ вамъ буде!“

А въ Ревовци да бувъ тогди молодой пипъ, Максимъ Левыцький. То Ляхы ёго мордовалы, щобъ прыстававъ на Унію: жаръ за халавы сыпалы и на колесо тяглы, а винъ утикъ, да въ Переясловъ до Преосвященного. Тамъ ёго панотець и бачывъ. Да тамъ же у Переяслови бувъ тогди у Преосвященного и тытаръ изъ Мліева (?). Узязъ Лядський антмынсь изъ церкви, да й привизъ до Преосвященного. То панотець и того тамъ бачывъ.

Отъ, якъ сказавъ Преосвященный, що „Идьте, каже, до дому, а пипъ вамъ буде“, то панотець и поихавъ назадъ изъ Шпакомъ. А тогди перевозъ бувъ тилько у Сокрыній, да у Доминтахъ, а то скрызъ по сей бикъ стояла на бекатахъ стражъ Польска, а по той — Гетьмань-

ци на радутахъ. То оце було въ ночи й кричать, — намъ у Черкасахъ и чутно, — оце одынь: „Славенъ городъ Петипурхъ!“ а другый: „Славенъ городъ Перясловъ!“ Усе города велычалы. Таке-то, бачъ, було гасло.

Такъ було тогди тилько два перевозы; заплатышь було *индугу*, то й пропустять. Ото мій панотець у Доминтовъ, ажъ тутъ одъ брата посланецъ Братъ заплатывъ чоловіку тому, да й переказуе: „Нехай,—каже,—не йде въ Черкасы, бо вже Ляхы провидалы, то стережуть на дорози, щобъ піймать.“

То батько зъ Шпакомъ у Богушкову слободку, да нанявъ рыбалку, щобъ ёго перевизъ потайно на сей бикъ, а коней изъ Шпакомъ покынувъ.

Прышовъ до дому, ажъ тутъ льхо: шукають ёго Ляхы, щобъ зтратыты. То винъ до зятя, да й жывъ тамъ зъ мисяць у загороди, покы все утыхомырылось.

Якъ утыхомырылось, то й ставъ панотець жыть дома вже, але все ще опасувавсь. Колы жъ прысилае разъ за нымъ панъ Швагроныстый. А тогди у насъ у Черкасахъ команда стояла, то панотець лядунки обшывавъ. Отъ винъ и пишовъ до того Швагроныстого, саме туды, де теперь суда стоять.

Прыхожу, каже, я туды, ажъ дывлюсь, прывезлы Млівського тытара, що у Преосвященного я бачывъ: руки назадъ звязаны и самъ прывязаный до полудрабка. Я, каже, якъ побачывъ, то й вмерь! Думавъ, що й мене за тымъ оце призывалы. Колы жъ выходить Швагроныстый:—„Ну, Цехмыстеръ, гляды, щобъ у середу булы лядунки!“

— „Будуть,—кажу,—вельможный пане!“

— А винъ: — „Иды жъ, — каже, да щобъ булы!“

Отъ у мене й на души, каже (панотець), трохы одлягло. Скорийшь звидты: Нехай вамъ бисъ!

А тытара того повезлы у Мліевъ, да ото, що есть тамъ коло Мліева гребелька и вербы, то тамъ ёго на верби повисилы за руки, и усякъ мордовалы: оце коноплямы обмотають, да смолою обмажуть, да й запалать. А потимъ, замордовавши, голову ёму одрубалы, да й выставылы на выгони на высокій пали. А въ ночи щось украло тую голову, да й одвезло ажъ у Перясловъ до Преосвященного. То Преосвященный ще лучче почавъ старацьця, щобъ було Благочестіе.

Ажъ ось разъ прыходить чоловікъ до панотця.—„Идите,—каже,—пане Цехмыстре, якыйся пипъ прихавъ, да зове васъ.“

Пишовъ панотець, ажъ то той самый Максимъ Левыцькый, що бувъ у Преосвященного:— „Люде добры,—каже, оце прыславъ мене Преосвященный, щобъ я бувъ у васъ попомъ!“

А нашы кажуть: — „Добре, батюшко; мы того бажаемъ.“

— „Ходимъ же, — каже, — въ церкву!“

Пишлы въ церкву. Винъ одправывъ акахвысть, посвятывъ церкву, обійшлы кругомъ церквы, а потимъ и каже: — „Люде добры! Дайте жъ мыни кватыру! Въ мене и жинка е, и диточокъ двоє!“

Отъ, наши дали ёму обществомъ хату, а потимъ уже винъ посылавъ у Ревивку пидводу, то привезлы ёму й попадаю и дитей двое: дочка була Явдоха, да сынокъ Лесько.

То якъ поживъ той пипъ у насъ рокивъ зо два, то ёго зробылы протопокою, а писья такъ розжився, що було берлыномъ йздыть. Будка зъ викнамы и кони въ простяжъ. То оце одынъ на кони сидыть, а другый коло будкы, а самъ у будци, да ще й за будкою одынъ.

(Разказывалъ Харко Цехмыстеръ, въ Черкасахъ.)

БЛАГОЧЕСТІЕ.

Довго тягались по Украини тіи коліи, да описья вже почалы ихъ усюды хватать, и якъ стала Мандебурія на нихъ, то стали гонительства и на попивъ Благочестывыхъ. Людей гонылы сылою на прысягу, то и батько прысягавъ на Унію. А декоторый не хотылы, да ховались; не хотылы ламаты виры, а ждалы такого времени, що зновъ буде Благочестіе. И я тогда родывсь, якъ Мандебурія встала. То батько не хотивъ хрыстыть мене увъ Уніята, а хотылы везты ажъ у Выноградськый монастырь, да вже якось знайшылы попа тутя и въ ночи тайно охрыстылы.

(Разказывалъ Кондрать Тарануха, въ Смялой.)

ЯРМАРКИ.

А якъ уже забрала край Царыця, да стало усюды Благочестіе, тогда иродъ у пекли и тужыть одынъ до другого:— „Отъ, лихо, всюды Благочестіе стало! Теперь уже нельзя никого ни на грихъ, ни на що пидвесты: у будень будутъ робыть, а въ недилю по церквамъ ходыть!“

А другый каже:— „Не журысь, брата: мы такыхъ на ихъ панивъ наплемъ, що въ недилю не будутъ по церквамъ ходыть, а зроблять усюды по недилямъ ярмаркы; то й самы николы не будутъ у церкви и народъ буде ярмарковать“.

Отъ же й справдылось дйавольске слово. Теперь у насъ: що недиля, що свято, то й ярмарокъ не въ тимъ, то въ тимъ сели.

(Разказывалъ Кондрать Тарануха, въ Смялой.)

ЖОЛНІРЫ.

Після Гайдамаччыны, якъ уже Ляхы сталы зновъ правыты Вкраіною, то було на десять хать одынь ніжъ и одна согыра: бояльсь, щобъ зновъ народъ не збунтовавсь. Оце ввійде жовниръ у хату: — „А, ты, мужыку, Сызматыку! у тебе два ножи, галгань. Гайдамака!“

Визьме и пропало!

(Розказыває Кондрать Таранука, вь Спльой.)

ХАРКО.

Я самъ знавь Харка. Винъ бувъ сотникомъ у Жаботыни. Воны зъ Лелекою вшылы сюды, якъ Москаль розруйновавъ Сичъ, дай поженылись у Жаботыни. Лелекажъ ставъ господаровать: млыны, державъ, скотъ продававъ, то - що; а Харко зробивсь сотникомъ у Жаботыни, и у ёго було сорокъ чоловикъ Козакивъ. То було до панивъ посилае: „Я васъ, — каже, — заслоню й стережу, а вы мыни давай-те кошту й провызинъ.“ То паны було й присылають ёму вь Жаботынь. Бравый бувъ Козакъ! Було иде: жупанъ голубый на верси, красный на сподц, чоботы сальянцы, шапка чорна похылъста, самъ чоловикъ плечыстый, русявый, повновыдый. Було разъ пройде сывымъ конемъ, у другый воронимъ, у третій буланымъ, у четвертый бильмъ. Той же еднораль! а Козакъ! А було до войны такый жвавый, що вже зъ нымъ Козаки ничего не бояцьца. Назадъ отченашъ переговорывъ, — ступай смилу; куля не визьме!

И пошла вже така слава, що супротивъ ёго ништо не встоить. То Ляхы й думаютъ собі: „Отъ же мы ёго, вражого сына, годуемо, да выгудуемо такого Гайдамаку, якъ Хмельныцькый. То була Хмельныччина, а ще буде Харкивщина!“

Да й прислалы до ёго вь Жаботынь:

— „Просыть панъ до Паволочы вь гости!“

Винъ и похвавъ.

А я зъ Лелекою добре знавсь такы. Зъ Харкомъ — ничего хвастать, а зъ Лелекою такы мы добре гулялы. То винъ самъ мыни розказувавъ: — „Я, — каже, — ёму й казавъ: „Эй, не идъ бгате!“

А Лелека той кортавивъ трохы.

— „Эй, кажу, не идъ, бгате! бо не дурно кинь на воротяхъ спыткавцьца!“

А Харко якъ выиздывъ до Паволочы, то кинь на воротяхъ спыткнувся.

— „Ни, якъ такы не слухать панивъ ? Вони мене й годують и все“.

— Ну було жъ ёму хочъ не напивацьця, було ёму лить у кышени; хусткы въ ёго булы було ёму въ хусткы лить, то бѣ ёго такы не взяли. А то якъ напивсь, то ёго пьяного взяли къ чорту, да й зтратылы.

(Такъ розказывалъ въ Смѣлой Кондрать Тарануха, а въ Звенигородкѣ лырныкъ Уманецъ, поэтъ по собразу жизни, прибавляетъ нѣкоторыя подробности, болѣе поѣтичскія, нежели истинныя :)

У Паволочи була у ёго хрыщена маты, зъ великого поколиня пани; то винъ-то надіявся, що ёго тамъ не займутъ, да напившысь добре, якъ лигъ спаты, тогда та паны: „Теперь,—каже—Ляшкы, маєте часъ, оступайте Харка!“ То Ляхы за ёго. Отъ же ще бѣ вони ёго не зтратылы, колы бѣ ёго коня не прыковалы: конь бы ёго вызвольвъ, не давъ бы ёму пропасть; винъ бы й губы, й зубы усимъ порозбивавъ и будынокъ розвальвъ, бо то кинь бувъ лыцарськый; а то взяли бисовы Ляхы да й прыковалы за чотыри ноги у стани. То кинь, якъ почувъ Харкову кровъ, то давай иржаты, да вже ничого не врадывъ. А Ляхы якъ стали Харка рубать, то рубалы ажъ тры дни, да ни якъ не порубають: и шабля позубылась гиршъ, якъ зализо; да вже дорозумовалысь, що рубать ёго ёго жъ шаблею; а въ ёго шабля була лыцарська, то та шабля ёго й победила.

ВАЗІЛІАНЕ.

Базыляне учать було по Польскій, и который хлопчыкъ, або дивочка, скаже Боже приказаніе, то старосцына дастъ пятака, гривню, або хрестыкъ. Сказано—маныла. У одного хлопчыка спытала: — „На що тебе Богъ создавъ ?“

А винъ каже:—„Щобъ панщину робывъ.“
Тому дала срибного золотого.

(Розказывалъ Дмитро Погортьий, въ Звенигородкѣ.)

РОСКАЗЫ О ЗАПОРОЖЦАХЪ.

I.

Запорожьци прыйдуть було зъ Сичы въ Кыевъ, чоловікъ ихъ десять, двадцать, да й значуть гулять. Оце одкуплять бочки зъ дигтемъ, да й розильють по базару, одкуплять скилько в горшкывъ на торгу; да й порозбивають на черепья, одкуплять скилько в мажъ изъ

рыбою, да й розкыдають по всѣму мѣсту: „Йжте, люде добры!“ А дали сѣдають на коней; шапки на нихъ оксамытны червоны, жупаны то сыни, то красны, штаны такы, що грыняю бѣ давь, щобъ тилько подывыцьця. Музыкы йграють, а воны, побравшысь, у боки, и идуть мымо бурсы, Гетьманы такыи, що ну! То бурсаки було оце повыходять за ворота, дывляцьця на нихъ, да й плачуть. Қолы жѣ на друге лито дывысь — половина бурсы на Сичи и вродыцьця!

А вже якъ который Запорожець дожыве до велькой старосты, то й просить выдильть ёму грошы зъ кружки, и якъ выдильть, то прыдецьця на ёго пай тысячь пять. Отъ, винъ набѣе чересь червиньцями, да забере зъ собою прыателей душъ трыдцять, або сорокъ, да й иде въ Кыевъ *прощаецьця зъ свитомъ*. Оце вже тутъ гуляють воны недвлѣ зо двѣ, такый бенкетъ пиднимуть, що весь Кыевъ зходьцьця на ихъ дывыцьця: „Запорожець. Запорожець зъ свитомъ прощаецьця!“ И оце якъ идуть було вульцею, то весь народъ за воритьмы. А воны жѣ то повбираны, такъ якъ есть тоби макъ у горѣди! Кони пидъ нымы — якъ орлы, такъ й грають, а золото да срибло ажъ мыготыть увъ очахъ на соньци, що й зглянуть не можна. Тутъ и бандуры, тутъ и гуслы, тутъ и спивы, й скокы и всякы выкрутасы! Оце такъ Запорожець зъ свитомъ прощаецьця!

А погулявши такъ недвлѣ зо двѣ, да начудовавши весь Кыевъ, идуть уже у Межыгорськый монастырь. Хто жѣ иде, а хто зъ самымъ тымъ, що прощаецьця, танцюють до самого монастыра. Сывый, сывый якъ голубъ, у дорогыхъ кармазынахъ, выскакуе йдучы попереду Запорожець; а за нимъ народу, народу! такъ якъ на Велькденъ коло пасокъ, або на Іордани на лёду. И на ёго кошть усихъ поить, уси танцюють, уси веселяцьця, ажъ земля гуде!

А вже якъ прыдутъ до самого монастыра, то и стучыть Запорожець у ворота.

А тамъ пытають:— „Хто такый?“

— „Запорожець.“

— „Чого?“

— „Спасацьця.“

Одчыняцьця ворота, винъ одынъ туды ввійде, а товариство зъ народомъ и музыкамы зостануцьця за воритьмы. А винъ скоро ввійшовъ у монастырь, заразы чересь изъ себе и оддае на церкву, жупаны кармазынныи зъ себе, а надине волосяну чернечу одежу, да й почавъ спасацьця.

(Смѣхаль отъ Т. Г. Шевченка.)

II.

Запорозъци якъ пидмовлять було до себе на Сичъ якого хлопця зъ Гетьманщины, то перше пробують, чы годьцьця быть Запороземъ. Отто звелять ёму варыты кашу:— „Гляды жѣ, вары такъ, щобъ

и не сыра була, щобъ и не перекипила. А мы пійдемъ косить. То ты, якъ уже буде готова, вийди на такой-то курганъ, да й зови насъ, а мы почujemo, да й прыдемъ.“

Отъ, поберуть косы, да й пійдуть ниби-то косить; а де въ чорта имъ хочецьця косить! Заберуцьця въ комышь, да й лежать. То оце хлопецъ, зварывшы кашу, вийде на могылу и зачне гукаты. А вони й чують, да не озываюцьця. То винъ гукае, гукае, да давай плакати: — „Отъ, занесла мене нечыста сыла мижъ сіи Запорозьци! Лучче бь було дома сыдити пры батькови, да пры матери. А то ще перекипыть каша, то прыдуть да бытымуть вражы сыны! Ой, бидна жь моя головонько! Чого мене понесло мижъ сіи Запорозьци!“

То вони, лежачы въ травн, вислоухають усе, да й кажуть: „Ни, се не нашъ!“ А дали вернуцьця до куреня, да дадутъ тому хлопцеву коня й грошей на дорогу, да й скажутъ: — „Идъ соби къ нечыстому! Намъ такихъ не треба!“

А якъ же который удасьця розторопный и догадливый, то, вышовшы на могылу, клькне разивъ зо два: „Гей, панове молодьци! идите каши исты!“ да якъ не озываюцьця, то винъ: „Чортъ же васъ беры, колы мовчите! Буду я й самъ исты.“ Да ще передь одходомъ ударить на могыли гонака: „Ой тутъ мыни погуляты на простори!“ Да затыгнувши на весь степъ Козацьку пильню, и пійде соби до куреня, и давай уплитаты тую кашу.

То Запорозьци, лежачы въ травн, и кажуть: „Оце нашъ!“ Да побравшы косы, и йдуть до куреня. А винъ: — „Де васъ у биса носыло, панове? Гукавъ, гукавъ, ажъ горло заболело; да щобъ каша не перекипила, то я почавъ самъ исты.“

То Запорозьци споглянуть одынъ на одного, да й скажутъ ему: — „Ну, чуро, вставай! Годи тобі быть хлопцемъ; теперь ты ривный намъ Козакъ!“

И прыймають у товариство.

(Разказывали въ Мотрелинскомъ монастырѣ.)

III.

Запорозьци, скоро було заспорять, заразь на поедынокъ на пистолеты. Розстедють бурку. Одынъ на одному рижку стане, а другый на другому и стреляють. Ото въ ихъ тилько й суда.

(Разказывалъ въ Александровѣ Иванъ Бурдунъ.)

IV.

Було що року нанздять на ярмарокъ у Смилу Запорозьци зъ Сичы. Прыйде було ихъ чоловікъ дванадцать, трынадцять. А нарядъ

на ихъ такой, що Боже твоя воля! Золото да срибло! Оце шапка на ёму буде оксамитна червона зъ рижкамы, а околычка, такъ пальци на тры, або сыва, або чорна; на споди у ёго жупанъ—самый чыстый кармазынь, якъ огонь. що й очыма не зоглянешь; а зверху черкеска зъ вылётамы або сыня, або голуба; штаны суконны сыни, шыроковы, такъ и высять ажъ почты по передкахъ, чоботы червоны; а на лядунци або золото, або срибло; и черезплечныкы, то й те все позолочуване; сабля пры боку вся буде въ золоти, ажъ горыть! А якъ иде, то й до земли не доторкаецца. А оце було сядуть на коней, да по ярмарку, якъ искры сяють! Кыне було оце брыль, да й не допустыть: пидбижить конемъ, да й ухватить; а скоро въ кого впавъ, товже оце йдуть, пьютъ и гуляють за ёго грошы. А храбрость, така храбрость! Було йде, то ий Богу такы до земли не доторкаецца; тилько—шамъ, шамъ, шамъ, шамъ, пишовъ гулять! Сватають було дивчаты. Мою сестру засваталы; то коней у батька поодгодовувалы, самы недиль зо дви гулялы, да потимъ: „Пойдемо жъ мы за свидительствомъ, да будемо винчаецца“ Якъ поихалы, то тилько й бачылы.

(Разказывалъ Кондрать Тарануха, въ Спльой.)

V.

Яку жъ вамъ теперь писню заспывать? Хыба про Васюрыньского?

„Васюрыньскый Козарлюга все пье, да гуляе,

„Отамана Кошового называе:

„Позволь, батьку отамане намъ на башти статы.“

„Якъ не стыдно Билій Царыци а Сичъ руйноваты?“

Васюрыньскый, знаете, той бувъ такой сыльный, що якъ прычащаецца, то чотыри чоловикы держать попа, щобъ не впавъ одъ духу. Такой бувъ лыцарь, що тилько дхне, то одъ самого духу не встоишь на ногахъ. Якъ прышлы Москали Сичъ жакуваты, то винъ просывсь, щобъ тилько позволено ёму статы на башти: „Мы,—каже,—станемо зъ кулакамы, то ни спысь, ни куля не визьме.“ А описья якъ побачылы, що Москва вже все позабирала, то сило ихъ сорокъ тысяч на човны, да й поихалы до Турка.

(Онь же.)

VI.

Я служывъ два годы у Берыславъ*, а тамъ не далеко рыбны заводы Запорозькыи. То було якъ прыдешъ у заводъ, то вонны тебе не стануть пытать, що ты за чоловикъ, а заразы: „Дайте

* Въ 75 верстахъ отъ Херсона.

дышь Козаку попойсты, да й горилки чарку пиднесить, бо винъ, може, здалека йде, то втомывсь.“ Отъ, якъ наисысь, то ще ляжъ одпочынь, да тогда вже пытають: „Хто ты такый? Може роботы шукаешъ?“ Отъ, скажешъ:—„Шукаю.—„Такъ и въ насъ є робота; прыставай!“ То й прыстанешъ, и часомъ за мисяць рубливъ двадцять заробышь. А народъ бувъ усе роскошный, шыи такыи, що хочъ обидьє гны: уже вони до себе якого-небудь не примуть, а усы довгы, що ажъ за уши позакладують. У недилю було зберуцьця гулять, то багатыи особо, а вбогыи особо. Багатыи й шатерь соби напнуть и справляють балъ: горилку пьютъ, у карты, а найбільше въ шашкы, грають. На кобзи було лырныкъ имъ грає, пидобгавшы ноги, а вони танцюють. Пйде було навпрысидкы, то геть обйде чортъ знає де. То вже народъ муштрованный бувъ! Або колесомъ пйде, то чортъ єго знає, якъ винъ тамъ котыцьця: зо всімъ якъ колесо!

(Розказывалъ въ Звенигородкѣ пасичникъ изъ Кремечуга.)

VII.

Росказувала одна стара баба, що, каже, якъ була я дивкою, то, каже, Запорожець ставъ зо мною жартовать. А другый стоить, да й каже:—„Вражый сыну! На що ты зъ дивкою жартуешъ? Хыба! тоби нема молодыци?“

— „Я,—каже,—тільки такъ.“

Да вынявъ зъ кышени такый хороший шовковый платокъ, да й каже:—„На жъ тоби, бисова дивко, носы! Се тоби за те, що зъ тобою пожартовавъ.“

(Онъ же.)

VIII.

Тогда такъ було, що оце пидмовыть дивку, завезе на Запорожьжя, продасть, а самъ вернецьця. Мыни одынь признавався: „Я,—каже,—продавъ Варку, то й каюся и не буду до вику женыцьця.“

И не женився.

(Розказывалъ Дмитро Погорьлий, въ Звенигородкѣ.)

IX.

Якъ стоялы мы въ Києви, то я зъ другымы стражъ державъ. Мижъ намы булы Запорозьци въ холодныци. Старшый Запорожець

въ зализахъ сыдыть, а товариство въ колодкахъ. Старшій здоровый чоловікъ, оттакий! да й то не худо - паходкы.

А Запорозьцѣ, волны люде булы. Каже: „Хочь до крови не хай бьюцьця, а колы до насъ нема прозьбы, то мы й не помогаемъ.“ За те, що ихъ зъ степивъ прогонялы и добувать не позволялы, то Кошовый розсердывся, що одъ ихъ весь степь одбиралы и завоёвувать не позволялы. Тогда намъ такы и тиснійше стало, бо вередовать почалы. А воны нашій Царыци служылы. До ихъ изъ нашихъ утикалы, бо тамъ вольнійшъ було.

Отъ оцей старшій и товариство пидмовлялы до себе Московского карабынера; а той не пишовъ, да своимъ ох-фыцерамъ и объявивъ, то ихъ и позабиралы. То було говорить: „У насъ оттакъ, баттьковы диты, діялось: колы зажелавъ, ступай до насъ; а ни, сказавъ: „Мени й тутъ дыбре служыть Богу й Царыци за Виру Хрыстіянську.“

А на ёму одежа славна, штаны оксамытны чорны, куртки зеленены, а шапки не бачывъ, — и не надивавъ, правду сказать.

Оце за нымъ ходымо, караулымо, а винъ намъ каже:— „Що вы, батьковы диты, ходыте за мною? Вы бь три дни надо мною стоялы, вы бь думалы, що я передъ вами, а я Богъ знае, де бувъ бы!“

Да було своему товариству, що въ холодныку, гласъ и оддае: „Сыдять, — каже, — хлопци; вы шуткуйте, шуткуйте, да ждять ладу, покы бумага прыйде зъ полку; побачымъ, хто выновать, чы мы, що пидмовлялы, чы винъ, що насъ пидъябедывъ. Не погане море, що собаки хлечуть, не поганы й люде, що пидъ прыказомъ сыдять!“

А воны, сказано, сыдять въ козарни*, ихъ и на работу зъ рещантамы не выгонялы. Тутъ и ложечка (кровать) для Прапорщыка.

То якый Запорожець: „Отъ увязить мене, — каже, — въ мишокъ, чы встережете мене, що мене бережете?“

— „Чомъ?“

„Кете мишокъ!“ — да й влизе въ мишокъ, да до сволока ёго й прытягнуть за тряпки; а винъ изза дверей и йде, да: „Здоровы, вражы сыны! Устереглы?“

Або который-небудь Запорожець:— „Що вы, думаете, я не знаю, що вы вмѣете красты?“ Да разъ до мене: „А на що ты пятака вкравъ?“

— „Я й не бачывъ пятака!“

„А ну, скынь чобить!“

Скынувъ, ажъ у чоботи пятакъ!

А винъ: „А, идять васъ мухы!“ Да й смѣщыця, вражый Запорожець.

А то винъ хымородою хымородывъ, сказано каверзныкы.

А старшій було лежыть да: „Гуляйте, хлопци, гуляйте, да заспывайте лышь письнис!“

— „А якои, — кажю, — вамъ писенькы заспывать? Може оттакои, дядьку, оттакои?“

* Posadzić do kozy.

А я й не знавъ, що винь Запорожець: на ёму ни якои кавалерии нема, а въ зализахъ, да думаю: такъ, служащій, да й заспивавъ ёму Запорозькой: „Ой поизжае да по Украини да Козаченько Швачка,“.... То винь слухавъ, слухавъ, слизмы облився, да мене за голову: — „Ахъ, сыночку мій! Се жь наша батькивщина! Се жь наша отцевська письня! Се не писенька, се щырая правдонька! Такъ мы у своихъ батькивъ служылы, да оце про ихъ и письню проложено!“ Сёму вже (когда онъ видѣлъ Запорожца) годъ пятьдесятъ пятый буде.“

(*Розказывавъ Семень Юрченко, въ Мартыновкѣ, Черниговск. губ.*)

X.

Запорозцы перше звались *Козары* и сидили въ Каневѣ, потимъ въ Романкови, потомъ у старому Кодаку, а дали ныжче Никополя. (Происхожденіе ихъ.) Служыло ихъ три у Короля. Король заплатывъ двомъ жалованье, а третёму сказавъ — „Отъ же я двомъ заплатывъ гришмы, а ты, колы хочъ, иды въ Каневъ, осады соби тамъ слободу!“ Отъ винь пшовъ, да й завивъ тамъ Сичъ.

(*Розказывавъ старикъ въ Корсунѣ.*)

XI.

Въ Запорожьжи ни хто було не скаже старому: „Дурно хлибъ йсы.“ Прийдъ, ратыще встромы, янчарку повисъ, да й лежы соби хочъ тры мисяци, пый й йжъ готове. Тилько встанъ, Богу помолысь; колы е грошы, иды въ корчму, горилку пый.

А якъ же скаже хто: — „Дурно хлибъ йсы,“ то Козаки такъ и нападуть: „А ты вже закозаковався, сякый, такый сыну!“

(*Онъ жс.*)

XII.

Козаки пидъ Мазелою зминылы, да й пишлы пидъ Турка. Турокъ давъ имъ землю и все. Колы жь умеръ Козакъ, а земля й выкынула, умеръ другый — и другого выкынула, третій, выкынула й третёго. Такъ вони тоди: — „Эй брацьци сердечныи! вернимось, бо насъ тутъ и земля не прыймае!“

А Царь Петро вже зазывае: — „Верницьця, — каже, — не буде вамъ ни якои кары, ни упомынку.“ Такъ вони й вернулись.

То йхавъ разъ батько поузъ Савуръ Могылу, а тамъ великыи шляхы идутъ: одынъ у Московщину, а другый у нашу сторону. То мижъ

тымы шляхамы, коло тый Савуръ Могылы камень велькый лежыть. А зъ нымъ ходывъ тоди на Динь Василь Куценко, письменный. Такъ батько каже:—„Иды лышь, Васылю, прочытай, що на тымъ камени напысане!“ А той пишовъ, да й прочытавъ: „Прокляты, прокляты, прокляты, хто буде одъ Запорозьцызъ одбирать землю, помы свить сонца!“ Государь таке заклатье положывъ.

Мій батько такы водывся зъ тымы Запорозьцями. Бувало то горилку, то що возять, у Сичь. Росказуе було, що, каже, якъ привезеш горилку, то й прыде куповать, и заразы бере волочокъ, тягае, самъ пье и душъ десять частуе. Хто стоить, жодного частуе. Уже жъ ты ёму не кажи ничего. То выпьютъ такъ якъ на корхъ зъ бочки.“ да тоди вже: „Заплатимъ же, паны молодци, за горилку!“ да й закупыть уси бочки, и вже заплатыть добре! А якъ же бь що сказаваъ, то и стоявъ бы тамъ не знать домы, да може й назадъ повизъ бы горилку.—„Не йдить,—кажуть,—до вражого сына куповать: чаркы горилкы жалуе.“

А вже въ ихъ такъ, що якъ садовышь, то садовы багатого и вбогого; а якъ же ни, то й хазяина по грудяхъ:—„Матери твой бисъ: багатого такъ и трактуюшь, а мене такъ и ни!“

Жывый народъ бувъ! Було якъ пйде конемъ, то не такъ якъ нашы, а такъ якъ панъ; колы бь струснудся! Такъ и пизнавшъ ёго оддалеку.

Разъ стою за воритьмы, ажъ ихъ йде трое, а за ными по одному коню пидъ вьюкамы: и що тамъ срибла въ тыхъ вьюкахъ! Такъ думаю, що четверыкъ на жадному.—„Здоровъ“—кажуть!“—хлопча!“—„Здоровы!“—„А де тутъ Дмитро Билыкъ жые?“—„Оце, — „кажу“ — й Билыкъ!“—„А дома?“—„Дома.“—Заихалы, пообидалы въ батька, да й поихалы. А то вони верталысь изъ Польщы. Кажуть батькови:—„Уже, Дмитре, надралы; буде зъ насъ помы й нашего вику!“

Не одну жъ Польщу вони дралы. Було й нашымъ одъ ихъ лихо! Ни харчи було не провезешъ, ничего. Росказувавъ батько, що идемо, каже, зъ Запорожьжя. А братъ до брата на Запорожьжя ходывъ, такъ винъ ёму два возы рыбы наклавъ. Идемо зъ Запорожьжя, ажъ дывымся—ратыще на шляху востромлене. Уже жъ и не йды далше, а то якъ выскочать, прокляты комышныкы, не довго на свить дывытымсы. Зупынымы волывъ, ажъ и йде ихъ тры. Два жъ стоить на коняхъ, а одынъ до воза:—„Розшнуровуй визъ, вражий сыну!“ Розшнуровавъ. Винъ й почавъ изъ воза рыбу выкыдать. А въ другому вози спысь стрымывъ; визъ бувъ очеретомъ уккрытый, и спысь у ёму стрымывъ. Той чумаць дывывсь, дывывсь, дали якъ ухопыть спысь, да якъ суне того комышныка пидъ бикъ, такъ и пронявъ.—„А йдить,—каже,—й вы сюды! (на тыхъ уже, що на коняхъ сыдять)! И вамъ те буде!“ То ты бачать, що се не промахъ, да й звомпылы.—„Що жь?“ кажуть,—мы бачымо, що винъ вражий сынъ глумыцьця“. Да й оружые поодкыдалы.—„Сховаймо, кажуть,—ёго, брацьци! То такы не падлюка, то Хрыстыянынъ.“ Угорнулы въ рядно,—рядно въ того чоловика взылы,—да й заховады. То-

ди пытаюцьця:—,Хто жь ты такий?—,Я—каже—оттакий и такий, ходывъ до брата въ гости!—,Знаемо,—кажуть,—того Козака! Щобъ же тебе! Колы бь ты намъ хочь слово сказавъ, що ты ёго братъ, мы бь тебе й не чипалы.“ Да й поихалы.

Такий то народъ бувъ. Якъ не краде Запорожець, то й кажутъ ёму:—,Доки ты, вражий сыну, будешъ лежаты? И чаркы горилкы ни за що выпыты!“

Нашъ родычъ, Ядько, бувъ у Запорозьцяхъ, то було росказуе:—,Пишлы, каже,—разъ ажъ за Богъ рiku надъ Тылыгуль коней красты: глянёмъ, ажъ такий табунъ коней ходыть! Отъ я прылнзъ, ажъ Нагаецъ вартовый спыть и вижки замотавъ коло руки. Я якъ сунувъ ёго спысомъ, а винъ у панцыри, то спысь такъ и закорчывся. Винъ якъ схопыцьця, да до мене! то якъ бы не було ножа, то заризавъ бы вражий сынъ; а то я якъ черкну ёго ножемъ по горлу, то винъ такъ и повалывсь.

А вже въ Сичъ баба не ходы; хочъ бы сестра, хочъ бы маты ридна — не пустять. Такъ, чортъ же знае по якому жылы тыи Запорозьци: самы соби якъ бурлакы. Бувъ одынь Запорожець Нагаецъ, да й внадывся до попади. Коло Сичы десь тамъ у сельци винъ живъ; такъ винъ до попади й внадывся. А Запорозьци пронохалы, да й пишлы до Кошового:—,Такий намъ стыдъ робыть Нагаецъ, пане батьку; унадывсь, кажутъ, до попади, якъ той собака!—,Постійте жь,—каже—пань молодьци; я Козака надежного пошлю; нехай прысочыть его; тоди вже буде ёму судъ и росправа!“ Отъ, Нагаецъ поихавъ изъ Сичы, а Козакъ соби. Прыихавъ до попади:—,Одчыны!“ Не одчыяв. Винъ якъ суне въ двери ногою, — двери такъ й вывалыдысь. У хату, ажъ винъ тамъ за запонкою. „А що ты тупиъ робышь, сякий, такий сылу?“ Якъ узявъ быть ёго нагаемъ. А той просыцьця:—,Брате мій ридный! Уже хочъ бый, тилько панови батьку не лсы!“ А тамъ уже таке чортове заведеніе, що симъ разъ якъ ударыть кьемъ, то вже хлеба не йстынешь. Такъ що жь? У такого одмольсься? И нагаемъ выбывъ, и Кошовому зъясовавъ. Ну, звисно вже: заразы до стовба, да кямы. Занедужавъ, сердечный Нагаецъ, одъ такой бани, да й вмеръ незабаромъ.

Уже що бойкий людъ бувъ, то такъ! Разъ ходывъ изъ батькомъ у Сичъ изъ горилкою мой ридный дядько. Отъ и пытаюцьця:—,Що се, Дмитре, зъ тобою?“ —,Да се, — каже — мой шурынъ, моей жинкы братъ.“ —,Якъ ёго зовуъ?“ —,Хома.“ —,Не вклепався,—каже,—пишь, що ёму таке имня давъ: винъ на Хому й походывъ, дяволивъ сынъ!“

А разъ такы добре допеклы мойму батькови. Сыдыть винъ изъ нумы въ лёху, да й пьютъ. А воны й давай ёго на смихъ пидійматы:—,Ге, васъ, кажутъ, тамъ у Польци,—а се бь то, бачъ, на Вкраини,—повы мыромъ не мажутъ, а гусячимъ саломъ. „А батько, не довго говорывшы, схопывсь, да на базари купывъ хлеба, да й пишовъ до Кошового. Кошовый выслухавъ:—,Ишь,—каже,—вражы сыны! А воны жь изъ чого поплодыдысь? И воны жь изъ мужыкывъ породыдысь, а теперь уже тилько ихъ мыромъ мазано! А пиды,— каже на Козака, що

пры ёму бувъ, пійды лышенъ помыры ихъ!“ Прышовъ Козакъ изъ батькомъ до лѣху:—„А чого, — каже, — вы тутъ, вражы сыны, змагаецеся?“— А воны:—„Сядь, сядь, батьку! Чарку горилкы выпый!“ Отъ винъ посыдивъ трохы:—„Що жъ — каже, — я дармо чоботы топтавъ для васъ? Положить по рублю!“ Уси вынялы по рублю и положили ёму въ шапку. И батько мусывъ положить рубля. Такъ розсудывъ, дяволивъ сынъ!

А то, кажуть, ще-то въ старовину, одибравъ Кошовый що найкращый народъ да одижный, да й пославъ до Короля. Отъ Ляхы бачать, що въ ихъ усы оттакелезны:—„Чого бь, кажуть, дать имъ йсты? Даймо имъ сметаны!“ Дали сметаны, а Запорожьци кажуть:—„У насъ не дають сметаны напередъ, медъ напередъ дають.“ — „Ну, дать имъ меду!“ Дали меду, а воны якъ попили меду, да позакручували усы:—„Теперь, — кажуть — давайте й сметаны!“ А пидъ той самый часъ непріятель прыславъ Ляхамъ лукъ:—„Якъ не натяжете, — каже, — сѣго лука, то становицьця на баталію (не о войнѣ лѣ съ Крыжаками подъ Динабургомъ?)!“ Отъ Ляхы пробовали, пробовали, ништо не натяне. А одынъ Запорожець:—„Ось кете лышь, — каже, — сюды!“ Узавъ, такъ и натянувъ той лукъ.—„Дайте жъ, — каже, — теперь мыни штабу залъза, да взявъ, да кругомъ шыи тому послови обгорнувъ, дай завернувъ, такъ якъ отъ снпъ завертаешъ, що перевесло скружышъ; такъ винъ ту штабу завернувъ:—„Коды одвернете, — каже, — вы сю штабу, тоди мы на баталію зъ вами станемъ. „Якый же ёго чортъ одверне? — Хыба бь голову одкруктывъ! Може, якъ прыхавъ, то може чортъ знае, докы пылялы. Не можна ни лягты, ничего.

Э, здоровый народъ бувъ! Уже якъ зруйновали Сичъ, то одынъ такый бувъ здоровый, що духомъ убье чоловика. Якъ пишовъ прычащацьця, да духу не втаивъ, то трохы Священыкъ не впавъ навзпакъ.—„Хто ты, — каже, — старче, такый? Признайся.“—„А що жъ, — каже, — батюшка, я отой и той.“—„Зыйды, — каже, — зъ сѣго града, бо тилько дознаюцьця, то пропадешъ.“

Ще скоро рознеслась чутка, що Запорожьже зруйнують, то Гетьманци було Запорожьцямъ спивають:

„Вражы сыны Запорожьди не добре зробылы,“

Що край добрый, станъ веселый да занапастылы.“

То Запорожьци було зляцьця! Воны бь то й были ихъ, такъ и тожь народъ военный. Хочъ и по шынкамъ було зостринуюцьця, то не дуже було страшно.

А було якъ очортѣе Запорожьцямъ у Сичи горилку пыть, то й понаизжають у гости на Украину, або на Гетьманщину. Прыизжають було й до мого батька. То имъ же добре, що в да що пыть, а батько зъ нымы такъ було укачаецьця въ довгы, що ну! Якъ позыйздяцьця було, то й говорятъ:—„Наше Запорожьже такъ изведецьця, що чортматыме ничого!“ Такъ самы було й говорятъ. Отъ же и звелось!

Якъ уже въ Сичъ Москаль порывувъ, то воны драла, а Москаль:— „Бижить, да коло Кызыккермена ланцюгъ перекиньте черезъ Днипръ! Якъ будуть утпикать, то зъ пушокъ на ихъ!“ А воны вербу

зрубалы, да й пустылы по Днипру; то верба вдарылась объ ланцюгъ, а пушкы — гу-гу! А Запорозьци тоди:— „Оттеперь, брацьця, гребить!“ Да й утекли одъ Москаля.

(*Розказываетъ Климе Бубликъ, въ Кумейтахъ*)

ОЧАКОВСКАЯ БѢДА *.

Бувавъ тутъ колысь часто у насъ у монастыри Повковникъ Козацкый зъ того боку Днипра, звався Перепельця. То було якъ зачне розказувать про давній войны, такъ умора да й тилько. — Що, каже, теперь за войны? То якъ колысь нашь Заднипрянськый Козакы воёвалы, такъ, такъ! То, каже, народъ храбрый и до войны тяжко способный. Якъ згадаю, каже, соби, що якъ бувъ я сотникомъ, то ходылы мы зъ Свитайшыимъ ажъ на край свита, пидъ Очаковъ, да, казалы намъ, що жинкы якъ перуть, то праныкы на небо кладуть: такъ небо тамъ низенько. То нашому Козацтву и хотилось побачыты такого дыва; и страшно було такъ далеко одъ дому одбиватысь. Але, що маешъ робыты, колы приказъ!

Отто, ще, може тыжнивъ за два до походу, жинкы давай услячыну готовыты у дорогу: гринкы сушыты, сало въ возы укладуваты. Нарыштовалы повныи мѣжи. Посходылыся уси родычы. Плачь, жалъ такый по всѣму селу, що Господы! Де жъ бакъ! На близькый свить до Очакова, де небо вже такъ низенько, що бабы праныкы кладуть, перучы на рицьци! Процалыся зъ нами бильшь, якъ тыждень, провожалы за царыну гурбою, зъ чаркамы, зъ пляшкамы въ рукахъ. Плакалы якъ по мертвыхъ, такъ що я й самъ трохы заплакнувъ, а зъ Козакивъ деякыи и геть — то зарюмалы.

Отъ же то й пишылы мы до того Очакова на край свита. Пришылы, ажъ ни: небо ще не дуже низько а хыба трохы ныжче, якъ у насъ.— „Ну,—кажемо,—слава жъ тоби, Господы! Ще, выдно, не тутъ край свиту!“

Сталы мы стояты пидъ тымъ Очаковомъ, да ажъ обрыдло, такъ довго. Которому Козакови повны саквы жинка тютюну напхала, або ригъ кабакамы набыла, то все тее повикурювалы й повинюхувалы. Ду же довго щось стоялы; прынялы й холоду, й голоду, бо стоялы въ шатрахъ, якъ Цыгане, и не було тамъ ни борщу, ни кашы, а все

* Украинскіе старинныя балагуры, для забавы гостей, сочиняли иногда пресмѣшныя пародіи, не щади въ нихъ даже и самихъ себя. *Очаковская бѣда* принадлежитъ къ такому роду разказовъ.

тылько гринкы зъ саломъ йлы. Отаке-то лыхо! Ажъ ось, не стало вже ставать и сала, а тылько самы гринкы позоставалысь. Що тутъ чыныты! Колы бь ще Козаки зъ голоду не попрпадады, то якъ тогди й до дому вертатысь? Бида! Повисылы нашы носы, зовсимъ змарнылы; тылько що дыханіе въ тѣлѣ, бо сказано, що зъ одныхъ гринокъ за смакъ?

Отъ, я, взявши зъ собою пысаря сотенного, да осаула, да отамана, порадысь зъ нымы, да й пышы до Свитлйшого прохаты, щобъ дозволывъ послаты до дому пидводы за саломъ. Прыходымъ, ажъ Свитлйшый стоить на рундуку и люльку курить. Поклонылысь ёму. А винь: — „Что вы, Хахлы?.....“

Овва, якъ же погано злаявъ! О, цуръ же ёму! — „Ваша Свитлость! Бида прышла Козакамъ!“

— „Какая бѣда?..... цновъ такъ и ляпнувъ по Московскій на всю губу.“

А, якъ же паскудно лаецьця! Але ничого робыты: — „Бида,—кажу,—Ваша Свитлость; Козаки зъ голоду мрутъ!“

— „Какъ съ голоду, проклятые Хахлы?“

— „Мрутъ, Ваша Свитлость: одни гринкы zostалысь увъ обо-зи, а сала вже забулы й яке воно.“

Ще я й не доказавъ, а винь: — „Вонъ, Хахлы!..... Ребята! Возьмите ихъ!“

Тутъ Москва якъ выскочить, да за насъ, а мы пидобравшы полы, навтикача; а вражый Москаль, якъ репяхъ, такъ и вчепыцца, що, геть ёго, проволочешъ може гоней зо двое. Утеклы насылу. Нехай имъ, цуръ симъ Москалямъ! Що то за народъ нависный зъ нымы ни порадытысь по людскій, ни що!

— „Эге, панове, — кажу описыля своимъ,—Оце вамъ наука, щобъ брады сала ще бильшь, якъ хлеба, а то бачъ, яке лыхо!“

Отго вже стоимо мы зъ лыхою годыною; ймо тін гринкы. Якъ ось, стала чутка, що Туркы йдутъ пидъ Очакивъ. Посылае мене Свитлйшый зъ сотнею попереду, а самъ мусить бы то й йты за нами. Понхалы мы, й думаемъ соби: — „Оттеперъ же, мабутъ, прышла на насъ остатня годына!“

Йдемъ, блукаемъ по полю якъ непрыкаяныи. Колы жь де ни вызьмысь у степу курава така, якъ ныбы чья велька панцына почала вѣты жыто на току у сто лопать. Оце жь Туркы йдутъ! Що тутъ, о Господы, чыныты? Стрелять бы то до нихъ, хочъ и далеко, щобъ почувъ Свитлйшый, да й шовъ скорйшь на пидмогу. Такъ що жь? Пока ще прыде, то Туркы насъ пошаткують на капусту. А хочъ и ни, то якъ пидоспыють нашы, то все такы намъ лыха конемъ не обыхаты: треба стояты спереду, то вси й пропадемо ни за собаку. Що тутъ у Бога діаты! Дывлюсь, ажъ мостокъ надъ яркомъ: — „Брацьця,—кажу,—зхочаймось пидъ сей мостокъ. Нехай чорты быюцьця, а мы пересыдымъ тутъ лыху годыну, да й жывы до дому повернемъ!“

Козаки заразь мене й послухалы. Збылысь у купку коло мене тамъ, якъ бжолы кругомъ матки. Сыдымо; колы жь земля и звидси, и звидты гуде, такъ якъ нбы дви хмары наступають, одна зъ западу, а друга одъ сходу соньця. Якъ зійшлыся жь Москали зъ Туркамы, якъ стали бытысь, то, Господы твоя воля! и родылысь, и хрыстылысь, такого страху не бачылы. А дали чумо, що Москали перейшлы за мостокъ, да й погналы Туркывъ.

Отъ, мы тогда зпидъ миства. Дывымся, а жь кони такъ играють кругомъ насъ по полю, а Туркы, що трискы на дрывитни, валяющьця купамы, а деякыи порыненыи ходять помижъ нмыи и самы не знають, куды йты, бо й сылы, й смилосты вже чортъ мае, а напужаны такъ, якъ овечкы одъ вовка; якъ розжене стадо, то ще довго дурныи стоять, вылупышы очы, по горахъ, а пастухъ хочъ гукай, хочъ не гукай.

— „Берите ихъ!“ — крикнувъ я своимъ, — вьжитъ вражыхъ Туркывъ, покы духъ имъ не одытхне! ловить коней!“

Отъ, мои Козаки давай ихъ батоваты! И набатовалы сотень зо дви, да коней сотъ зо дви, и грошей повны кышени понабиралы.

— „Теперь жь, — кажу, — хлопци, звернимъ у бикъ зъ дороги, да одпочынемъ трохы де-небудъ у байраци, бо може втомылысь, ганяючыся за киньмы; а надвечиръ вернемось до Свитлїйшого.

Такъ заробылы. А якъ усе вгамовалось, и самъ Свитлїйшый вернувь до лагера, то й мы надвечиръ прычвалалы. Прыходимо до ганку, а жь винъ стоять зъ люлькою такы въ зубахъ. Заразь, якъ побачывъ насъ, такъ и загнувъ намъ по Московскїй: — „А что вы, Хахлы!“

О, цуръ же ёму, якъ не гарно лаецьця! Ова! Чы можны жь такы такъ ганыты чоловіка ни за що, ни про що?

— „Да мы оце, ваша Свитлостъ, прышлы спытатысь, кому оддаты плинныхъ?“

— „Какихъ плѣнныхъ, проклятые Чубы?“

— „Да отъ же бачыте, що мы ходылы увъ обьездъ пзъ своею сотнею, то якъ напалы на насъ Туркы, а мы якъ почалы ихъ стреляты, да рубаты, то й самыхъ розогналы, и двисти плинныкывъ узялы, тилько шкода, що вси поранены!“

— „Двѣсти плѣнниковъ! А людей сколько потеряно?“

— „Ни одного чоловіка, Ваше Свитлостъ: уся сотня, слава Богу, жыва й цїла!“

„Тьфу, проклятые Хахлы! Двѣсти плѣнниковъ и самы цѣлы! Забрать у нихъ плѣнныхъ! Пошлы къ..... глуные Чубы!“

Такъ намъ загнувъ на прощанье, да й одпустывъ, спасыби ёму!

То вже тогда мои Козаки й кажутъ: — „Якый-то тобі, пане сотныку, Бигъ розумъ давъ! Якъ бы тебе не послухалы, то вси бъ, може, марне пропалы; а теперь, слава Богу, и добычы повны руки, и самы zostалысь жывы й здоровы!“

(Розказывали въ Мотренинскомъ монастырѣ.)

РАЗСКАЗЫ О ТАТАРАХЪ.

I.

..... А той Артыпармакъ такой бувъ, що водывъ Орду по всій Украини, то де позволено було ясырь брать, той брали. Була тая Орда въ Капустыной и въ Иркахъ, и въ Калныболотахъ. А тутъ народъ зійшовся зъ ципамы: — „Ходимо, выбьемъ вражу Орду, щобъ и ѣ духу не було!“

А Артыпармакъ сказавъ: — „Не займайте! Бо пушкы на васъ наведу и всихъ выбью, а Орда зостанецца цѣла!“

Да ѣ повернувъ на Крывы Коліна, да тамъ уже не знаю, де винъ и дивъ. Мабуть, де взявъ, туды ѣ выивъ.

А въ насъ тогди бувъ Козакъ Кузубъ. Той и каже: „Поїдемо, брацьци, за Ордою, чы не достанемо по червиньцю!“

Отъ, мій батько, да ще одинокъ чоловікъ, да той Кузубъ, силы на коней, да ѣ поехали. Приехали въ Иркъ, ажъ тилько въ одній хати три Татарюгы сидать посередь хаты голыи и грівцьца коло огню, бо се було въ зимку, и люльки курять. Отъ, наши ихъ побывалы, да не знайшовшы пры нихъ ничого, — бо сказано голота, — ѣ повернули до дому. Колы жъ зустрічають ватагу Козакивъ: те жъ йдуть на чаты.

— „Здоровы, Козаки!“

— „Здоровы“ — кажуть наши.

— „А де вы были?“

— „Да оце, — кажуть, — издылы за Ордою.“

— „А що вы тамъ бачылы?“

— „Ничого: трѣхъ голыхъ Татаръ убилы, да ѣ вернулись зъ пустыми руками.“

— „Давайте жъ сюды, вражы сыны, и своихъ коней!“

Да ѣ побрады въ нихъ коней. А воны, сердечныи, мусылы йты до дому пышкы. То смиху, смиху описья зъ того було! Оттакъ воюй Орду! Довго сміялись, якъ було зберуцьца у кунпаніи.

(Разсказывалъ Дмитро Погорьный въ Звенигородѣ.)

II.

Колысь то ще, якъ Польша пановала, — бо теперь уже Польшы тилько рукавъ, — увесь свитъ свита, а Польшы тилько рукавъ, — Польша хуторъ, — такъ Татары набигалы. Було навяже людей рукамы до жерткы нызку, да ѣ жене. Отъ же есть и лисъ Перегинъ.

Такъ тоди - то разъ Татаринъ такъ нагнавъ того мыру, що й земли важко. Ото ночують вони въ степу. Такъ ти вже до людей говорять: „Чи вже жъ мижъ нами нема такого сылного, щобъ оцю сырыцю порвавъ; або такого, щобъ ружьже замовывъ, або що? Подаваймо мы оцю мову по всѣму обществу свойму, пзъ коньця въ конецъ, щобъ такъ якъ оце.“ ... Подалы тую мову, одынь по одному, одынь по одному. Ажъ одынь и каже: „Я,—каже,—розвяжу и соби, й вамъ руки, тилько не выдайте мене.“ — „Не бійся,—кажуть,—абы тоби Богъ помагавъ.“ Ото винъ ставъ навколншкы, стенувся, сырыця такъ и триснула. „Теперь же, — каже, — одынь одному розвазуйте руки, да забигайте зъ усилъ сторонъ по частямъ, дай кричить:—„Сюды наши, сюды наши! Забирай Турка, бый Турка!“ Колы такъ, каже, якъ нароблять крику: го, го! го, го! го, го! якъ нароблять крыку, — Туркы не стамылись, да въ ростычъ, а наши за нами, — побылы, й порубалы, а самы до дому вернулись.

(Розказывалъ старикъ-нищій въ Києвѣ.)

III.

Ще до Коливщины пишла разъ по Черкасамъ чутка, що Орда йде, и вже не далеко. А се було зимою. То народъ такъ и хряснувъ на той бикъ (Днипра). А тамъ збиглось десяткывъ пять Гетьманськыхъ Козакывъ на *Кручину* редуту, выще села Паньского: „Стійте! Нема указу!“ Не пускають черезъ границу.“ А народъ сперся на лёду, то лидъ ажъ реве. Крыкъ, гвалтъ, диты плачуть! Бида такая скоплась на лёду, що Боже твоя воля! Те саночкамы самотужкы, а въ кого волы, то на волахъ; а хто кони мав, то киньмы. Тутъ и коровы, тутъ и овечкы, тутъ збижьже всяке. Отожъ зупынившы народъ на лёду, одынь Козакъ побигъ до суда въ Золотоношу, чы можно пустыть? А наши люде силы на коней, да побиглы ажъ до Смелянського мосту, чы йде Орда? То прыбигав Гетьманецъ: „Можна!“ Ажъ тутъ и наши вернулись: „Нема Орды!“

А вона такы була, да тилько розграбыла Журавку, да Бовтышку, тамъ десь коло Камнякы, да й вернулась.

(Розказывалъ Харко Дехлестеръ въ Черкасахъ.)

КОЗАКИ 1790 ГОДОВЪ.

Діялось се въ 1790 року. Тогда въ Польщи зробылась завьрюха. Мижъ Полщакымы й добры люде есть, да часомъ дило ныш-

комъ роблять. Отъ и вышовъ указъ зобратъ Малоросыйскыхъ Козакывъ. То насъ и зобрали въ Черниговѣ въ 1790 году, а 1791 и 1792-го у Києви вже лагерямы стоялы. Изъ трѣхъ губерней насъ набрато девять тысячъ. Я и знаю, якъ Потѣмкынъ набравъ насъ. Винъ бувъ первымъ совѣтчыкомъ у Государыни, а Речетныковъ бувъ начальникомъ. Ну, такъ оце насъ бывало що недѣлы смотрыть. А въ насъ одежда була егорська, пидъ зеленъ пидходила. Въ страженіи винъ (Потѣмкынъ) багацько вѣйска потерявъ; то про ёго проложена й писня:

„Ой Потѣмкынъ Генераль
Много вѣйска потерявъ,
Ой якъ же винъ потерявъ?
У картушки проигравъ.“

А Государыня,—сказано жинощына,—вона ёму те й простыла. Винъ сказавъ їй: „Государыни Екат. Алекс.! Нехай други командують ими, а позволте изъ трѣхъ губерній чыстыхъ мыни Малоросыанъ набратъ!“ Отъ вона, нехай царствуе, и дозволыла. Винъ изъ трѣхъ губерній и набравъ девять тысячъ и зъ Хвастовець тысячу. Отъ, мы вышлы въ Києвъ. А тамъ Днипръ монастырь Выдубський пидризавъ, и погребѣ булы открыты. То старшыи й кажуть:—„А що, Козаки! каша остыла, до бурякывъ!“ Отъ мы тогда до бурякывъ, да въ котлы. Тогда жъ я заслабывъ и остався въ обозѣ. Отъ Потѣмкынъ першъ смотривъ у Черниговѣ все вѣйско. Пихота жъ махнула, а помы мы прыбулы, винъ уже пересмотривъ и махнувъ у Петенбурхъ. Ёго потребувалы туды. Ажъ ось треба! Указъ и прышовъ: „Померъ Потемка! Померъ!“ А Левандовъ же теперъ владѣе вѣйськомъ и Речетныковъ, и говорятъ: „Що намъ робить изъ оцимъ корпусомъ? Чы ёго по повкамъ розбыть, такъ велька сила, чы що?“ И послалы указъ до Царыци. А вона й одпысала: „На васъ отдаюсь, на ваше сумлѣніе. Того вже нема, кому я дозволыла зобратъ!“ А вони й розсудылы, нехай царствуютъ: Пустыть ихъ у господа. Пани одслужылы, теперъ пустить ёго на свободу, де хотя прожить; тилько одноворцивъ, а наймытивъ по повкамъ, бо скаже: „Я свое одслужывъ.“ Ото жъ мы й прышлы въ Києвъ 1793 году уже не треба, замырылось се, тилько Нащокынъ, — я ёго знавъ, и на рундуку стоявъ на часахъ. Разъ иде у выступцахъ и сертуку,— а бувъ чоловичокъ собѣ невельчкый, старенькый,— я и зробывъ на караулъ, а винъ говорить: „Не надо голубчыкъ!“ А винъ не пры кавалерии, ни що. Отъ, якъ розпустылы насъ, то винъ и зложывъ муныцію въ гамазыны; а тогда жъ то потребувалы въ Польшу и попивъ, щобъ править по Благочестію для Полякывъ, скільки ихъ прывернулось. Мы жъ ото вышлы ничу на майданъ, щобъ позводно... А протывъ насъ Астраханскый повкъ. Отъ и пышлы командовать. Палы! трисъ! тамъ трисъ, Астраханскый повкъ трисъ! до того до-трискалысь, що за рулю не можна було взяцьця, такъ розогрилась. Мы жъ холостымы зарядами стреляемо, а изъ Астраханского якыйсь бойнымъ только зззъ! зззъ! почала зызгать куля! Якъ холостымъ зарядомъ, то воно тилько трисне; а кулю заразы вже знать. Отъ мы стоимо: да й думаемъ:

— „Тутъ уже до дому бѣ то скоро йти, а тутъ ось яке лихо!“ Тутъ сразу начальныкы постерегли, да „Полно! полно!“ Ото мы й розишлись. А и тогда не безъ заидивъ було. Не дали намъ за третъ года жалованья. Пришовъ же я до дому. Ну, ничего таптъ гриха. Треба засватацьця, одружыцьця. Богъ же зна, колы буде треба, бо однодворци повинны були, якъ указъ прыде, зновъ быть на мисти. А братъ каже: „Я за тебе послужу.“ Така согласна вже. А тутъ донесли Государыни, нехай царстvue, що стрилкамъ не оддано жалованья. Отъ вона й прыписала: „Оддать жалованье!“ Уже жъ намъ се жалованье даромъ не обйденця. Пишлы въ Борзну и взяли жалованье! Ажъ тутъ Левандовъ крычить: — „Подай стрѣлковъ! Подай Малороссійскыхъ стрѣлковъ!“ То тутъ кыдай й печене й варене. Левандовъ: — „Подай стрѣлковъ.“ Бѣ Польщи зновъ закуѣдылось.“ Отъ же мойму брату птыбъ служыть, — такъ не можна: Левандовъ прыписавъ: — „Безъ мои вѣдомы щобъ не переминяльсь, чы слепый, чы кривый, щобъ были налычно!“ Баба моя, тоди ще молода, кланяецця: — „Братыку соколыку! Иды ты, перемини!“ А я ёму й тогда ще казавъ: „А що жъ, якъ не пйдешь? Хазяйку засмутишь и выгонишь: вона на тебе буде плакацьця!“ Отъ й списали бумагу, да въ Борзну. А въ Борзни Михайло Васплѣвичъ Часныкъ комысаромъ бувъ. Пришлы до ёго зъ бумагою. А винъ бувъ невеличкый, да грубенькый: „Голубчыкы, — каже, — не наша сыла. Сохранъ Боже переминяцьця! Генералы кажуть неможна.“ Мы й пошлы, ничего робыть, пошлы въ Черниговъ. Намъ и переклычка есть, а браты за нами идуть, якъ бурлакы. Губернаторъ каже: „Не могу я изробыть ничего!“ Отъ мы зъ Чернигова повернули въ Кывъ. Браты кажуть: — „Э, брацьця, вы насъ до убитку доведете. Мы до дому пйдемъ?“ — „Идить, — кажемъ. Що, — жъ робыть? Мы васъ не сылужемъ.“ А въ мого брата новы чоботы. — „На, — каже — брате, тоби си чоботы, а мыни дай старенькы!“ — „Ни, — кажу“ — брате: ты дома не раздобудешъ, а я тутъ безъ чобитъ ходитъ не буду.“ — Няшы жъ пошлы, а другы остальсь зъ нами. А мій братъ каже такы: „Учы мене свого артыкулу, щобъ мене письли не былы!“ Ажъ ото почулы, що можно зминыцьця. Пывають мого брата. — „Радъ Богу и Государыни служыть?“ — „Радъ, Ваше тьсокопревосходительство!“ И записалы ёго. Отъ мы вже то бѣ й розходыцьця, ажъ тутъ отгонають: — „Постойте жъ, ще не йдите, бо такъ не дйдете!“ И дали намъ бумагу. Якъ дали ту бумагу, тогда у насъ зъ братомъ сердце домлило, й радъ и смутно на души: самъ у гору пишовъ, а ёго неначе прытоптавъ: сердце оттакъ й оттакъ! Пытаю: „Що, братко? Якый я?“ — „Билый.“ — „А я, братко!“ — „И ты билый!“ Ну, що жъ робыть, пишлы до Днипра, взяли горилкы, поццловались, попрощались. „Идить соби зъ Богомъ!“ — А тутъ (дома) люде сказалы, що обоихъ визьмутъ. То маты ледви ходыть, а жинка тилько що жыва. Сказано, бабамъ повирылы!

(Розказывалъ Сементъ Юрченко въ Мартыновль.)

ВОЙНА СЪ ПОЛЬШЕЮ (1793 — 1795).

Костючка бувъ Кролемъ у Польщи, и старый бувъ, кажутъ, да каверзныкъ бувъ великый. А якый каверзныкъ? Посадить у клитку, а винъ и втече. То давъ прыказъ: „Сю ничъ поризать, або поколотъ постоялицвъ; а хто не згубить, тому самому голову зрубать!“ А въ одного бувъ кумъ изъ нашихъ. Прышовъ до дому: звисно вже, замырылось, то бувъ на гулянци, або що, — ажъ хазяинъ смутный, все здыхае — „Чого се ты, куме, смутный такый?“ — „А що жъ, каже, — намъ всиъмъ прыказано оттакъ и такъ зробить; то повечеряй, збирай муныцію, да й втикаймо обыдва!“ То положывъ ложку, уже наивсь, да за муныцію, да до свого товариша: отака и така рича. — „Що ты кажешъ? Ходимъ до Поручыка!“ Отъ заразы барабанъ зборъ. Хто вечерявъ, ложку кыдавъ, за муныцію; хто спать лигъ, встававъ: хто куды гулять пишовъ, и той прыбигъ. Отъ, прымирно, Бильмачивка недалеко, то й почула барабанный галасъ, Ивангородъ, або Хвастовци недалеко, — и тамъ чують, що тревога, збирающыця й соби въ походъ; а Борзна такъ 30 верстовъ, такъ тамъ не чути було барабана, то й выризано всиъхъ нашихъ. Отъ тутъ уже давай збирать Козакивъ. Прыходымъ у Кыевъ, ажъ тамъ уже повны шпаковни. Де Андрей Правозванный, то й тамъ ихъ повно у лѣхахъ. Ото, що имъ робыть? Стали вони рещантамы. Було поженуть чоловика 15 на Днипръ пали бытъ. Пийде жъ 15 чоловика, а чоловика симъ прыйде. Тягнуть зализну бабу, щобъ убывать пали, а дали й самы бовтъ у воду своєю волею, бо вмирать, вмирать. Генераламъ кажутъ, що оттакъ и такъ: „Полякы топлящца.“ А вони: „Катъ ихъ беры, нехай топлящца!“ Ихъ брады на допросъ. „А що жъ, — кажутъ, — мы не по своей воли: Король веливъ, шляхта!“

(Рассказывалъ Семель Юрченко, съ Мартыновкы.)

КАМЫШНИКИ.

Камышныкы тыи жылы по камышахъ и очеретахъ. Було иде чумакъ, то выскочать, обдеруть, да й булы такыи. Ото разъ йдутъ чумаки, ажъ ихъ два выскакуе. Одынъ ратыще на дорози встромивъ и крычытъ: „Одъ возивъ, чорта!“ Усп парубкы такъ и порозбигались, а отаманъ и зоставсь. — „Ты отаманъ?“ — „Я,“ — каже. — „Давай грошы!“ — „Що жъ“ — каже, — люде добры! Мы йдемо пидъ хуру, то де въ насъ тыи грошы?“ „Брешешъ, вражий сыну!“ И ставъ шукать, шукать у возахъ. Одну шкуру подививъ — нема; винъ до другои. А отаманъ чумацькый, Товстуха, соби ума прыбирае, що ёму робыть. Вынявъ двійло, а Гайдамака до ёго. Дакъ и то худо-пахолокъ! Якъ ударытъ! — „Эй, — каже, — сюды!“ Отъ хлопци позбигались, потрощили

имъ ноги на гамузъ, да и покнулы. — „Ой брацьци, доколитъ насъ!“
— „Нп, якъ заробылы, такъ и одвичайте!“

У чумакивъ колеса товстыи; то въ колесахъ було продовбуе диркы, да туды грошы положить, да й позабывае гвиздкамы; то ёго хочъ якъ нехай розбывае, а грошы е.

(*Отъ же.*)

ГЛАДКІЙ.

Тоди, якъ була та война *, зновъ, не знать чого, народъ изтрусувся. Було кажуть: „Се, видно, десь такый лыцарь уродывся, що вся земля затрусилась!“ Ажъ отоди саме, якъ була ота заверюха, той Гладкий-то народывсь.

(*Розказывалъ Климъ Бѣликъ въ Кумейкахъ.*)

УРОЧИЩА ВЪ СМЪЛОЙ.

Не знаю, чы згадаю вси врочыща, бо е въ насъ ихъ до ката. Оце заразы *Юрова гора*. Було у якогось пана троё дитей: то сынъ, Юрасъ, збудовавъ соби домокъ на Юровій гори, — ще й доси слидъ знать, — а одна дочка, Домна, греблю Смилянську сыпала, а друга, Мотря, Мотренинъ монастырь збудовала. А зновъ есть, верстовъ, може, пятнадцать одъ Смилои, *Герусивъ яръ*. Тамъ, кажуть, Туркы колысь сыдлы, и колодязъ тамъ есть, увесь выкладенъ камнемъ, а глыбокий, такый, що росказывавъ Смилянскый такы нашъ чоловикъ, що, каже, — разъ якъ одвалывъ камень, да якъ кынувъ туды, то летивъ, летивъ, да тилько — дзенниъ! А ще есть *Барабашыха яръ* (верстахъ въ десяти отъ Смѣлой). Тамъ колысь Козакъ Барабашъ сыдивъ. *Плоске* на лощини, а за Плоскымъ есть озеро давне, предвшине. Есть ище *Холодный яръ*, давный дуже. А коло Юрового есть, на гори такы, могыла; зовецьця *Роскопана*. Отъ ии и видно звидси. Да и зъ Черкасъ, скоро выйдешъ за царыну, заразы и видно. Да ще верстовъ чотыри отъ Смилои есть *Чорна могыла*. Отъ и вси вамъ урочыща, вельможный пане!

(*Розказывалъ Кондратъ Гарапуха.*)

---

* Съ Польшю, 1795 — 1795.

УРОЧИЩА ВЪ ЗВЕНИГОРОДКѢ.

Черезъ Звенигородку тече невеличка, ричка *Погыбна*. Да и все удолюде, весь байракъ зовецьця *Погыбна*. Колысь тамъ были великыи лозы. Отъ Татарва якъ набигла, то килько чоловикъ зховалось, да й сыдять у тыхъ лозахъ. Колы жъ дывляцьця, ажъ Татарюга, піймавъ чоловика, да й веде черезъ мистокъ. То вони й кажуть:—„Отъ погыбне чоловикъ ни за собаку!“

А одынь каже: „Побижу я ёго обороню: у мене ципъ є.“

Да зъ ципомъ до того Татарына выскочывъ, да и вбывъ Татарына, и чоловика однявъ.

То вже тогди ти люде й кажуть:—„Отъ же, якъ мавъ чоловикъ погыбнуты, то нехай лучше ричка зовецьця *Погыбною*, щобъ тутъ уже николи люде не погыбалы!“

А оцюды, черезъ гору, есть озеро *Топыло*. Тамъ хлопецъ, чы що, втопивсь, да й прозвалы *Топыломъ*. А воно такъ, що якъ лито жарке, то все й высохне. А за тымъ озеромъ *Брыжчина долина*. Чоловикъ бувъ *Брыжка*. А за тиею долиною, черезъ стрелыцю, урочище *Козацькій Куринь*. Якъ було ще тутъ колысь староство, то було старостянськыи Козаки стережуть дубыны. А ще есть тутъ у *Гудзієвци* могыла *Звенигородъ*. Богъ ии знае, чога вона такъ зовецьця; тилько кажуть, що *Звенигородъ* бувъ колысь *Козацькій городъ*; одъ жадного двора *Козакъ* выходывъ. И на самій отгій могылы судъ стоявъ, бо городъ далеко розходывся. А въ *Гудзієвци* живе колысь чоловикъ *Гудзь*, то одъ ёго вже и вся слобода *Гудзієвкою* прозвалась. Изпидъ могылы *Звенигорода* тече ричка *Звенигородка* и впадае въ *Тыкычъ*, а въ *Звенигородку* впадае *Погыбна*, трошкы выще оптекы. Ще *Шугайлова могыла* есть. А назвалась вона *Шугайловою* ще тогди, якъ *Украиною* *Князи* (*Полякы*) правылы. То було оце якъ стануть *гряныцьця*, то село на село йде. Той каже: „Сюды *гряныця*!“ а той каже: „Сюды!“ Такъ одынь *Козакъ*, *Шугайло*, выскочывъ конемъ на могылу, а ёго зъ того боку кулею якъ далы, такъ винъ зъ коня. Тамъ ёго й закопалы, и могыла зъ того часу якъ *Шугайлова*, то й *Шугайлова*. Да ще одно урочище зовецьця *Попивъ Ригъ*, верстовъ дви одъ города. А у самому городи, оце саме, де городнычый живе, зовецьця *Натягайлывка*. Що було якъ бьецьця *навулачкы*, *парахвія* на *парахвію*, то якъ доженуть до того миста, то вже добре за чубы *натягають*; отъ и *Натягайлывка*. А де теперъ живе *Головачевськый*, то звався *Грецькый кутокъ*. Було якъ збираюцьця на *грець*, чы то бачъ *навулачкы*, то *зійдуцьця* на той *кутокъ* самыи старыи, да й розкладають раду, якъ зайты, чы зъ того, чы зъ того боку, кому попереду, а кому позаду, а кому по бокамъ иты, и тамъ соби тайно змовляцьця да потимъ уже й пускають *дитвору*, ажъ покы и до старыхъ дйде. Було оце такый старый чоловикъ буде, якъ я, то бороду въ зубы, да й *пшовъ гулять* зъ кулакамы, да часомъ старый бьецьця ще лучше молодого. Теперъ якъ гулять, то йдуть або на *музыкы*, або у *шынкъ*, а тогди то все *навулачны*. Оце *зостринуцьця* де-небудъ *хлопци*:

— „Здоровъ, брате!“

— „Здоровъ!“

— „А давай навкулачки!“

— „Давай!“

Той того въ груди, а той того.

А по сей бикъ Погыбнои — *Кучукуривка*. Колысь сее мисто було зовсимъ пуге. То якыйся чоловикъ прыйшовъ, чы зъ Бердычова, чы що, на слободу, да й сивъ соби коло Погыбнои. Ото прызывають ёго паны:— „Якъ тебе зовуть?“

— „Олійныкъ.“

— „Э, треба тоби друге прызвище дати, щобъ тебе твои паны звидты не взяли.“

— „Да я,— каже,— панове, на такихъ кучугурахъ сивъ, що ни хто ни зайде, ни зайде.“

— „Ну, будь же ты Кучугуромъ!“

Якъ Кучугуръ, то й Кучугуръ, да описья и весь той кутокъ назався Кучугуривкою.

А по той бикъ рички Звенигородки зовецьця мисто *Цяпивка*. То жъ була колысь пустыня, а одынь чоловикъ изъ жинкою прышовъ, на слободу жъ такы, да й сивъ соби одынь одынь за ричкою. Такъ було жинка ёго выйде вранци, да на курей: „*Курь, курь, цяпъ, цяпъ!*“ А люде зъ сёго боку сміюцьця було, да й прозвали того чоловика Цяпомъ, а одъ Цяпа и весь кутокъ ставъ Цяпивка. Бо ни що въ свити не буде безъ прызвища, хочъ чоловикъ, хочъ скотына, усе мае свое прызвище. А ще якъ їхаты на Каныболота, то одъ города верстовъ пять, стоить камень *Пысанка*, що сыны цоставылы колысь надъ батькомъ. Пысанка той бувъ родомъ изъ Стебногo (двѣ версты отъ Звенигородкы), старый, дидызный чоловикъ, и такый, кажутъ, бувъ Козакъ, що нехай до ёго стреляе, то руку наставыть, да й кули вертае назадъ. Якъ ще булы Козаки у старосцыны Салтыковой, то вже було безъ ёго не пйдуть грянычыцьця, бо не ихъ буде сыла. А якъ же Пысанка е, то вже йдуть смилу. Такъ одъ надъ тымъ-то Пысанкою й стоить той камень Пысанка. Есть и *Пысанчыны Байрипы*.

(Розказываеь Дмитро Погорьпый.)

ПРЕЖНІЯ ВРЕМЕНА ВЪ УКРАИНѢ.

Тогда було дасы два рубли *ченины* посесорови, да одбудешъ дванадцать день *шарваркѣ*, греблю бъ то гатыть, а тамъ уже що загадають, да *возове* одбудешъ, шить визъ привезешъ колодь, да заплатышь *коменного* пивкопы грошей, да *осыну* корецъ жыта, да пивкорця овса и ячменю, да й сыдышь соби дома. А панщыны ни якои

не было. Тилько толокою було зоремъ ланъ посесорови, да выжавшы зкладемъ и звозымъ, да й годи. Оце було прыде до хаты: „Прохавъ панъ на толоку орать, або тамъ жать чы косить.“ То зъ хаты два, або тры бижить, и въ одиный день зроблять толокою, що треба, да й напыюцьця й найдяцьця въ посесора, ще й музыкы грають. Добре було жыть! Теперь-то вже стало погано! Ой, погано, погано!

— „А якыи тогда, дидусю, булы урожаи?“*

— „Э, урожаи булы куды про ты теперишныхъ! Знаете, степы булы волныи, бо ще Смилянкы, Рохмыстривкы и Ковалыхы тогда не було, то поля було доволи. Рокивъ десять, або пятнадцать перелогомъ лежыть, да якъ зорешъ на новыни, да посіешъ кавунивъ, то вродять такыи, що зъ земли не знимешъ. А на другой годъ посіешъ пшеницы, а потимъ жыта; то було якъ заложышъ чотыри пары воливъ, да день попоорешъ, то вродыть тоби на одимъ дни кипъ сорокъ, да таке густе, що було кипъ чотыри за день нажнешъ, а теперь попоганайся покы нажнешъ и дви копы. Да було оце попоорешъ рокивъ тры, да й пускавшъ зновъ на перелигъ, а орешъ новыну. А теперь, якъ воно буде родыть, колы що року все на одимъ мисти оруть? Изъ копы було наберешъ четверть, якъ добрый колосъ.

— „А якыи жъ тогда, дидусю, цины булы?“**

— „А цины ось якъ булы: Мишокъ гречкы такый, що четверыкивъ два, — тры копійкы; проса, овса, ячменю — тры копійкы; жыта корецъ у Смилий — двадцать копіекъ, а въ Билазерье повезы, то тры грынни; пшеницы корецъ — сорокъ копіекъ; виазъ кавунивъ — грыннѣ.

(*Разсказывалъ Кондратъ Тарануха, 1843, авг 12.*)

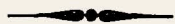
* Спрашиваю я.

** Спрашиваю я.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Преданія Ваншастическія.

КЫРЫЛО КОЖЕМЯКА.

Колысь бувъ у Києви якыйся князь (лыцарь), и бувъ коло Києва змій, и кожного году посылалы ёму дань: давалы або молодого парубка, або дивчину. Ото пришла черга вже и до дочки самого князя. Ничого робить: колы давалы горожане, треба й ёму давать. Пославъ князь свою дочку въ дань змїєви. А дочка та була така хороша, що й сказаты не можно; то змій ии й полюбовь. Отъ до ёго прылестылась, да й пытаецьця разъ у ёго: — „Чы есть, — каже, — такой на свити чоловікъ, щобъ тебе подужавъ?“

„Есть, — каже, — такой у Києви, живе надъ Днипромъ. Якъ затопить хату, то дымъ ажъ пидъ небесамы стелецьця; а якъ выйде на Днипръ мочить кожи (бо винъ кожемяка), то не одну песе, а дванадцать разомъ, и якъ набрякнуть вони водою въ Днипри, то я визьму, да й учеплюсь за ихъ, чы вытягне-то винъ ихъ? А ёму й байдуже: якъ поцупить, то й мене зъ ными трохи на берегъ не вытягне. Оттого тилько мыни й страшно.

Княжна й взяла соби тев на думку, и думает: якъ бы ий висточку до дому податы и на волю до отця достатысь? А при ий не було ни души, тилько одынъ голубокъ. Вона згодовада ёго за счастливою годины, ще якъ у Києви була. Думала, думала, а дали хрещъ и напысала до панотця: „Оттакъ и такъ, каже. У васъ, — каже, — паноче, есть у Києви чоловікъ, на имения Кырыло, на призывще Кожемяка. Благайте вы ёго черезъ старыхъ людей, чы не захоче винъ изъ змїемъ побыцьця, чы не вызволить мене бидну зъ неволн! Благайте ёго, паноченьку, й словами, й подарунками (щобъ не обидивсь винъ за незвычайне яке слово)! Я за ёго й за васъ буду до вѣку Богу молыцьця.“

Напысала такъ, привязала пидъ крыльцемъ голубови, да й выпустыла въ вѣкно. Голубокъ звывся пидъ небо, да й прылетивъ до дому, на подвирье до князя. А диты саме бѣгали по надвирью, да й побачылы голубка: — „Татусю, татусю, — кажуть, — чы бачь голубокъ одъ сестрыци прылетивъ!“

Князь перше зрадивъ, а дали подумавъ, подумавъ, да й засумовавъ: — „Се жь уже проклятый иродь згубывъ, выдно, мою дытину!“

А дали приманывъ до себе голубка, глядь, ажъ пидъ крыльцемъ карточка. Винъ за карточку. Читае, ажъ дочка пише: такъ и такъ. Ото заразъ призвавъ до себе всю старшыну: — „Чы е такой чоловікъ, що прозываецьця Кырыломъ Кожемякою?“

— „Есть, князю. Жыве надъ Днипромъ.“

— „Якъ же бѣ до ёго прыступить, щобъ не обыдывся, да послухавъ?“

Отто сякъ, такъ порадылись, да й послады до ёго самыхъ старыхъ людей. Прыходять воны до ёго хаты, одчынылы помалу двери зо страхомъ, да й злякались. Дивляцьця, ажъ сыдыть самъ Кожемяка доли, до ихъ спыною, и мне руками дванадцять кожъ, тилько выдно, якъ колывае оттакою билою бородою (Разскащикъ показаль по поясъ). Отъ одынъ зъ тыхъ посланцивъ — кахы!

Кожемяка жажнувся, а дванадцять кожъ тилько трисъ, трисъ! Обернувся до ихъ, а воны ёму въ поясъ:— „Оттакъ и такъ, прыславъ до тебе князь зъ прозьбою.“

А винъ и не дывыцьця, и не слухав: розсердывся, що черезъ ихъ дванадцять кожъ порвавъ.

Воны зновъ давай ёго просыть, давай ёго благать (стали на колина)—шкода! Просыды, просыды, да й пишылы, понурывшы голову.

Що тутъ робытимешъ? Сумуе князь, сумуе и вся старшына.— „Чи не послать намъ ище молодшыхъ?“

Послалы молодшыхъ, —ничого не вдиють и тыи. Мовчыть да сопе, наче не ёму й кажутъ. Такъ розобрало ёго за тыи кожы.

Дали схаменувся князь и пославъ до ёго малыхъ дитей. Ти и якъ прышлы, якъ почалы просыть, якъ стали навколишкы, да якъ заплакалы, то й самъ Кожемяка не вытерпивъ, заплакавъ, да й каже:— „Ну, се жъ уже для васъ я роблю!“

Пишовъ до князя:— „Давайте жъ,—каже,—мыни дванадцять бочокъ смолы и дванадцять визъ конопель!“

Обмотався коноплямы, обсмолився смолою добре, взявъ булаву таку, що може въ ий пудовъ десять, да й пишовъ до змій.

А змій ёму й каже: — „А що, Кырыло, прышовъ быцьця, чы мырыцься?“

— „Де вже мырыцьця? Быцьця зъ тобою, зъ продомъ проклятымъ.“

Отъ и почалы воны быцьця, ажъ земля гуде. Що розбихыцьця змій, да вхопить зубамы Кырыла, то такъ кусокъ смолы й вырве; що розбихыцьця да вхопить, то такъ жмутокъ конопель й вырве. А винъ ёго здоровенною булавою якъ улупить, то такъ й вжене въ землю. А змій якъ огонь горыть, такъ ёму жарко; и покы збигае до Днипра, щобъ напыцьця, да вскочить въ воду, щобъ прохолодыцьця трохы, то Кожемяка вже й обмотався коноплямы и смолою обсмолився. Отто выскакуе зъ воды проклятый иродъ, и що розженецця протывъ Кожемякы, то винъ ёго булавою тилько лупъ! що розженецця, то винъ знай ёго булавою тилько лупъ да лупъ, ажъ луна йде! Былысь былысь, ажъ курыть, ажъ искры скачуть. Стукъ такой справылы, мовъ у ковала въ кузьни на весни, якъ усякому треба лемешы для оранкы; то й самъ коваль бѣе, й хлопцы бьютъ, а михъ тилько сычыть, сопучы безъ перестанку, а искры и зъ горла, и одъ зализа скачуть да шкварчатъ, кузьня ажъ ходоромъ ходыть; чутко ковальськыу роботу далеко по селу: оттаку жъ стукотню пиднявъ Кырыло зъ

зміемъ , такъ мицно и часто гасывъ ёго залізною булавою по голови, и якъ изъ горна свыще огонь сынёю трубою , такъ у того змія свыстало полomme изъ рота, изъ очей и изъ ушей; розогривъ ёго Кырыло ще лучче , якъ коваль лемипъ у горни: ажъ пырхае, ажъ захлыпаецца проклятый, а пидъ нымъ земля тилько стогне. А тутъ у дзвонь звонять, молебни правлять, а по горахъ народъ стоить якъ нежывый, зципывши руки; жде, щото буде! Колы жъ зміюка бубухъ, ажъ земля затряслась!

Народъ, стоячы на горахъ , такъ й сплеснувъ руками : „Слава тоби, Господы!“

Отъ Кырыло , вбывшы змія , вызволивъ княживну и отдавъ князю. Князь уже не знавъ , якъ ёму й дяковать , чымъ ёго й наградать. Да вже зъ того-то часу и почало звацца те урочыще , де винъ жывъ, *Кожемакамы*.

— „А де жъ змія вбытого дили? *

— „Эге! И Кырыло зробивъ трохи не розумно: взявъ ёго, зналивъ, да й пустывъ по витру попель; то зъ того попелу завелась вся тая погань: мошкы, комари, мухы. А якъ бы винъ узавъ, да закопавъ той попель у землю, то ничего бъ сёго не було на свити.

(Доставилъ В. М. Бьлoзерскій; а онъ записалъ возлѣ Борзны, Чернигов. губ.)

СВИРИДОВА МОГИЛА.

Бувъ, кажуть, колысь чоловикъ Свырыдъ. То якъ дождався Велькодня , то й думае соби : кажуть люде Велькденъ. А побачу я , чы справди Велькый день? Чы багацко я выору? И отъ, на самый первый день Свитлого Празныка запрягъ до плуга воливъ, да зъ наймытамы й пишовъ орать. Люде жъ въ церкви Богу моляцца, а винъ оре. Уже й выходятъ зъ сваченымы паскамы до дому, на дзвоньци въ дзвонь дзвонять , а винъ ще оре. Тилькы що почалы, може , скыбу десяту одкыдать, ажъ пидъ землею щось загуло страшно, страшно, такъ якъ часомъ далекий гримъ загулокотыть, и Свырыдъ разомъ зъ воламы такъ и провалывся скрызъ землю. — А на тимъ мисти стала могила. Вона й доси зовецца *Свыридова могила* **. То, кажуть, якъ инкомы прыйдешъ на ту могилу, да прыложышъ ухо до земли, то все неначе хто воливъ далеко поганяе, такъ и чутно: „Гей, гей!“

(Онъ же.)

* Вопросъ слушателя.

** Въ селѣ Красновкѣ, въ 15 верстахъ отъ Борзны, Черниговск. губ.

СОКОЛЬ І ПЧЕЛА.

Сокиль побратавсь із бжолою, говорить: „Ходимъ угору: ты далеко чуешъ, а я далеко бачу: я за симъ мыль бачу, а ты за симъ мыль чуешъ“. Узялы, изняли чоловічу волосинку и понесли въ гору. И сказавъ сокиль: „Леты за мною, бжоло!“ Иде сокиль у гору, и бжоло йде. „Ну, — говорить дывись, бжоло, унизъ, чы велька земля?“ — Каже: „Вже такъ, якъ дижа, що бабы хлибъ мисять“. Потому, изновъ идуть, идуть. Изнову каже: „А глянь, — каже, — бжоло, чы велька земля?“ — „Уже, — каже, — такъ, якъ жинка вибере ізъ дижи тисто, да маленький засадчычокъ посадыть!“ — „Ну, пускайся жъ у низъ, бжоло, и пускай ту волосину у передь. — „А чуешъ?“ — каже. — „Чую, ажъ реве!“ — „Ну, я, — каже, — не чую.“ — „Ну, леты жъ, — каже, — да до земли прыпады, якъ та волосина ударыцьця.“ — „А що, бжоло, чы чула?“ — „Чую, ажъ гупнула, а угору пиднялась на дванадцять сажнивъ“ — „Зоставайся жъ ты, бжоло, у симъ край, доставай за симъ мыль соби пропытаніе, а я пиду у такы край, де тебе не буде; то я за симъ мыль буду птыцю выбивать и диты годовать. Бжоло просыла у Бога, щобъ братъ ізъ цвиту пропытаніе. Такъ Богъ давъ їй уси цвиту до моря, до востока: „Ходы по свиту ізъ усихъ рикъ, ізъ усихъ берегивъ избирай Богу хвиру, и людямъ дбай, и соби дбай!“

(Розказывалъ Давидъ Олійникъ, въ Александровкѣ, Чигиринск. уѣзда.)

ПРЕВРАЩЕНІЯ.

Одна дивка полюбылась ужеви и сама злюбыла ёго. Винъ и повизъ їм до себе въ госпуду. А въ ёго будынокъ бувъ самый чыстый скляный, увесь ізъ крышталю. Такъ мыни, бацьця, казано: застаростыю мало вже що памятаю, мовъ сплю, або пъяна, або, здаецьця, передъ вами стою, да ї брешу зъ головы, чого зъ роду ї не чула. Лыбонъ будынокъ той стоявъ пидъ землею, въ якійсь могилы, чы що. Ну, звисно, стара маты зпершу убывалась за нею. Якъ то вже не вбывацьця? А та чы зляглась, чы не зляглась зъ ужакою, вже ї завагомила, а якъ прышло время, то розсыпалась близятками: хлопецъ и дивчынка; обойко якъ зъ воску выдылись, у матиръ. А вона соби була така хороша, якъ квитка! Отъ, якъ давъ Богъ дитокъ, то ї каже вона: „Отъ же, уже, колы воны въ людей породылись, хай ихъ у людей и перехрыстымо.“ Сидя въ золоту карету, поклада дитокъ на колпикы, да ї поїхала въ село до пона. Не докотылась карета до царыны, а вже матери ї сказано. Стара зарепетовала на все село, ухопыла косу, да до царыны. Бачыть дочка выдующу смерть, якъ заголосыть до дитокъ, а дали: „Полынайте жъ, диткы, пташкѣмы, по свиту: ты, сынку,

соловейкомъ, а ты, донько, зозулюю.“ Выпурхнувъ соловейко въ правѣ, а зозуля въ ливѣ выконце зъ кареты; а карета, й кони, п все не знать де подылось.

Не стало й паніи, тилько надъ Шляхомъ уродылась глуха кропыва.

(Доставилъ А. В. Марковичъ, а ему рассказывала Явдоха Думыха, въ Кулаженцалѣ, Полтав. губ.)

ЦАРЕВИЧЪ И БАБА.

У гаяхъ стояла хатка. Тамъ живъ чоловікъ й жинка, да въ ихъ дитей не було. Отъ вони йдуть на богомилльѣ просыть Бога, щобъ давъ имъ Богъ дытя, ажъ ихъ Цыганка й зустріла, да й каже:—„Не йдять куды вы йдете, а йдитьна ярмарку, да купить рыбку, да зъйижъ, молодыце, то й буде въ тебе дытя!“

Отъ вони й пошлы на ярмарокъ, да купылы рыбку, да зъила; отъ у ихъ и дивчынка е маленька. Ото вона й росте. А Царевычъ у той часъ прыхавъ на охоту, да й посылав свого парубка:—„Пйды, будласкавъ, у ту хату, попросы воды!“

Прышовъ той парубокъ воды просыть, ажъ та дытына плаче, а жемчугъ такъ и сыплецьця зъ очей. Маты забавыла; засміецьця, дакъ усякы квиткы цвितуть. Той парубокъ вышовъ, да й каже:— „Оттамъ, Царевычу, я бачывъ дытыну; якъ плаче, жемчугъ сыплецьця; а якъ сміецьця, дакъ усякы квиткы цвितуть.“

Той Царевычъ пошовъ у хату, да нарочыто й дражныть тую дытыну, щобъ плакала. Плаче, а жемчугъ такъ и сыплецьця. Винъ и просыть матери, щобъ забавыла. Якъ же засміецьця, дакъ и бачыть Царевычъ, що всякы квиткы цвितуть.

Ото та дивчына росте, да й росте, а Царевычъ усе заизжав, якъ на полѣваньне прыиде. Ото вона й выросла. Дакъ Царевычъ каже, що оддай за мене, диду, дочку. А вона вже дакъ вышывае рушныкы ордамы. А Царъ каже:—„Де жъ такы тоби, сыну, да мужычку брать?“

Такъ Царевычъ якъ узавъ той рушныкъ, що вона вышыла, да повизъ до батька, дакъ Царъ ажъ рукамы сплеснувъ, якъ побачывъ. „—Чы ничого жъ?“—„Женысь, — каже,—сыну, женысь!“

„Отъ винъ и оженився. Да везе до дому, а зъ нымъ була баба, а въ бабы дочка. Отъ, идучы пыть хочуть. Царевычъ уставъ щось-то тамъ устрельгыть, а вона: — „Пыть хочу, пыть хочу!“

Баба прынесла ій пыть, да познимала зъ ии все, да й повиыколювала ій очи, да й упхнула въ ямку, а дочку у ии одѣжу й прыбрала. Дакъ Царевычъ и повизъ заместо ии, не пизнавъ.

А коло тыби ямки да нехворощы багато росло. Дакъ якыйсь дидъ да нехворощы прышовъ првать. Дывыцьця — дивка сыдытъ у

ямци и передъ нею оттака купа жемчугу, що вона сыдячы наплакала; а очей не ма. Та дивка каже: — „Визьмы мене, дидусю, и оце намыстечко заберы!“

Отъ, дидъ їи взявъ и намыстечко забравъ, да й п҃у ывивъ до дому. У диди дитей не було, а баба є. Вона й каже: — „Заберы, дидусю, оце намыстечко въ торбынку, да понесы у городъ, продай, да якъ зострине тебе баба якась, то ты їй не продавай, а зъ купцемъ не торгуйсь: уже винъ зна, що за єго треба!“

Отъ винъ понисъ и продавъ, и рыбы накупывъ й всего. И такъ винъ двичы носывъ до купця продавать. Уже въ диди й грошы є. А въ третє несе дидъ продавать; а та баба за всякимъ разомъ єго стричає. Отъ у третє якъ понисъ, то й стривъ тую бабу. Баба каже:—„Продай мыни намысто!“ „Купы.“—„А що за єго?“—„Дай же, що въ тебе є!“

Дакъ баба тая й оддала платятя-одежыну, що въ їи зняла. Дидъ знову несе. Баба:

— „Продай мыни намысто!“—„Оддай те, що въ тебе є!“

Вона єму й дала одно око. Изновъ дидъ понисъ намысто. Баба зновъ: „Продай намысто, диду!“—„Купы.“—„Що за єго?“—„Дай те, що въ тебе є!“

Дакъ вона й друге око оддала. Дакъ отъ дивка й въ одежи, й зъ очыма. Дидъ каже: — „Отъ у Царя обидь.“

То дивка й каже:—„Йды, дидусю, на обидь, да визьмы глечычокъ, да й мыни попросышь юшки.“

Да й почепыла свого шыття диду рушныкъ на шыю. Якъ побачывъ Царевычъ у диди на шыи рушныкъ. — „Видкы ты, диду?“—„Да я тамъ, Царевычу, зъ хутора, да въ мене тамъ й дивчынка проживає, дакъ дай, будласкавъ, и їй чого-небудь у сей глечыкъ!“— „А рушныкъ, диду, де ты взявъ?“—„Да сея въ ямци дивку найшовъ, дакъ оце вона й вышиває!“

А Царевычъ уже познавъ по вышиванью. Тогда Царевычъ сказавъ визъ запрягты. Поихавъ, да й познавъ їи: — „Се жъ вона, се жъ вона!“ — А тую выпроводывъ свыней наповать, бабыну дочку. Оце жъ й вся. Жывуть, й хлибъ жують и постоломъ добро возять.

(Разказывали въ Мартыновкѣ.)

ЦАРЕВИЧЪ И ЦЫГАНКА.

Ото бувъ соби Царевычъ. Де вже винъ не сватався, не оженицьця, да й не оженицьця. Ажъ зостривъ Цыганку:—„Я тоби, Царевычу, скажу щось, дакъ ты оженисься. Пойды, оттамъ, надъ ричкою, верба, а на верби гвиздечко, а въ гвиздечку тры ячкы, дакъ ты ихъ и поберы!“

Отъ винь пишовъ , излизъ на вербу , да й набравъ , да й иде , иде , да йде . Иде , да й каже . — „Боже мій мылий , Боже мій любый ! Иду , несу , и самъ не знаю що !“

Да й розбывъ одно яичко . Ажъ изъ яичка высочыла панночка , така хороша , така хороша , що ни здумать , ни згадать , тилько въ казци сказать : — „Пыть хочу ! Пыть хочу !“

Бигавъ винь , бигавъ за водою , нигде не найшовъ ; вона й вмерла . Отъ винь иде , да й каже : „Боже мій мылий , Боже мій любый ! Иду , несу , й самъ не знаю що !“

И розбывъ друге . Якъ вышла , дакъ ще краца тыеи панночка : — „Пыть хочу ! Пыть хочу !“ Винь за водою бигавъ , бигавъ , не найшовъ . Вона й вмерла . Отъ винь иде зновъ : — „Боже мій мылий , Боже мій любый ! Иду , несу , й самъ не знаю що !“

Розбывъ третє , дакъ така вже , що лучча тыхъ двоухъ : — „Пыть хочу ! Пыть хочу !“

Винь у шапку набравъ воды . Напылась вона , й жива . Отъ и йдутъ , ажъ надъ ричкою верба стоить . Вона й каже : — „Якъ же такы такъ мене ты до батька доведешъ ? Ты иды , да зъ поиздомъ вынды !“

Винь пишовъ , а вона злизла на вербу . Ажъ Цыганка йде : — „Подывлюся лышь я въ воду на свою вроду , чы хороша я .“

Вона на верби сыдячы : — „Може я краца ?“

А Цыганка : — „А лизъ же , колы ты краца , лизъ стоды !“

Отъ вона й злизла . Цыганка ии обидрала , да й утопыла въ ричку , а сама въ ии одежу вбралась .

Царевычъ прїихавъ зъ поиздомъ , да й узявъ Цыганку . Отъ и живутъ . Царевычъ каже : — „Нехай бы пошлы намъ рыбы поймалы !“

Прынесли рыбы , дакъ срибна луснынка , а золота луснынка , срибна перынка , золота перынка . Цыганка вже й догадалась , що и то панночка . Отъ и говорыть : — „Не йжмо ; помремо , якъ сю рыбу будемъ йсты !“

Отъ и выкынули тую рыбу . Якъ выросъ садъ , такъ такый садъ , такый садъ ! Срибный лыстокъ , золотый лыстокъ , срибне яблукко , золоте яблукко . Дакъ Цыганка говорыть , що не йжмо сихъ яблукъ : помремо !“

Да й вырубалы той садъ . А въ Царевыча въ двори дидъ живъ , да й зробывъ зъ тыеи яблупи гребиночку . А въ дида не було дитей . Дакъ дидъ якъ пїиде зъ бабою на панщину , — прїйдуть до дому , такъ у ихъ повымитано , хлеба паляныць напечено , попрыбирано , прыпечокъ помазаныи , да не знаютъ , хто поравецьця . Дакъ дидъ и засивъ разъ . Ажъ дывыцьця , зъ тыеи гребиночки да й стала панночка , така хороша , така хороша ! да й поравецьця , прыбирае , вымитаетъ . Якъ же попрыбирала усе въ хати , тоди дидъ за ии . Вона въ плачь : — „Пусты мене , дидусю , пусты !“

— „Да ты въ мене , моя дытыно , будешъ за ридну дытыну !“

Отъ вона й живе: вже не пустывъ ии гребиночкою стать. А Царевычъ и каже: — „Ты казавъ, диду, що въ тебе дитей нема, а то въ тебе яка хороша дочка?“

— „Э! се, царевычу, не моя дочка; а се я зъ твоеи яблунн зробывъ гребиночку, що ты, Царевычу, сказавъ орубать; да то, чы пійду зъ бабою на панщину,—прійдемъ, дакъ не знаємъ, хто въ насъ и попрыбирае и попрымтае, да не знаємо, хто е. Ажъ изъ твоеи гребиночки да стала оця дивочка.“

Якъ же почула Цыганка, дакъ и охолола. А вона се все знала, що буде. Тоди Царевычъ: — „Ахъ, се жъ вона, се жъ вона, та, що на вербу злизла! Се жъ Цыганка ии втопыла!“

Да Цыганку тоди свинею наповать, а ии взявъ. Живуть да хлѣбъ жууть, постоломъ добро возать.

(Тамъ жес.)

МЫШЬ И ВОРОВЕЙ.

Колысь - то, ще за первого вика, за старыхъ людей, мыша да горобецъ да засіялы просо. Якъ пожалы вони просо, то почалы дилыцьця, да й не помырылысь. Ось стали быцьця, а стала й збырацьця усяка птыця й всякы звіры. Якъ стали быцьця, якъ стали быцьця, то птыця й подужала звиривъ. Да хочъ й подужала, а такы и сама побылася: тильки одна така птыця вынялася, що добыла усихъ звиривъ. Уже й та птыця вморылася да й сила на такимъ дереви высокимъ! Колы жъ иде чоловікъ бовкуномъ. Такъ вона того чоловіка й просить: „Дай мыни быка,—каже,—я ёго зымъ. Я у тебе дурно не схочу: я тоби заплачу.“ Отъ винъ и отдавъ. Вона того быка й злила, да теперъ просить того чоловіка: „Донеси мыне, будь ласкавъ, до мого дому!“ Ось винъ якъ узявъ несты, якъ узявъ несты, да й донисъ у такы пуды страшныи. А вона й говорить: „Погудай же тутечка, а я тоби плату вынесу.“ И вынесла ему царствечко въ золотимъ яичку. „Ты жъ, якъ увійдешъ у село, то не розчыняй ёго, а хыба на якому поли розчынешъ, колы исты захочешъ, або що.“ А винъ й розчынивъ посередъ шляху: ажъ тутъ видтиль ярмарокъ, такый, що Боже храны! А винъ уже ходыть помижъ людьмы, да плаче. Излякався, що не збере ни якъ. Ажъ, на ёго счастье, якийсь чоловікъ нагодывся; дакъ винъ й просить ёго: — „Сдилай мылость, чы не можешъ ты зобратъ, да зачынить!“ Такъ у двоохъ зачынылы. Отъ винъ й пишовъ зъ тымъ царствечкомъ да дому: показавъ уже.

— „Де жъ изновъ си звіры понабиралы, колы птыця усихъ стребыла?“ *

* Вопросъ слушателя.

— „Се жъ уже на другой видъ повернуло; то Богъ тогда й людей и всячину намножьвь.“

(Доставилъ В. М. Бѣлозерскій, а рассказывалъ ему Андрей Иценко, возль Борзны.)

ВОЛКЪ ПРОЖОРА.

Прышовъ вовкъ до хутора. А въ тому хутори живе дидь д баба, да дивочка, да сучка - кавилочка, й пятнадцатеро овечато чокъ. Осъ, Прожора Вовкъ прышовъ, да й просыть:

— „Хорошь, хорошь
Дворокъ, дворокъ, соломяный;
А въ тимъ тынку тынокъ, тынокъ;
Жыве дидь да бабуся,
Парень да дивочка,
Сучка - кавилочка,
Да пятнадцатеро овечяточокъ.“ —

Осъ дидь говорить: „Парень, парень! Пиды ёму овечечку дай!“ Парень пишовъ, да ёму й отдавъ. Боляцца вони того Вовка Прожоры. Винъ ту овечку й зывь. Да заразы зновъ просыть:

„Хорошь, хорошь,“ и т. д.

Изновъ ёму давалы, а винъ усе пвъ, покы не зывь и останнѣт. Тогда вже просыть:

Хорошь, хорошь, и т. д.
А въ тимъ тынку
Жыве дидь, да бабуся.
Парень да дивочка,
Сучка-кавилочка.“

Осъ дидь говорить: — „Парень, парень! Пиды отдай сучку — кавилочку!“ Винъ отдавъ, Вовкъ Прожора зывь, да й зновъ винъ:

„Хорошь, хорошь, и т. д.
Парень да дивочка!“

Дидь изновъ каже: — „Парень, парень! Отдай ёму дивочку. Винъ отдавъ; вовкъ изывь, и зновъ просыть:

„Хорошь хорошь,“ и т. д.
Жыве дидь да бабуся.
Парень....“

— Парень, парень! Отдай бабусю,“ — каже дидь. Зывь вовкъ и бабусю. И зновъ такъ просить:

„Хорошь, хорошь.“ и т. д.
Жыве дидь да парень.“

Дидь той взявъ и парня отдавъ. Вовкъ изновъ :

„Хорошъ, хорошъ и т. д.....
Жыве дидь!“

Тогди уже дидь : — „Се жь винъ и мене хоче зысты!“ Да взявъ булаву , якъ трисне вовка въ лобъ , то тилько й було ёго ! А зъ ёго усе и повыскакувало : и бабуся , парень и дивочка , и сучка - навилочка , и пятнадцатеро овечечокъ .

(Онъ же.)

БРАТОУБІЙЦА.

Бувъ соби чоловікъ да жинка , да у ихъ два сыны . Погналы вони кабасыка у садокъ пасты . Ось кабасыкъ той рыецьця , да й рыецьця , и зайшовъ далеченько . Такъ старшый на меньшого й говорить : — „Пиды , заверны!“ — А той : „Не хочу ,“ каже . Старшый братъ узявъ да й убывъ меньшого , въ свынорыще й закопавъ пидъ хаткою . Колы жь такъ , — черезъ годъ , або черезъ два , выросъ асенокъ . Ось йдутъ гончарыкы и купци . Гончарыкы й кажуть : — „Ізрижмо оццей асенокъ , да зробимо дудочку!“ — да й зризалы . Дудочка якъ заграє , — говорить :

„По малу , малу , купчыоньку , грай !
Не вразы мого серденька въ край !
Братъ мене вбывъ , изъ свита згубывъ ,
За того кабасыка , що у саду рывъ !“

Гончарыкы й соби просять ; а дудочка и имъ грає :

„По малу , малу , гончарыку , грай !“ и т. д.

Ажъ батько й маты й дочулыся , да попросылы и соби загра- ты . Дудочка й заграла :

„По малу , малу , татусеньку , грай ,“ и т. д.

Маты й соби просыть сёго дыва . И ий заграла :

„По малу , малу , матусенько , грай ,“ и т. д.

А братъ той стоить уже билый ; излякався , що дизнаюцьця . Дали ёму заграсть . Ажъ дудочка й ёму одказує :

„По малу , малу , братику , грай !
Не вразы мого серденька въ край !
Ты жь мене вбывъ , изъ свита згубывъ ,
За того кабасыка , що у саду рывъ !“

Тогди то дозналысь уси ; да ще й баба просыть . — „А дайте мыши , заграю я ще.“ Вона й заграла :

„По малу, малу, бабусенько, грай,“ и т. д.
Тогда-то вси вже увирылысь. По меньшому жь обидь поставылы,
а старшого привязалы до киньскаго хвоста, й рознесли его на кисточки.
(Онъ же.)

КУРЬ И КУРОЧКА.

Бувъ соби дидь да баба, а у ихъ була курочка да пивныкъ.
Дидь да баба померлы, а пивныкъ да курочка все безъ ихъ повый-
дали, й бобокъ, и все чисто. Посидали на сидали. Пивныкъ: „Ку-
куруку!“ — ухопывъ каминчыкъ да й удавився. Ось курочка плакала,
плакала, а дали побигла до моря воды просыть: — „Море, море! Дай
воды!“

„На що воды?“
— Куру воды;
Лежыть куръ на гори,
Да не дыше,
Тилько хвостыкомъ
Да колыше.“

А море говорыть: „Пиды до вола: нехай ригъ дасть!“ Вона
й пишла; просыть:

— „Воле, воле! дай ригъ!
„На що ригъ?“
Мору ригъ:
Море воды дасть.
„На що воды?“
— Куру воды;
Лежыть куръ на гори,
Да й не дыше,
Тилько хвостыкомъ
Да колыше.“ —

Ось виль й говорыть: — „Пиды жь до кабана: нехай иколь
дасть!“

— „Кабань, кабань! Дай иколь!
„На що иколь?“
— Воду иколь:
Виль ригъ дасть.
— „На що ригъ?“
— Мору ригъ:
Море воды дасть.
„На що воды?“
— Куру воды,
Лежыть куръ,“ и т. д.

— „Пиды жь до дуба: нехай жолудь дасть!“ Ось вона пошла:

— „Дубе, дубе! дай жолудь!“

— „На що жолудь?“

— Кабану жолудь,

Кабань иколь дасть.

„На що иколь?“

Виль ригь дасть.

„На що ригь?“

— Море воды дасть.

„На що воды?“

— Куру воды,“ и т. д.

— „Пиды жь до дивкы: нехай нытокъ дасть!“ Ось курочка пошла, да й говорить:

— „Дивко, дивко, дай нытокъ!“

„На що нытокъ?“

— Дубу нытокъ?

Дубъ жолудь дасть.

„На що жолудь?“

— Кабань иколь дасть.

„На що иколь?“

— Волю иколь,

Виль ригь дасть.

„На що ригь?“

— Морю ригь,

Море воды дасть.

„На що воды?“ и т. д.

„Пиды жь,—говорить,—до бабы: нехай масла дасть!“ Пошла вона, да:

— „Бабо, бабо! дай масла!“

„На що масла?“

— Дивци масла,

Дивка нытокъ дасть.

„На що нытокъ?“

— Дубу нытокъ,

Дубъ жолудь дасть.

„На що жолудь?“

Кабану жолудь,

Кабань иколь дасть,“ и т. д. *

„Пиды жь до лыпы: — нехай лыпы (лыпового цвѣту) дасть!“ Вона й пошла:

---

* Вопросы продолжаются.

— „Лыпо, лыпо! дай лыпы!

„На що лыпы?“

Баби лыпы:

Баба масла дастъ.

„На що масла?“

Дивци масла,

Дивка нытокъ дастъ.

„На що нытокъ?“

Дубу нытокъ.

Дубъ жолудъ дастъ,* и т. д. *

Дала їй лыпа лыпы, баба за лыпу масла, за масло дивка нытокъ, дубъ за нытки жолудъ, кабанъ за жолудъ иколь, виль за иколь ригъ, а море за ригъ и воды дало. Отъ курочка напоїла кура, дай жывуть, и хлїбъ жуиють, и постоломъ добро возать.

(Отъ жсе.)

ИВАСЬ.

Якъ бувъ соби чоловикъ да жинка, да въ ихъ сынъ Ивашко. Ось Ивашко той на батька: — „Тату, тату! Зробы, да й зробы, мыни човныкъ; поїду рыбки ловить!“ А батько говорить: „Да на що, сынчюк; ты малый: пойдешъ, да ще утопысься!“ — „Ни, — каже, — не утоплюсь, зробить!“ — Винъ й зробивъ ему. Ивашко й поплывъ, и наловивъ рыбки. Въ обидню пору маты понесла ему обидать; прышла до берега, да й клыче его:

„Ивась, сынокъ,

Золотый човнокъ,

А сребнее веселечко!

Плывы до мене,

Мое сердечко!“

.Ивась почувъ: —

„Близче, близче, човнику, до бережка:

Се моя матинка!“ —

Ось винъ прыплывъ, да й отдавъ рыбку; а самъ попойвъ, да й поплывъ изновъ. А змїя подслухала, да й прышла соби, и клыче (товстымъ голосомъ):

„Ивась, сынокъ,* и т. д.

— „Дальше, дальше, човнику, одъ бережка:

Се не моя матинка!“

— Отъ змїя й пишла до коваля, и просить его: „Ковалю, ковалю! Скуй мыни такый голосокъ, якъ у Ивашченой матери!“ Ось винъ и сковавъ. Вона й пишла до берега, колыжь изновъ чуе:

* Вопросы продолжаютъ.

„Ивась, сынокъ,“ и т. д.
 Якъ пишла мати, змія й соби:
 „Ивась, сынокъ,“ и т. д.

Винъ и прыпльвѣ, а вона ёго ухопыла, да въ зализный мишокъ, да й понесла ажъ до себе. Прышла пидъ двери й говорить: „Сучко-Оленко, одчыны!“ Сучка - Оленка одчыныла. Такъ вона взяла, да ёго пидъ пичъ: сорочку биленьку, штанци надила, товкачечку дала й оришкивѣ, винъ бѣ товкачечкою й йсть, да й говорить змія Суцьци-Оленьци: „Нажаръ,—каже,—пичъ, дя въ пичъ ёго и всады, и замажъ, да й попрыбирай тутъ все чисто, а я пиду по гостей.“ И пошла. Такъ тая Сучка - Оленка взяла, да й нажарыла пичъ, да на Ивасыка: — „Ось вылезъ сюды, Ивасыку!“ — А Ивасыкъ все й пидслушавъ, що говорыла змія Оленьци. Сучка - Оленка и лопату положила, да говорить: — „Сидай, Ивасыку, на лопатку!“ Отъ винъ и положивъ нижку; вона говорить: „Не такъ.“ Положивъ ручку: „Не такъ“—каже. Ось винъ говорить:—„А сядъ же,—каже,—сама, да научы й мене, якъ сидать!“ — Тилько що вона сила, а Ивасыкъ за лопату, да въ пичъ, да й замазавъ ии у печи. Попрыбиравъ самъ, вышовъ, да й заперъ хату, а самъ злизъ на превысоченного ясокора. Колы змія и йде: „Сучко-Оленко, одчыны!“ Тыхо: „Сучко - Оленко! одчыны!..... Оцце немае Сучкы - Оленкы: пошла на побридки.“ Взяла сама й одчыныла. Гости посидалы за стилъ. Вона выняла зъ печы, да й йдять. Попойлы добре, да повыходылы на двиръ, да й качающьца. „Покочуся, повалюся, Иващыного мясьця найвшысл!“ А Ивашко зъ ясокора й крычыть: — „Брешете, стары суки, Оленчыного!“—А вони: — „Де се?“—„Дывылысь, дывылысь, да й угледили. Отъ зміи й побиглы до ковали:—„Ковалю, ковалю! Скуй намъ такы сокырки, щобъ того ясокора зрубать!“ Винъ имъ и поковавъ. Ось вони пишли и давай рубать. Колы летять гусы; Ивашко давай ихъ просыть:

— „Гусы, гусы,—лебедята!
 Визьмить мене на крылята!
 Понесить мене до батенька!
 А въ батенька пыгы, исты,
 И хороше походыты.“

А гусы й говорятъ: „Нехай тебе середни визьмутъ!“ Ось летять середни; винъ просыть середнихъ:

„Гусы,“ гусы,—лебедечкы!
 Возьмить мене на крылечкы!
 Понесить мене,“ и т. д.

А вони й говорятъ: „Нехай тебе саме поганише задне визьме!“ Ось воно й летить; зосталося, сердешне, зъ заду. А зміи усе цюкають да рубаютъ: отъ-отъ-отъ упаде за того. Ивась и просыть ёго:

„Гуся, гуся,—лебедятко!
 Возьмы жъ мене на крылятко,
 Понесы жъ мене,“ и т. д.

Ось воно й ухопыло его на крыла, да втомылось, сердешне, то такъ нывько несе. А зми за нымъ, чы не схоплять ёго: женуцьця, женуцьця, да такы не наздогналы. Ось воно прынесло, да й посадыло Ивашка на верху, а само ходыть по двору, пасецьця. А маты й говорить:

„Печу, печу хлибчыкъ!
 Старшому — старшый,
 Меньшому — меньшый.“

А Ивашко: — „А мыни?“ — Маты каже: „Хто се тамъ?“ Да зновъ: „Се тоби, диду, пирожокъ, а се мыни.“ — „А винъ зновъ: — „А мыни, мамо?“ — Дидъ и баба повывигалы, да дивляцьця, и угледилы Ивашка; зхопылы ёго на руки, да въ хату й внеслы; гусятко жъ ходыть по двору, а маты й побачыла: — „Опъ гусятко ходыть: пйду я ёго визьму, да зарижу.“ А Ивашко каже: — „Нить, мамо, не рижте ёго; колы бъ не воно, то я бъ у васъ и не бувъ. Пойдите, да нагодуйте!“ — Отъ вона пошла, да взяла ёго, да нагодовала и напоила, и пидъ крыльця насыпала пшона и пустыла. Дакъ воно й полетело. — Отъ вамъ и казочка, и бублычквивъ вязочка.

(*Онь же.*)

МАЧЫХА.

Якъ бувъ соби дидъ да баба, а у ихъ дочка. Прышло время — баба и умерла. Дидъ соби другу взявъ, да и у ии дочка. У диды й корова. Отъ мачыха й говорить на дидову дочку: — „Жены корову пасты!“ — и дала ий кужелю прясты. Дакъ вона й погнала, и плаче дорогою. Коривка пытае: „Чого ты, дивочко, плачешъ?“ — Якъ же мыни, — говорить, — не плакать? Дали кужелю прясты.“ — „Не журись, — та коривка на дивочку каже, — сажай мыни кужель у праве ухо!“ А зъ ливого й выймае уже попряженный. Да оце, якъ стане смеркацьця, й пожене ии до дому. То на другый разъ мачыха й говорить на свою дочку: „Гоны, доню, ты пасты коривку!“ — Та и пожене, да на поли й каже: — „Сорокы, вороны! Идите до мене кужелю прясты!“ То сорокы й вороны понаалитаюцьця и порозхапують кужель, да й порозносять на гнизда. У вечери вона и пожене тую коривку до дому. До дому прыжене, то маты й пытае ии: „А що, доню, попряла кужель?“ — „Ни, мамо, не попряла: сокоры да вороны порозхаплювалы.“ То мачыха на дидову й говорить: — „Гоны отъ уже ты коривку пасты!“ — Оцьце вона пожене, — жене да й плаче. Такъ коривка изновъ пытае: „Чого се ты плачешъ, дивочко?“ — „Якъ же мыни не плакать, що тебе хочуть заризать? И кужелю, — говорить, — мыни дали прясты.“ — „Не журись, дивочко, — сажай у праве ухо кужель!“ Оцьце вона сажав, а зъ ли-

вого уха й выймає попрядене. Да й говоритъ тая коривка:—„Слухай,— каже,—дивочко: якъ будуть мене ризать, такъ ты просыся хлякы мыть. Да якъ будешь мыть, то тамъ знайдешь двое яблучокъ; якъ ты ихъ посадышь, то яблунькы повыростають.“ Отъ, ту коривку и заризалы. Дидова дочка й просыщця хлякивъ мыть. Такъ вона пошла на ричку, да й мыє, а тамъ двое яблучокъ: одно золотеньке, а друге сребрененьке. А бабына угледила дочка, да й гоньщця за нею, хоче однять. Такъ тая взяла, да въ крапывку и вкынула ихъ. Колы жъ й выросла яблунька: сребрененьке яблучко, золотеньке яблучко, а пидъ нею крынычка. — Ажъ їде Царь, да й говоритъ: — „Хто мни тее яблучко вырве, то я ёму половину царства, половину панства, оддамъ.“ Отъ бабына (дочка) прыскочыла, — хотила вырвать яблучко, дакъ яблунька въ гору; хотила водычкы зъ крынычкы набрать, а крынычка выизъ.

Дидова жъ прышла, водычкы набрала, яблучко вырвала, да й дала Царевычу. Осъ винъ їй и говоритъ: — „Я тебе визьму за себе замужь!“—И взявъ їи зъ собою. Такъ вони соби й дытынку нажылы. А мачыха розсердылась на їи, да взяла, да зробыла дидовїй такъ, щобъ козою побигла, . а свою дочку й посадыла на їи мисто. Дытынка й цыщкы у їи не ссе,—плаче усе. Отъ слуга й просыщця у свого пана:—„Понесу я дытя на погуляньне?“—„Несы,“ той каже. Винъ оцьце й понесе, и клыче:

„А— рысь, коза, молодець плаче,
Молодець плаче, їсты хоче.“

А вона й отказує.

— „Бижу, лечу, мїй сыночку,
Роса очы забыває,
Очереть нижкы пидколює,
Быстра вода не пускає.“

Оцьце й прыбжыть, да зъ себекож у скыне, а сама за дытыну, сяде й годує, да гирко, гирко плаче. Погодує, оддасть служи дытынку, да й зновъ побжыть. То тее слуга дытынку прынесе, то воно до сутокъ испытъ. На другый день изновъ плаче. Такъ винъ й зновъ просыщця: — „Пусты мене, пане, на погуляньне!“ — „Ну, їды!“ Понесе, да й гукає на їи:

А — рысь, коза, молодець плаче,“ й проч.

То вона й бжыть:

„Бижу, лечу, мїй сыночку,“ й т. д.

Прыбжыть, да зъ себе шубу скыне, й нагодує дытынку. А письля й каже до ёго: „А, дытынка моя любая! Тилько ще разъ намъ бачыщця, а то далеко уже поженуть мене; не почую, якъ будуть звать.“— Отъ винъ й однесе дытынку. Дытынка до сутокъ й зновъ спыть; на другый день встане, да й плаче. То слуга й зновъ просыщця:—„Пане мїй мылуй, пане мїй любый! Пусты мене на погуляньне!“—Отъ панъ ёго й пытає: — „Що се значыть, — каже, — що ты оцьце понесешь дытыну

на погулянье, да й не плаче?“ Такъ винь ему давай признавацьця: — „Щось, — говорыть — твоя, пане, жона побигла козою.“ — Отъ воны й нишлы у двоухъ. Слуга й зове ии:

„А — рысь, коза, молодець плаче,“ и т. д.

Вона й одвичас:

„Бижу, лечу, мій сыночку!“ и т. д.

Прыбигла, скинула зъ себе шубу, взяла дытынку, да такъ плаче! „Теперь, — говорыть, — моя дытыночко, никола въ свити не прыбижу!“ — А панъ узавъ, да и вкынувъ ии шубу въ огонь. Якъ затрещитъ шерсть, а вона й почула, да зъ кушъ: немає шубы! Дакъ панъ ии плащемъ накрывъ, й пошлы до дому, да й живутъ изъ нею. А тыхъ розстрелялы.

(Ось ось.)

УЖЬ И ЦАРЕВНА.

Бувъ соби Царь до Царыця, до було въ ихъ тры дочки. Ось Царь и заведужавъ, да й пославъ свою старшу дочку по воду. Вона й пошла набирать, ажъ ужъ: — „А куку!“ говорыть, — чы пидешъ за мене замужь?“ „А Царивна: — „Не пиду.“ — „Ну, не дамъ же, — говорыть — й воды.“ — Вона й пошла до дому и сказала: — „Тату! Не давъ ужъ воды!“ Ось друга говорыть: — „Пиду я: винь мыни дасть.“ И пошла. Ужъ и ий: „А куку! Чы пидешъ за мене за мужъ?“ — „Нить, — говорыть, — не пиду.“ — „Не дамъ же й воды.“ — Дакъ вона пошла й говорыть: — „Не давъ воды; якъ пидешъ замужь, то дамъ.“ — А меньша говорыть: — „Я пиду, дакъ мыни дасть.“ — Нишла, дакъ ужъ и до сіви каже: — „А куку! Чы пидешъ за мене за мужъ?“ — „Пиду, — говорыть. — Отъ винь и набравъ ий воды изъ самого дна, холодной, свижою. Вона прынесла до дому, напоила батька, такъ батько й одужавъ. Колы въ недилю поїздъ иде и говорыть:

— „Ой одчынай вориточка,
На що люба любувала,
Кацаривно!
Зъ броду воду набирала,
Кацаривно!“

Отъ вона злякалась, плаче, да йде, одчыняе ворота. Ось воны зновъ:

— „Ой одчынай, синечкы, Кацаривно!“ и т. д.
Вона одчыныла, йде, да й плаче. Воны зновъ:
„Ой одчынай хаточку,
Кацаривно!
На що люба любувала,
Зъ броду воду набирала,
Кацаривно!“

Отъ вишлы въ хату, а ужа на столи на тарильци й поставылы; а вишь лежить, — такый, ажъ золотый. Выходять зъ хаты й говорятъ:

„Ой сидай же въ кареточку,
Кацаривно!“ и т. д.

Теперь поїхалы ажъ увъ уживъ домъ. Тамъ ось жыуть воны, й дѣтя нажылы. И взялы соби куму, тилько не добра вона була. А дытына та скоро умерла, й маты скоро умерла за нею. Ось ничьцю пошла тая кума, де їи сховалы, да руки їи й пообризовала. А ничьцю окропу награла, парыть тьи руки, й золоты перстни здыймае. Ажъ тая Царивна, — такъ Богъ давъ,—й прышла до їи за рукамы, и говорыть:

— „И куры сплять, и гусы сплять,
Тилько моя кума не опыть;
Билии руки въ окропи парыть,
Золоты перстни здыймае.“

А кума й сховалась пидъ пиль. А вона изновъ говорыть:

„И куры сплять, и гусы сплять,
Тилько моя кума не спыть,“ и т. д.

На другой день прышлы, ажъ кума пидъ поломъ и вмерла. Такъ їи, не запечатавши, такъ и вкынули въ яму.

(Опъ же.)

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Смѣсь.

НЕ ЛЮБО—НЕ СЛУШАЙ.

Якъ бувъ я ще парубкомъ, а дидъ тоди ще невеличкымъ бувъ, а батька ще на свити не було; то дидусь покійныкъ було пытаецьця: — „А що будемъ, сыну, робить? Зима холодна!“

То я було дида ражу: — „Пойдемъ, — кажу, — дидусю, въ лисъ, да нарубамъ дровъ!“

— „Пойдемъ, такъ и пойдемъ!“

А въ насъ бычечкы невеличкы соби булы, такъ, — можна на прыгорщъ було взять. Пойхалы въ лисъ. Дывлюсь, ажъ ломачья така велика купа! Я стукъ сокырою въ те ломачье! А видьмидъ звидтыля, зъ того ломачья. Колы я въ те ломачье, ажъ шестеро яецъ. Якъ узялы мы зъ дидомъ, то дручьчямъ на визь не скотылы, да вже я ледви не ледви въ шапку забравъ, такы великы! Отто прынисъ дидому, а въ насъ якъ на те, правда, свыня квоктада. Отъ я пидсыпавъ пидъ ту свыню, а вона й вылупыла мыни шистъ воливъ, такъ якъ соколивъ. Тоди вже якъ узялы мы зъ дидомъ тымы воламы поле орать, да хлибъ сiятъ: да и вродыло жъ добре! Выйдемъ було зъ дидомъ на поле, такъ то чуже, а то не наше, то чуже, а то не наше! Якъ узялы жъ мы женцивъ збирать, такъ, Боже мiй мылостывый! що то мы того женця зобрали! Ажъ одну бабу! Якъ понажынала вона намъ кипъ: Боже мылостывый, скилько кипъ! А дидъ покійныкъ и пытаецьця въ мене: — „Де жъ мы, — каже, — сыну, будемъ скырты складаты?“

А я кажу: — „Аже жъ у насъ комень великый, то на комени скырты складемо, а на печи молотытымемъ!“

Якъ же вклянулася та проклята кузька, мышы, да такъ же вклянулася! А въ насъ, прызнаецьця, кить добрый бувъ. Якъ махнувъ винъ по комену, якъ ударить хвостомъ, а нашы скырты да въ помыйныцю!

А тутъ уже й батько пидрисъ. Дакъ маты було все любить молоко парене, а мы все кисле; то маты було по селу парыть, парыть, а мы въ запичку кыснемъ, кыснемъ! А батько, правда, рыбалка добрый бувъ: кыне удочку въ чужу будочку, то й тягне не кожухъ, такъ свыточку. Отъ мы й розжылысь. Такъ батько й каже: — „У тебе маты, вмерла, а въ мене жинка, то поставымо обидъ!“

Якъ узялы жъ мы збирать людей на обидъ, да зъ такымъ договоромъ, щобъ була своя ложка, и хлибъ, и силъ. Ото якъ нашло

народу, такъ Боже мылостывый! Ажъ два чоловика! Дакъ батько й каже: — „Засолить же оце озерце, до выйже щербичку, а насподи буде рыбка!“

Дакъ ты люде не здяковалысь!

(*Разсказывалъ одинъ старикъ, возлѣ Канева.*)

ЗАГАДКИ.

Ото оре чоловикъ у поли, ажъ иде Царь. Чоловикъ доходить до шляку, а Царь зове ёго: — „Диду!“ — каже, — чы якъ тамъ. — „Чого, пане!“ Бо тоди ще не було сыхъ Благородій, а запросто: „Пане!“ да й тилько. „Чого, — каже, — пане?“ — „Чы давно, диду, на гори лягли сныгы?“ — „Давно, пане: годивъ пятнадцять, або й двадцать.“ А се бѣ то бачъ, чы давно голова посывила. — „Э!“ думавъ соби Царь. — „А чы давно, — каже, — пошла вода зпидъ гирь?“ Зъ выщого, бачъ, розуму закидыае крючка. Знаешъ, у старыхъ людей такъ слёзы зъ очей идуць. Э, да се жъ и дидъ соби вдавля! Пытаецъца ще: — „Чы багато на неби звизаць?“ — Каже: „Пасъ волю, да все личывъ, а передъ свитомъ заснувь, то й не доличывъ.“ Оце загнавъ дида! Думавъ соби. — „Гляды жъ, — каже, — чоловиче, залетать сиры гусы зъ Билои Русы, то пиддери хорошенько!“ — „Добре, — каже, — якъ живъ буду, то пиддери!“ И поихавъ соби. Ото прышовъ въ Сенать, а тамъ старыкы такыи сыдятъ, звисно Сенаторы. Отъ винъ заразы: — „А чы давно ляглы сныгы на горахъ?“ Тыи тамъ думалы, думалы. А вже бачыть, що вже стары, да ничего не втнуть. Вони тамъ до книгъ, вони до богословіи, перекидыають, книжки ламають: Оттакъ Богъ создавъ небо, оттаки ричкы. Ни, не втнуть! „Эге, — каже, — пошлить до такого й такого старычка, винъ скаже. Ну, а грошей до смутку въ тыхъ членивъ. Отъ вони выбрали поштара, дали ёму кылько тамъ тысячъ: „Дуй!“ Убигъ той у сельце, спытавъ: — „Чы живъ такий и такий старыкъ?“ — „Жывъ,“ — кажуть. До ёго заразы: „Здоровъ, диду!“ — „Здоровъ, пане!“ — „Пусты на кватеру!“ — „Идъ же, пане!“ — „Сино, овесь есть?“ — „Есть, пане.“ — „Ну, такъ пусты на кватеру!“ — „Идъ же, — каже, — пане!“ Ото заихавъ, заразы пославъ за горилкою, що треба якось не будь крючка закынуть. А якъ якого, то й горилкою не обманышь. Пытаецъца ото: — „Чы знаешъ, диду, давно на гори лягли сныгы?“ — „А якъ же не знать?“ — „А чы знаешъ, — пытаецъца, — чы давно пишла вода зпидъ гирь?“ — „Да знаю, — каже, — колы й вода, колы й що.“ А тутъ того й прыихавъ. Кынулось диду въ голову: „Оце, може, то й панъ прыславъ!“ — „Що, — каже — тоби дать, щобъ сказаць?“ — „Тысячу рублей, — каже, — то скажу.“ — Тягне той тысячу зъ кармана: — „Кажы, старыкъ!“ А дидъ: „Постій, — каже, — заховаю грошы въ комору.“ Заховавъ. — „Ну, — каже, — старыкъ: „Ото такъ, пане. Оце, що сныгы

впалы, то то ваша голова посыдила.“ Той дывыщыця. — „Оце,“ — каже, — такъ!“ — „А то, — каже, — що вода пшла знідъ гиръ, то то въ старого чоловіка, такъ хочъ бы й въ мене, слёзы почалы йты зъ очей.“ Той тоди: — „Господы! Оце такъ!“ каже. — „Видкыля, — каже, — вы, пане?“ Каже: „Зъ Петнбурха“ — „Ге! Якъ, — каже, — ихавъ колысь якыйся панъ. Я, — каже, — дохожу до шляху, а винъ почавъ мене пытать, а я ёму одвичавъ. Пытавъ: „Чы давно на гори сныгы ляглы?“ а я ёму одвичавъ: „Годивъ зъ пятнадцать, або й зъ двадцать.“ Пытавъ: „Чы давно пшла вода знідъ гиръ, а я ёму отакъ, отакъ одвичавъ. То винъ и сказавъ: — „Гляды жъ: диду, налетить спры гусы зъ Билои Русы, то пиддеры хорошенько!“ А я ёму й кажу: — „Якъ буду жывъ, то пиддери.“ Тоди той поштаръ назадъ: — „Оттакъ и такъ, панове!“ — Тыи ажъ за голову вхопылысь: — „Щобъ намъ було такъ казатъ! Мужыкъ, да давъ Царю одвить!“ — „Эге! И зъ нашымъ братомъ часомъ не жартуй!“

(Тамъ жь, другой старыкъ.)

СЦЕНЫ ИЗЪ ДОМАШНЯГО БИТА.

I.

Мы зъ жинкою, — не хай легко ий души! — прожылы до старостей своихъ. А дидыжны було доводи, — вичный покой предкамъ и дидамъ! — и къ тому ище прыжылы. А дитокъ намъ Богъ не давъ. Дакъ ото мы зъ бабою й порадылысь. Такъ вона и каже: „Що будемо, диду, робыты? Нездужаеми, а робыты никому. Да й прынялы небожа. Ёму жъ я и препоручывъ свое мизерство. А баба й каже: — „Що жъ то, старый! Тоби е помичъ, а мыни нема!“ Постій, бабо, оженю, такъ и тоби помочъ буде!“ Да ото й оженылы. Отъ и баби е помичъ. Правду кажуть: *що рада, то незрада*. А воны, — слава Богу, — добры, ище не огрызающыця; а якъ що не такъ, то я такы не втерплю, да й скажу, а якъ мижъ собою заведуцыця, то я й ципуру покажу: „Ось, — я кажу, — васъ помырю!“ А умремо, то й буде имъ худычына.

(Разказывалъ Семень Юрченко, въ Мартыновкѣ.)

II.

„Вы у охотныцке дильце, голубчыкы, охотытесь?“ — „Охотымось, добродію; а не знаемо, въ яке.“ — „Въ легеньке, — каже: налыть, про-

дать.“—„Въ шинкарське! Охотымось.“—То вы бѣ у мене брали горилочку!“ — „А може вы, добродію, на выгоду не такъ, якъ иншы.“— „О, ни, мы зійдемось!“

(Онъ же.)

III.

Спасыби вамъ за ягідкы! Понесу для внуквѣ!“ — „Чы воны жѣ тебе жалуютъ?“ — „А якъ же? Прыйде до мене, да сяде на коліняхъ: „Дисусечку, голубчыку! Слипесенький!“ да й обніме. „Да ну, йдѣть!“ — „Э, ни, дидусечку! Мы тебе жалуемъ.“ Да якъ сяде на коліняхъ, то и серце радіє. А други дурни: „Чого винѣ ихъ жалувѣ? Чы воны ёго диты?“ А я имъ: „Дурачество вы говорыте! Чоловикъ пташку пойме, на руку посадыть, да й радуецьця; а то жѣ такы Хрыстыянынѣ, свое ридне!“

(Онъ же.)

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Преданія Историческія.

	Стр.
Золотые Кіевскіе ворота	1
Жидовскіе откупы.....	2
Козаки и Жолнѣры.....	—
Хмельницкій и Барабашъ	—
Хмельницкій въ Запорожской Сѣчи.....	3
Плата Хмельницкаго за плѣнныхъ	4
Хмельницкій надъ Случью	—
Войны Хмельницкаго.....	—
Юрій Хмельницкій.....	5
Царь Петръ и Палій	—
Мазепа и Палій.....	7
Степанъ Плаха.....	8
Чупрына и Чортоусъ	11
Шелестъ, Лусконигъ, Гныда и Зализнякъ.....	19
Максымъ Шыло.....	23
Гайдамаки въ Черкасахъ.....	25
Наймытъ Гайдамака.....	26
Вовчокъ.....	—
Гайдамака и пасичныкъ.....	27
Местъ за имя Жида.....	28
Гайдамаки въ Мотренинскомъ монастырѣ	—
Максымъ Зализнякъ.....	30
Бѣгство Гайдамакъ.....	33
Золотая Грамота.....	34
Гайдамаки въ Каневѣ.....	—
Швачка.....	36
Гайдамаки въ Жаботинѣ.....	37
Гайдамаки въ Умани.....	—
Неживый.....	—
Цехмыстеръ.....	38
Благочестіе.....	40
Ярмарки.....	—

0-50

Жолнѣры.....	41
Харко	—
Базиліане.....	42
Разсказы о Запорожцахъ.....	—
Очаковская бѣда.....	52
Разсказы о Татарахъ.....	55
Козаки 1790 годовъ.....	55
Война съ Польшею (1793 — 1795).....	59
Камышники	—
Гладкій	60
Урочища въ Смѣлой	—
Урочища въ Звенигородкѣ	61
Прежнія времена въ Украинѣ	62

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Преданія Фантастическія.

Кирило Кожемяка	67
Свиридова могила.....	69
Соколь и пчела	70
Превращенія	—
Царевичъ и баба	71
Царевичъ и Цыганка.....	72
Мышь и воробей.....	74
Волкъ прожора.....	75
Братоубійца.....	76
Кузь и курочка	77
Ивасъ	79
Мачиха.....	81

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

С м л ь с ь.

Не любо—не слушай.....	87
Загадки	88
Сцены изъ домашняго быта.....	89

